

S. $\frac{10}{28}$

10
28

АПРАКСИНЫ.

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ.

ДОПОЖАРНАЯ ЭПОХА.

Н. А. ЛЕЙКИНА.

ИЗДАНИЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КОММИССОНЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ,
ГОГЕНФЕЛЬДЕНА И КО.

1864.

6301-

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 12 Февраля 1864 года.

2007084385

АПРАКСИНЦЫ.

СЦЕНЫ И ОЧЕРКИ.

ДОПОЖАРНАЯ ЭПОХА.

I.

То торговое мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ еще и понынѣ процвѣтають слова: *сначить, клево, керый, вершать* и тому подобные термины изъ языка російскихъ офеней, издавна называется „Апраксинымъ дворомъ“ или „Апраксинымъ“.

Кто изъ васъ, петербургскіе читатели, не знаетъ этого злачнаго мѣста? Кто изъ васъ не имѣлъ нужды прогуливаться по лабиринту его сбивчивыхъ линій и проходовъ?

Захочетъ-ли воспитанникъ пріобрѣсть себѣ подержанный учебникъ, понадобится-ли кому подобать къ замку ключъ, къ чайнику крышку, пожелаетъ-ли какой-нибудь любитель старыхъ книгъ пріобрѣсть „Письмовникъ“ Курганова и тому подобное старье — всѣ бѣгутъ на Апраксинъ. Ёдетъ мужикъ въ деревню — основы закупаетъ на Апрак-

синомъ; понадобилось экономной барынѣ матеріи на платьѣ, стали на кринолинъ, или чего-бы то ни вздумалось — деньги въ карманъ, и на Апраксинъ. Хочетъ-ли обмундироваться солдатъ, вышедшій въ офицеры — и онъ себѣ найдетъ тамъ нужное; захотѣлось-ли промотавшемуся мастеровому усладить свою жизнь извѣстною спиртуозною жидкостью — тащить какой-ни-наестъ скарбъ, продаетъ на толкучкѣ и пропиваетъ вырученные деньги. Низшій классъ увѣряетъ, что безъ Апраксина онъ и существовать не можетъ, а библіофилы и библіоманы отъ него просто въ восторгѣ; нерѣдко слышишь рассказы, что они пріобрѣли тамъ такіа сокровища въ видѣ книгъ, которыя потомъ цѣнили на вѣсъ золота. Исполосуйте вы Апраксинъ вдоль и поперекъ — чего-чего вы тамъ ни увидите, что тамъ ни продается и что ни покупается! Нѣкоторые тамошніе остряки говорятъ, что „на Апраксинъ что хопъ принеси, все купятъ: отца съ матерью — и того купятъ“. И въ самомъ дѣлѣ, взгляните хорошенько, чего-чего тамъ нѣтъ! Мужское и женское платьѣ всѣхъ модъ, начиная чуть-ли не отъ Екатерины II. книги, портреты. золоченныя рамы, солдатскія пуговицы, пироги съ семгой, шелковыя ткани, посуда, кислая щи... ну все, все, кромѣ вина и водки. Да и то есть: выйдите только изъ лабиринта закоулковъ и вы увидите на дворѣ краснаго цвѣта флигелекъ, гдѣ помѣщается погребокъ, трактиръ и полицейское управленіе.

Говорятъ владѣтели: Апраксинъ такъ выгоденъ, что они не промѣняютъ его ни на какіе золотые приіски; да и не мудрено вѣрить, ежели принять въ соображеніе цѣны на лавки. За наемъ лавки, построенной на трехъ или четырехъ квадратныхъ аршинахъ земли, платятъ по шестисотъ рублей въ годъ, а иногда и болѣе: прибавьте ко всѣмъ этимъ удобствамъ то, что ни одна страховая контора ни за какіе проценты не беретъ на страхъ товаръ, и удовольствіе торговцамъ лѣтомъ стоять на сквозномъ вѣтрѣ (*), а зимою мерзнуть на двадцати-пяти-градусномъ морозѣ.

Но читателю можетъ-быть покажется страннымъ, отчего торговцы, во избѣжаніе этихъ неудобствъ, не сговарятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, не просятъ у правительства мѣста и не построятъ болѣе удобныхъ и теплыхъ лавокъ. На это мы васъ попросимъ поговорить съ любымъ апраксинцемъ. Вотъ что онъ вамъ на это отвѣтитъ:

— Помилуйте, какъ можно-съ! Здѣсь мѣсто на-сѣженное. Переселись-ка куда-нибудь, такъ покупателя-то и въ глаза не увидишь,—съ голоду по-мрешь.

— Пустяки! отвѣтите вы на это: — пусть соединятся болѣе сильные торговцы, къ нимъ присоединятся маленькіе торговцы и образуется нѣчто

(*) До пожара 28 мая 1862 г. страховыя конторы принимали на страхъ товары только въ лицевыхъ каменныхъ флигеляхъ.

цѣлое, отдѣльный рынокъ; да и владѣлецъ-то, увидя, что его мѣстомъ не дорожатъ, сбавить цѣны найма лавокъ.

— Что вы, зачѣмъ ему сбавлять! Да сойди-ка кто съ мѣста, такъ на его мѣсто десятки найдутся. Развѣ мало здѣсь приказчиковъ, которые желаютъ сами торговать! Они и теперь-то шныряютъ да нюхаютъ, не сдается-ли гдѣ лавка; по тысячѣ рублей выходу даютъ, сами на наемъ надбавляютъ, только-бы лавка досталась. Нѣтъ, ужъ здѣсь мѣсто насыщенное! У насъ есть такіе люди, которые выстроитъ на землѣ владѣльца лавки, платятъ ему поземельные и отдаютъ въ наймы отъ себя. Капиталы наживаютъ,—вотъ какъ выгодно!

Всѣхъ торгующихъ на Апраксиномъ можно раздѣлить на три касты: на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ. Къ числу первыхъ относятся хозяева, ко вторымъ — молодцы, то-есть приказчики, и наконецъ къ третьимъ—продающіе и перекупающіе разный хламъ и ветошь, а иногда занимающіеся, какъ выражаются молодцы, „карманною выгрузкою“. Люди эти не имѣютъ осѣдлости, цѣлый день шныряютъ по линіямъ и обращаются къ проходящимъ съ слѣдующими вопросами: „Не продаете-ли чего? Кавалеръ! кажи, что несешь? Почему голенищи?“

Патриціи, то-есть хозяева—вольныя птицы; они пользуются всѣми удобствами жизни; но плебеи — молодцы — въ совершенной зависимости отъ хо-

зыевъ; занятые круглый годъ, лѣтомъ съ восьми часовъ утра и до девяти вечера, а зимою съ девяти утра до пяти, они совершенно не имѣютъ воли и не смѣютъ сдѣлать шагу безъ спроса хозяина, не смѣютъ провести ни одной идеи, и по понятію хозяевъ, суть ничто иное, какъ машины или ломовыя лошади. Пролетаріи въ дѣлѣ свободы гораздо счастливѣе ихъ; по-крайней-мѣрѣ тѣ могутъ сказать: „я самъ себѣ господинъ“.

Кромѣ трехъ дней въ году, на Апраксиномъ круглый годъ производится торговля. Эти завѣтные три дня: первый день пасхи, троица и рождество. Только въ эти дни вы можете увидать запертыя лавки и затянутыя веревкой линіи.

Впрочемъ кромѣ этихъ трехъ дней, есть еще дни, когда апраксинцы торгуютъ только до обѣда, то-есть только до двѣнадцати часовъ, а именно: въ *прощеное* воскресенье, — на масляной и въ *Томино* воскресенье—первое послѣ пасхи, когда учиняется расчетъ прикащиковъ съ хозяевами.

Аптекарскіе приказчики, фельдшера въ больницахъ, наконецъ извозчики, лакеи, горничныя — и тѣ чередуются между собою и гуляютъ въ праздники; мы не говоримъ уже о мастеровыхъ и поденщикахъ. Въ воскресенье, послѣ шести-дневнаго труда, всѣ отдыхаютъ, всѣ стараются выдвинуть этотъ день изъ колеи другихъ дней и отличить его хоть какими-нибудь прихотями и удовольствіями. Но бѣдные апраксинскіе молодцы не испыты-

ваютъ этого удовольствія; они не знаютъ наслажденія воскреснаго отдыха послѣ шести-дневнаго труда. Они не могутъ сказать, что, отдохнувъ въ воскресенье, принимаются въ понедѣльникъ за дѣло съ новыми силами.

Почти всѣ апраксинцы живутъ въ Московской части и Апраксиномъ переулкѣ; очень немногіе въ другихъ частяхъ города. Подите вы въ девятомъ часу утра по Чернышеву переулку — и вы встрѣтите сотни бѣгущихъ къ мѣсту торжища молодцовъ, размахивающихъ руками и надѣляющихъ толчками прохожихъ. Когда вамъ, любезный читатель, случится проходить по Чернышеву переулку, то, завидя бѣгущихъ молодцовъ, сходите съ тротуара: иначе они надѣлятъ васъ такими толчками, что вы невольно уступите имъ мѣсто.

Вторая половина декабря. Девятый часъ утра. На улицѣ еще очень сѣро, что-то такое между ночью и днемъ; зѣвая ѣдутъ на промыселъ извозчики и изрѣдка перекидываются между собою словомъ. „Вишь утро-то какое морозное!“ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ, ударяя озябнувшей рукой въ желтой рукавицѣ по облучку. Понурия головы, тихо выступаютъ ихъ лошади; заиндевѣвшія морды ихъ кажутся какъ-бы обросшими сѣдыми бородами. На дворѣ до двадцати градусовъ морозу. Почти изъ каждой трубы струится дымъ; отъ холоду онъ не разсѣвается въ воздухъ, а какимъ-то облакомъ ложится надъ домами. Дѣло близко къ празднику—

рождество на дворѣ; къ этому дню въ Петербургъ привозится огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Вотъ и теперь тащатся розвальни съ гусями, индѣйками, курами; вонъ изъ-подъ рогожи выглядываетъ окаменѣлая отъ морозу голова барана. У сливочныхъ и зеленныхъ лавокъ выставили уже елки; черезъ четыре дня эти елки внесутся въ теплыя комнаты, украсятся конфетами и уставятся зажженными свѣчами. Всѣ радуются приближающемуся празднику, даже и молодцы: и у нихъ этотъ день будетъ одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку. „Вотъ, думаютъ они, выступая къ мѣсту торжища:— пройдемъ еще четыре раза взадъ и впередъ по этой дорожкѣ — и праздникъ наступитъ“. Смотрите, какъ спѣшатъ они, идя по Чернышеву переулку, какъ размахиваютъ руками! Воротники ихъ подпоясанныхъ кушаками шубъ успѣли уже покрыться инеемъ. Впереди всѣхъ выступаетъ въ енотовой шубѣ и котиковой фуражкѣ бородатый старшій молодецъ; въ карманѣ у него ключи отъ лавки. Въ его походкѣ есть нѣчто важное, отдѣльное, непохожее на походку другихъ молодцовъ; даже и фizioномія его какая-то хозяйская. Смотрите, у него на примѣтѣ непременно есть лавка; послѣ пасхи онъ возьметъ расчетъ у хозяина и будетъ самъ хозяйствовать. Сзади него выступаютъ младшіе молодцы въ бараньихъ, лисьихъ и заячьихъ шубахъ. „Смотри, карандашъ потерялъ!“ поддразниваетъ одинъ изъ

нихъ голавшагося имъ на дорогѣ школьника. „Отчего это у него колѣнки протерты?“ спрашиваетъ другой. Школьникъ отпускаетъ нѣсколько ругательствъ и идетъ далѣе. За молодцами бѣгутъ съ какими-то мѣшками три мальчика. Одинъ оторвалъ отъ водосточной трубы сосульку: ему очень хочется швырнуть ея въ пробѣгающую мимо собаку, но онъ боится зоркаго молодца, — оттрепетъ на мѣстѣ преступленія. Вотъ уже они и на мѣстѣ, подходятъ къ лавкѣ, крестятся, сторожа снимаютъ шапки, кланяются; вездѣ щелкаютъ запоры, звенятъ ключи.

Декабрь мѣсяцъ, а въ особенности за нѣсколько дней до праздника—время торговое, боевое, какъ выражаются апраксинцы, покупатель все денежный: кто идетъ купить себѣ обновку къ празднику, кто подарки для прислуги, а кто и самъ несетъ продать какое-нибудь лѣтнее платье, чтобъ было бы съ чѣмъ встрѣтить праздникъ. И это тоже не безвыгодно для апраксинцевъ; обыкновенно вещи эти приобрѣтаются за безцѣнокъ. Еще денька два-три—и по Апраксину запестрѣютъ цвѣтные околышки фурашекъ. Чиновники получаютъ награды и бросаются покупать себѣ и своимъ дорогимъ половинамъ обнови. Тогда только припасай торговцы ситцу, сапоговъ, башмаковъ и тому подобныхъ вещей, безъ чего не можетъ обойтись ни одна проза жизни. Въ это время чиновники бываютъ чрезвычайно любезны.

— Ну что, какъ торгуете? спрашиваютъ они молодца, платя ему за товаръ новенькими кредитными билетами.

Ничего-съ, теперь хорошо. Новенькіе... съ молоточка! замѣчаетъ тотъ, принимая бумажки.

— Подъ номеръ! сейчасъ только получилъ, — и чиновникъ съ важностью ударяетъ по тощей пачкѣ бумажекъ.

Въ эту минуту онъ счастливъ; онъ испытываетъ въ рукѣ пріятную тяжесть въ видѣ двадцати, тридцати рублей. Вы, господа богачи, вы не поймете его счастья!

Вотъ теперь, только-что отворили лавку, не успѣли еще мальчики и половъ вымести, какъ уже и покупатели зашныряли по рядамъ. Первой покупательницей была какая-то старуха въ истасканномъ салонѣ и изломанной шляпкѣ. Шляпка эта потому только могла носить такое наименованіе, что была надѣта на голову. Старуха желала прикупить по образчику аршинъ ситцу.

— Ну, для почину *староплендія* ввалилась! проговорилъ одинъ молодецъ. — *Отначь!* крикнулъ онъ другому молодцу, которому старуха показала образчикъ. И молодецъ отначилъ, то-есть отказалъ старухѣ. Та не поняла этого технического выраженія и поплелась далѣе.

Вотъ уже и одиннадцатый часъ. Молодцы послали мальчика въ трактиръ заварить чай. На Апраксиномъ пьютъ чай по четыре и по пяти разъ

въ день, а у тароватыхъ хозяевъ и болѣе. Въ какое угодно время пройдите вы по рядамъ—навѣрно увидите молодцовъ, пьющихъ чай. Пьютъ обыкновенно въ прикуску или, какъ называютъ туземцы, *съ урызненіемъ*. На Апраксиномъ есть легенда про одного скупого хозяина, который поилъ молодцовъ чаемъ, и изъ экономіи, чтобъ они не съѣдали слишкомъ много сахара, не давалъ имъ его въ руки, а привѣшивалъ на ниткѣ къ потолку; когда они пили, то, желая усладиться, могли подходить и лизать этотъ кусокъ.

Но какъ ни грѣлись молодцы чаемъ, а согрѣться не могли: русскій морозъ взялъ свое. Вотъ стоятъ они на порогахъ, отъ холода постукиваютъ ногами, помахиваютъ руками и громко зазываютъ покупателей, перечисляя всѣ имѣющіеся у нихъ товары.

По ряду идетъ молоденькая, хорошенькая дѣвушка изъ моднаго магазина, подобрать *подъ* образчикъ кусокъ лентъ.

— Пожалуйте, здѣсь покупали! говоритъ довольно красивый молодецъ, занятый закручиваніемъ лѣваго уса.—Иванъ, что ротъ-то разинулъ? Пусти пройти старушку! остричь онъ.

Дѣвушка опускаетъ глазки и проходить.

— Славная *штучка*! замѣчаетъ усатый молодецъ.

— Готовое платье, сертуки, жилетки модныя, фуражки, шапки бобровыя! Здѣсь покупали, купецъ!—слова эти относятся къ одѣтому въ тулупъ

мужику. Услыша такое лестное для себя наименованіе и имѣя нужду въ покупкѣ, онъ нейдетъ далѣе, а заходитъ въ лавку.

Вообще, зазывая покупателя-мужика, его именуютъ купцомъ, солдата—кавалеромъ, мастера—хозяиномъ, деревенскую бабу—теткой, молоденькую горничную—умницей; всѣхъ же имѣющихъ счастье носить шляпку—сударыней, а офицеровъ и даже чиновниковъ, ежели на фуражкѣ ихъ красуется кокарда—вашимъ благородіемъ; когда же эти личности зайдутъ въ лавку и купятъ чего-нибудь не торговавшись, то, прощаясь съ ними, ихъ навѣрное назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

— Но войдемте, читатель, въ какую-нибудь лавку. Вотъ вывѣска гласитъ, что это лавка купца Калистрата Берендѣева; на ней изображены съ одной стороны сапогъ, съ другой башмакъ, и по срединѣ надпись: „продажа сит. ват. кал. саш. баш. и другихъ суровскихъ товаровъ“. У входа на порогѣ стоитъ огромная корзина съ ватой и двое мальчишекъ, съ ногъ до головы замаранные ею, отчего они кажутся какъ-бы сейчасъ обсыпанными снѣгомъ. У прилавка стоитъ баба въ ситцевомъ, на заячьемъ мѣху, шугаѣ. Молодецъ мѣряетъ ей на деревянный аршинъ коленкоръ; желѣзный аршинъ лежитъ поодаль.

— Да ты бы, косатикъ, на желѣзный мѣрилъ.

— Да нешто тебѣ не все равно, тетка? На

этотъ мѣрить-то способнѣе. Вишь тотъ такъ накалился морозомъ, что его и въ руки не возьмешь.

— Да уважь меня, миленькій!

— Чего уважать-то, тетка! Ужъ такую цѣну беремъ. На желѣзный будетъ дороже стоять.

— Да ужъ мѣрій, мѣрій, что съ тобой! Мнѣ-бы еще вотъ ситчику на рубашку для паренька нужно.

— Изволь, есть, что-ни-наестъ важнецъ! Манерь хорошій, генеральша вчера для сыновей брала.

— Мнѣ-бы, знаешь, эдакой манерецъ: собачками, али вавилонцами.

— Да нынче такихъ не носятъ, все травками. Вотъ возьми, — лихой манерь! И краска прочная: въ трехъ щелокахъ стирай, не слиняетъ.

На стулѣ сидитъ дама въ капорѣ и примѣриваетъ калоши; она изрыла цѣлый ворохъ обуви, но ничто ей не нравится.

— Малы мнѣ эти калоши, говоритъ она.

— Помилуйте! возражаетъ ей на это молодецъ, для большей учтивости какъ-то проглатывая слова: — разносятъ, только до первой сырости. А то не угодно-ли вотъ эти примѣрить? Всего за каблуки и застежки полтина дороже.

— Велики! отвѣчаетъ дама, чуть не брося калоши.

— Извѣстно, кожа новая; носить будете — обтянется, сядетъ, да и носить свободнѣе.

Но какъ ни увѣрялъ молодецъ, что велики, такъ сядутъ, а малы такъ разносятъ, — дама не

купила ничего, а надѣвъ свои старыя сандали, вышла изъ лавки.

— Вишь, шлюха, нарыла сколько! прошепталь молодець, принимаясь убирать товаръ, и послѣ крикнулъ:— съ собой-ли деньги-то?

— Что, что ты сказалъ, мерзавецъ? Повтори! завопила дама.— Ахъ ты скотина! ахъ ты мужикъ. невѣжа! Да знаешь-ли кому это ты сказалъ? Я чиновница! У моего мужа двадцать подчиненныхъ... Да ежели я ему на тебя, мерзавца, пожалуюсь, такъ онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ. Въ тюремѣ сгніешь. Дай мнѣ сейчасъ номеръ отъ твоей лавки!

— У насъ такихъ не водится.

— Не водится... грабители! Все равно, я знаю твою лавку. Я тебѣ покажу, мерзавецъ!

— А ну-ка покажи! крикнулъ кто-то съ порога, но разгнѣванная дама уже не слыхала этихъ словъ и вошла въ лавку напротивъ.

Вонъ въ лавкѣ готоваго платья купца Харламова нѣтъ ни одного покупателя. Молодцы — кто пьетъ чай, а кто грѣтся, помахивая руками и выбивая ногами мелкую дробь. Холодно. Морозъ такъ и кусаетъ носы; даже лавочный котъ озябъ, стоитъ и трясетъ лапкой. Звонко, какъ валдайскіе колокольчики, кричатъ мальчишки на порогѣ, зазывая покупателей.

— *Самъ* идетъ! крикнулъ одинъ изъ мальчиковъ, завидя хозяина.

Эти слова произвели магическое дѣйствіе: одинъ приказчикъ чуть не захлебнулся чаемъ и только къ счастью, что отдѣлался обжогомъ. Всѣ бросились за прилавокъ и выстроились какъ солдаты передъ командиромъ, а обжогшійся молодецъ снялъ съ полки кусокъ матеріи и неизвѣстно для какой цѣли началъ его раскатывать. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени въ лавку вошла толстая фигура *самого*, то-есть хозяина, въ енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и въ котиковой фуражкѣ.

Вошедши въ лавку, Харламовъ помолился образу, вынулъ клѣтчатый синій платокъ, освободилъ имъ свою бороду отъ сосулেকъ и вытеръ свою клюкву, то-есть, виноватъ! — носъ. Клюквою прозвали этотъ носъ апраксинцы за его красносизый цвѣтъ; собственно же онъ ничего не имѣлъ общаго съ клюквой, а скорѣе походилъ на кусокъ дикаго мяса. Вытерши свой носъ, Харламовъ вышелъ на порогъ поглаживать свой животъ.

— Степану Иванычу! привѣтствовалъ его купецъ Блюдечкинъ съ порога своей лавки.

— Ивану Григорьичу почтеніе! отвѣчалъ Харламовъ, не приподнимая фуражки, и повернувшись, снова вошелъ въ лавку.

— Продавали сегодня? спросилъ онъ молодцовъ.

— По-малости, отвѣчали тѣ:— два тулупа, сертукъ да брюки...

— Только даромъ хлѣбъ ѣдите! Никакого знакомства съ покупателемъ завести не можете. Только одно на умѣ, какъ-бы брюхо набить! — И онъ началъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Ну, разлаялся!... сердить. Вѣрно *сама* водки не дала, — замѣтилъ молодецъ.

— Здравствуйте, господа! извините, здравствуйте! проговорилъ скороговоркой вбѣжавшій въ лавку Блюдечкинъ.

Блюдечкинъ былъ совершенная противоположность Харламову: тоненькая, невысокая фигура съ клинистою рыженькою бородкою и плутоватыми сѣренькими глазками. Фигуркѣ этой было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Она обладала двумя торговыми заведеніями на Апраксиномъ, имѣла до десятка лавокъ, которыя отдавала въ наемъ, пользовалась у торговцевъ неограниченнымъ кредитомъ и слыла за богача. Разговаривая, Блюдечкинъ вмѣшивалъ двѣ поговорки: „извините“ и „не обидьтесь“.

— Степанъ Ивановичъ здѣсь?

— Наверху-съ.

Блюдечкинъ подошелъ къ лѣстницѣ.

— Купецъ Харламовъ! извини, не обидься: нутро пополоскать хочешь? Извини, больно холодно.

— Пожалуй; да у меня въ лавкѣ есть чай.

— Ничего, въ теплѣ побалуемся. Ну сходи, купецъ!

Заскрипѣла лѣстница и Харламовъ сошелъ внизъ.

— Я съ Иваномъ Григорьичемъ въ трактиръ пойду. Кто меня спроситъ, такъ дошлите парнишку, — сказалъ онъ молодцамъ.

Это полосканіе брюха и баловство въ теплѣ очень не любятъ сожительницы апраксинцевъ. „То и дѣло, говорятъ онѣ, — что брюхо полощать. Напьются вѣдь дома чаю, въ лавку идучи, — такъ нѣтъ: только пришли въ лавку, — въ трактиръ! Выходятъ изъ трактира, попадется пріятель — снова въ трактиръ. Дѣло-ли какое обдѣлать — въ трактиръ. Разъ по десяти сходятъ. Да это-бы еще ничего, коли однимъ чаемъ полоскаются, а то винища налопаются!“

— Ну что, купецъ, какъ торжишь, наживаешь? спросилъ Иванъ Григорьичъ Степана Иваныча, когда они шли полоскать нутро.

— Какое наживаемъ! Хоть бы на хлѣбъ-то выручить. Молодцы, бѣсъ ихъ знаетъ, только стоятъ да глазами хлопаютъ. Ужъ я-ли имъ не говорю: ежели, говорю, покупатель мало-мальски цѣну даетъ подходящую — не отпускай изъ лавки, отдай; такъ нѣтъ, выпустить, а послѣ и оретъ: „хорошо, извольте, пожалуйста!“ Ну, извѣстно дѣло, на кого нападешь: на чиновника, — такъ тотъ ни за что не вернется. А все почему? Потому что головы не тѣмъ заняты.

Степанъ Иванычъ вздохнулъ.

— И не говори, купецъ! И у меня тоже, хоть и свои... Двое племянниковъ, а все одно-ничего,

хоть ты имъ коль на головѣ теши: такъ это никакого чувства нѣтъ. Имъ все одно, купилъ-ли покупатель, такъ-ли, извини, ушелъ — все одно. Думаешь отказать — жалко: племянники; а что толку? Извѣстно, хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ.... А все родня.

И два пріятеля приблизились къ подъѣзду съ вывѣской, на которой были изображены чайникъ, чашки, графинъ съ красной жидкостью и двѣ рюмки. Внизу гласила надпись: „въ ходъ въ завѣденіе“.

Но читатель можетъ быть думать, что Иванъ Григорычъ и Степанъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ торгуютъ плохо? Нисколько: это время для торговли одно изъ лучшихъ въ году: а что они жалуются на нее, такъ это единственно по обыкновенію, по привычкѣ; ужъ такъ устроены апракси-нецъ, что посади ты его хоть по уши въ золото, онъ и тогда скажетъ, что мало. Есть даже такіе люди, которые недовольны никѣмъ и ничѣмъ; вотъ вамъ для примѣра Черноносовъ.

Вотъ онъ въ хорьковой шубѣ и истасканной фуражкѣ стоитъ за прилавкомъ посреди своихъ трехъ мальчишекъ и мѣритъ для какой-то дамы тесемку. Черноносовъ изъ экономіи не держитъ приказчика; да врядъ-ли бы кто и пошелъ къ нему служить, — развѣ кто годъ безъ мѣста проболтался или только сейчасъ въ Петербургъ пріѣхалъ; да и тотъ спроситъ объ немъ у сосѣднихъ

молодцовъ, а тѣ охарактеризуютъ его, подобно Собакевичу, краткой, но рѣзкой біографіей: „Кто Черноносое?—Собака.“ Послѣ этого отвѣта кого же заберетъ охота служить у такого хозяина!

Взгляните на его фізіономію: мина проставившаго на карту все свое состояніе; прищуренные глаза, стиснутыя губы и синій, небритый подбородокъ и щеки. На головѣ его надѣта котиковая фуражка. Человѣкъ этотъ не безъ странностей: онъ прожилъ два года въ Ригѣ, почему-то вообразилъ, что онъ нѣмецъ, и началъ ломать русскій языкъ.

— Двадцать аршина! говоритъ онъ покупательницѣ.—Убирайте коробка и давайте бумажка немножка,—обращается онъ къ мальчикамъ.

Черноносое въ жизнь свою ничѣмъ не былъ доволенъ, не смотря на то, что обладаетъ хорошимъ капиталомъ и имѣлъ счастье три раза связать себя узами гименея. Жены ему попадались красивыя и съ красивыми прилагательными. Двѣ пали жертвою его характера.

На Апраксиномъ издавна существуетъ слѣдующее обыкновеніе: за нѣсколько дней до праздниковъ пасхи и рождества молодцы ходятъ къ *контрибукторамъ*, то-есть къ такимъ людямъ, у которыхъ хозяинъ ихъ покупаетъ товары, и собираютъ съ нихъ контрибуцію, прося „на ложу“ въ театръ. Кто даетъ пять цѣлковыхъ, кто десять, а иногда и болѣе; ежели не деньгами, то молодцы берутъ

вещами, какъ-то: фулярами, полотняными платками, фуфайками и пр. Обыкновенно деньги эти дѣлятся и въ праздникъ проматываются во всевозможныхъ родахъ.

Такъ и теперь: только Степанъ Иванычъ скрылся изъ виду, — одинъ изъ молодцовъ его выскочилъ изъ-за прилавка и отправился за контрибуціей.

— Смотри, у Карла Иваныча попроси побольше; что онъ всякій праздникъ только красненькой отдѣляется! Скажи, мы-де васъ никогда не обѣгаемъ, все что понадобится изъ товару — за всѣмъ къ вамъ бѣжимъ. Поди у него нынѣшній годъ тысячь на восемь купили.

Такъ научали молодцы своего депутата.

Вотъ уже и первый часъ. По ряду пробѣжалъ, покрикивая козлинымъ голосомъ, рыжебородый саечникъ, — кормитель молодцовъ. Кромѣ саекъ у него есть варенье, отзывающее икрой и миногами, и миноги, отзывающія вареньемъ. Наскоро закусили у него молодцы Степана Иваныча и саечникъ отправился далѣе. Его остановилъ хозяйскій сынокъ.

— Сергѣю Иванычу! — И саечникъ почтительно ему раскланялся.

— Двѣ сайки: одну съ икрой, другую съ вареньемъ! скомандовалъ хозяйскій сынокъ.

Съ быстротою оператора, отнимающаго членъ, разрѣзалъ кормитель сайки и *сдѣлалъ ихъ*, то-есть вложилъ въ нихъ икры и варенья.

— Чего-бы еще у тебя съѣсть? Есть маханина на тараканьемъ жиру?

Саечникъ плюетъ.

— Спросите-ка его, какъ онъ въ карманѣ рябчика сгноилъ, — замѣчаетъ молодецъ.

— Какъ ты, Иванъ, рябчика въ карманѣ сгноилъ? спрашиваетъ купчикъ и улыбается.

— А ты что, сволочь, обучаешь! — И саечникъ идетъ далѣе.

— Красный, человекъ опасный! кричитъ ему вслѣдъ молодецъ.

Купчикъ очень доволенъ, что подразнилъ саечника, постукиваетъ ногами и кусаетъ промерзшую сайку.

Скоро четыре часа. Быстро смеркается. Хозяева уже успѣли разъ пять сходить въ трактиръ, пришли въ лавку и считаютъ выручку. Кончили. Стоять на порогахъ и смотреть, не запрется-ли кто, чтобы послѣдовать ихъ примѣру. Но вотъ брякнулъ гдѣ-то запоръ, и всѣ бросились *запирать* лавки. Черезъ четверть часа весь Апраксинъ запертъ и стаи торговцевъ бѣгутъ домой. Вотъ они на Чернышевомъ мосту. Навстрѣчу имъ попадается дѣвушка. Одинъ изъ молодцовъ безцеремонно хватаетъ ее за талію. „Дуракъ, мерзавецъ, оставь!“ кричитъ она, отбиваясь. Молодецъ оставляетъ ее, но другой хватается снова. Снова крики и отбиванье. Бѣда въ это время повстрѣчаться съ молодцами прекрасному полу!

Двадцать-четвертое декабря. Завтра рождество. По Апраксину замелькали кокарды: чиновники пускаютъ въ ходъ наградныя депозитки. Въ игрушечныхъ лавкахъ толпы; только успѣвай хозяева огребать деньги. Морозъ вѣрно рѣшился дать знать себя: двадцать-пять градусовъ. Апраксинцы то и дѣло наклоняють головы внизъ, чтобъ не отморозить лица и не получить къ празднику приличныхъ украшеній въ видѣ красносизыхъ лепехъ на щекахъ. Но какъ ни нагибались молодцы, стараясь, чтобы кровь прилила къ лицу, какъ ни натирали щекъ и носовъ — морозъ сдѣлалъ свое и все-таки украсилъ нѣкоторыя фizioноміи.

— Братцы, смотрите-ка: Петруха-то надо мной смѣялся, что я носъ отморозилъ, а у самого уши побѣлѣли. Съ обновкой поздравляю! Какъ хочешь, братъ, а завтра *литки* (*) съ тебя!—говорить толстый, съ отмороженнымъ и разбухшимъ какъ луковица носомъ молодецъ.—Ништо тебѣ—не смѣйся!

Испуганный Петруха, имѣвшій претензію нравиться прекрасной половиной рода человѣческаго, съ испуга начинаетъ тереть уши.

— Не три, не три! Шкура слѣзетъ! Наклонись лучше, наклонись!

Онъ такъ усердно наклоняется, что голова его почти касается ногъ. Товарищи начинаютъ тузить его въ шею.

(*) То-есть угощеніе.

На водогрѣйнѣ мальчики, присланные заварить чай, грѣютъ у плиты окоченѣвшія руки и ведутъ между собой разговоръ:

— Вамъ по много-ли хозяинъ на праздникъ даетъ?

— О пасхѣ по четвертаку далъ.

— А намъ такъ по полтинѣ. Да это что! Я къ дядѣ пойду, тотъ двугривенный дастъ.

— А что ты себѣ купишь?

— Зеркало, да пряниковъ.

— А мнѣ такъ куфаркѣ гривенникъ дать нужно: все ругается... Я ужъ общалъ.

— Ты куда пойдешь завтра?

— Да мнѣ некуда, — у меня никого нѣтъ.

— Пойдемъ къ моему дядѣ: у него пирога поѣдимъ; онъ чаемъ, кофеемъ напоить. Ты приходи къ намъ на дворъ, я ужъ увижу, а послѣ на чугунку пойдемъ, *посмотримъ* какъ машина свистить.

— Ладно.

— Ну что тутъ растолковались, ступайте! И безъ васъ тѣсно! кричитъ на нихъ водогрѣйщикъ. — За уши бы васъ, канальевъ! Цѣлый часъ стоятъ.

Жмутся мальчики и выходятъ на морозъ, который послѣ тепла еще сильнѣе ихъ обхватываетъ.

Молодцы сговариваются, гдѣ имъ завтра встрѣтятся.

— Около четырехъ часовъ приходите въ Баварію: знаешь, на углу Гороховой?

— Какъ не знать!

— Михайла будетъ, Щукинъ, Петра галкинской и всѣ наши. Возьмемъ отдѣльную комнату, заложимъ тамъ, а послѣ и махнемъ...

Онъ не договариваетъ, слова его замираютъ на устахъ: изъ-за угла показался хозяинъ.

— Иванъ Харитонычъ, вы куда завтра къ заутрени? спрашиваетъ онъ сосѣда.

— Сегодня ко всенощной къ Исакию схожу, пѣвчихъ послушать; да кому же и жена у меня къ заутрени ходить не можетъ.

— Мы такъ завсегда въ этотъ день къ себѣ къ Іоанну Предтечѣ ходимъ. Двадцать лѣтъ кряду тамъ о рождествѣ каждую заутреню стою.

— Софроновъ меня къ себѣ сегодня звалъ: у него на дому всенощная. „Приходи, говоритъ, моихъ-то послушать.“ У него молодцы поютъ.

— На Сѣнной были?

— Вчера еще.

— Почему покупали?

— Говядину по восьми съ половиной. Молодцамъ цѣлаго борова купилъ. Гуси дешевы.

— Съ меня такъ сегодня поутру по девяти слупили. А гусей почему покупали?

— Рубль шесть гривенъ пара.

— Съ меня по гривеннику лишняго взяли.

Смеркается. Афанасій Панкратычъ Лыковъ позвалъ своего сына Яшу наверхъ и дѣлаетъ ему приказанія:

— Бѣги и повѣсти всѣмъ нашимъ, чтобъ къ утрени собирались ровно въ часъ.

Лыковъ раскольникъ. Начальникъ своей секты. За начитанность его выбрали въ наставники и духовники. Въ его собственномъ домѣ устроена большая моленная, гдѣ совершается служба. Люди его секты имѣютъ туда свободный доступъ.

Быстро побѣжалъ Яша по лабиринту закоулковъ Апраксина. Забѣжалъ къ четыремъ братьямъ Опаленинымъ.

— Что у васъ подручниковъ-то (*) много? Своихъ не брать?

— Возьмите лучше: нынче всѣ соберутся, такъ и не хватитъ.

Отъ Опалениныхъ Яша побѣжалъ къ Блюдечкину, который былъ тоже въ ихъ вѣрѣ, къ Коромыслову, къ Херовымъ, оттуда сбѣгалъ на *Кавказъ* (**), съ Кавказа на развалъ, и уже когда совершенно смеркалось, прибѣжалъ въ лавку.

Радостно побѣжали молодцы домой: завтра одинъ изъ тѣхъ трехъ дней, когда они не пойдутъ въ лавку, не измѣрятъ своими ногами торную дорожку.

(*) Подручниками называются у раскольниковъ коврики, къ которымъ они прикладываются лбомъ во время земныхъ поклоновъ.

(**) Кавказомъ на Апраксиномъ называлась до пожара та линія, которая шла отъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вы много-ли на ложу набрали? спрашивают харламовскіе молодцы птицынскихъ.

— Сто двадцать.

— А мы сто пятьдесятъ.

„Мы больше набрали, думаютъ харламовскіе: — по двѣнадцати съ небольшимъ на брата придется,—разсчитываютъ они и мечтаютъ о завтрашнемъ кутежѣ.

II.

Насталъ давно ожидаемый праздникъ рождества. Рано, еще до звона къ заутрени, возсталъ отъ сна Степанъ Ивановичъ Харламовъ и перебудилъ всѣхъ въ домѣ, начиная съ жены и до мальчика. Зѣвая поднимаются съ постели молодцы, одѣваются и на-скоро молятся на образъ, освѣщенный лампадою. Трудно вставать въ три часа, а особенно зимою: какая-то лихорадочная дрожь обхватываетъ все тѣло, и дорого-бы далъ въ это время человѣкъ, чтобы его оставили въ покоѣ, но что дѣлать, обычай старины!

Какъ ни жалко разставаться съ теплою постелью, но вскорѣ весь домъ былъ на ногахъ. Вотъ на колокольнѣ Іоанна Предтечи раздался первый ударъ колокола; всѣ въ домѣ перекрестились и начали собираться къ заутрени.

Вскорѣ домъ Степана Иваныча опустѣлъ: оста-

лись въ домѣ только хозяйка да кухарка. Онѣ занялись стряпней: обмазали окорокъ ржаной мукой, посадили его въ печь, замѣсили тѣсто для пироговъ и принялись ошипывать дичь.

Но вотъ и заутреня кончилась, богомольцы пришли изъ церкви; слышны разговоры о басѣ дьякона, о пропускѣ дьячкомъ такого-то псалма въ кафизмѣ, о количествѣ народу въ церкви и проч. Степанъ Ивановичъ, всегда съ пасмурнымъ лицомъ и ничѣмъ недовольный, сегодня въ духѣ; заложа руки за спину, ходитъ оно по залѣ, то-есть по чистой комнатѣ, и вполголоса напѣваетъ „Христосъ раждается, славите“. Въ залу входятъ молодцы, группируются передъ образомъ и начинаютъ пѣть львовскую „Дѣва днесъ“. Окончивъ стихъ, они хоромъ поздравляютъ хозяина съ праздникомъ. Степанъ Ивановичъ доволенъ, на лицѣ его сіяетъ улыбка. Онъ идетъ въ спальню и выноситъ оттуда пять синенькихъ.

— Вотъ вамъ на гулянку, говоритъ онъ:—напѣтесь кофеею, такъ кто хочетъ, можетъ идти со двора.

Это „кто хочетъ“ было совершенно лишнее. Посудите сами, читатель, кто послѣ шестимѣсячнаго заключенія не захочетъ погулять и навѣстить своихъ знакомыхъ и родныхъ?

Изъ залы молодцы сходили въ кухню, поздравили съ праздникомъ хозяйку и отправились въ молодцовую.

Давъ на праздниѣ молодымъ, хозяинъ захотѣлъ усладить и судьбу мальчиковъ.

— Ѳедька! Мишутка! крикнулъ онъ, входя въ кухню. Мальчики встали въ струнку.

— Вотъ вамъ на праздниѣ, проговорилъ онъ, давая имъ по два двугривенныхъ.— А гдѣ Васька?

— Да онъ въ лавочку убѣжалъ. Матрена Ильинишна его послали.

— Ну ладно, вотъ передайте ему. Да хозяйка вамъ подарить по рубашкѣ. Чтожъ словно пни стоите? Благодарите!

— Благодаримъ покорно! проговорили мальчики и бросились къ рукѣ хозяина.

— Не нужно мнѣ вашихъ лизаній, отвѣчалъ онъ, впрочемъ не отнимая руки. — Старайтесь. Чтожъ, скоро-ли самоваръ-то? — обратился онъ къ женѣ, которая суежилась около печи.

— Сейчасъ, Степанъ Ивановичъ, пообождите; вотъ ужъ кажется закипѣлъ. Сейчасъ. Ѳедоръ, подавай на столъ.

Черезъ четверть часа въ залѣ на столѣ пыхтѣлъ самоваръ, горѣли двѣ свѣчи. Матрена Ильинишна разливала чай; у стола сидѣли двѣ хозяйскія дочери-погодки, лѣтъ шестнадцати, и маленький сынъ. Степанъ Ивановичъ важно прихлебывалъ чай съ блюдечка и велъ разговоръ съ молодыми, которые сидѣли на стульяхъ около стѣны и пили кофей. Въ этотъ день молодцы пьютъ чай и кофей съ хозяиномъ.

— Чтожь, торговали еще не такъ худо передъ праздникомъ, говоритъ хозяинъ:—по началу я думалъ, что и этого не будетъ. Все-таки ежели сравнить съ прежними годами, то никакого подобія нѣтъ; бывало народъ валомъ валить.

— Это точно-съ, Степанъ Ивановичъ, ежели сравнить лѣтъ пятокъ назадъ, то и подобія нѣтъ-съ,—поддакиваетъ старшій молодецъ. Теперича примѣромъ хотъ-бы тулупъ....

Прихлебываетъ кофей.

— Извѣстно, тулупы насъ поддержали, робко вмѣшивается въ разговоръ другой молодецъ:—хотъ бы у Птицына: тулуповъ не было, у насъ запасъ... Ну, извѣстно, время морозное.... деревенскій чловѣкъ въ деревню ѣдетъ.... Ну, и торговали. Тулупъ ужъ такая вещь....

— Тоже въ маленькой лавкѣ ситцами хорошо торговали, потому что Ермакъ-съ *) отличается; такой ситецъ выпускаетъ, что хотъ-бы имъ Лизаветѣ Степановнѣ носить-съ: узоръ подходящий, и все эдакое.....

— Какже-съ, Ермакъ теперича ни Цынделю, ни Царевѣ не уступить. Тоже вотъ третьеводнясь Карль Богданычъ пришелъ въ лавку, иностранные ситцы предлагалъ, — я докладывалъ вамъ. Раскинулъ я это передъ нимъ Ермака, такъ Карль Богданычъ долго на манеръ любовался.

*) Ермаковъ, Московскій ситцевой фабрикантъ.

Но какъ ни пріятенъ былъ разговоръ съ хозяиномъ, молодцы душевно желали удалиться; имъ было какъ-то неловко. Одинъ за другимъ поставили они на столъ опрокинутыя кверху дномъ чашки и поблагодарили хозяина.

— Пейте еще.

Молодцы отказались.

— Мы пойдемъ, Степанъ Ивановичъ....

— Ступайте, гуляйте; только раньше домой приходите. Да *не кератся!* *)

Живо начали въ молодцовоѣ выдвигаться изъ-подъ кроватей сундуки; растворился шкафъ и выпустилъ на свѣтъ божій праздничныя одежды молодцовъ. Живо закипѣла работа: кто чиститъ сертукъ, кто натираетъ шляпу, кто передъ зеркаломъ повязываетъ галстукъ—подарокъ конторщика.

— Ты куда, Вася? спрашиваетъ Никандра, повязывая себѣ галстукъ.

— Къ теткѣ схожу сперва, да потомъ къ Петру Семенычу Рылову: онъ мнѣ сродни приходится.

— А послѣ?

— Послѣ въ Палкинъ; приходите, братцы. Веселѣе будетъ.

— Нѣтъ, мы въ Баварію.

— Рыло поскоблить надо! говорить одинъ изъ молодцовъ, обладающій прапорщицкими усами, и третъ себя по подбородку.

*) Не пьянствовать.

— И мнѣ нужно; зайдѣмъ вмѣстѣ и подовьемся. На уголь пойдѣмъ: тутъ лихая цырульня. О тройцѣ меня такъ завили, что недѣлю завивка стояла; эдакими вавилонами на вискахъ и баранами на затылкѣ.

— Ужъ нашель цырульню!—*яманистая!* *)

— Вася! дай мнѣ галстучка надѣтъ: у тебя два.

— А нешто тебѣ Карль Богданычъ не далъ?

— Нѣтъ; я у него фуфайку байковую вымак-лачилъ.

— Да вѣдь ты его истаскаешь, виномъ заль-ешь?

— Не залью, лѣшій!

— Да право жалко....

— Ну дай, я тебѣ двѣ бутылки пива поставлю.

— Ну, пожалуй, бери.

И мѣна совершилась. Вскорѣ молодцовая опу-стѣла. Обитатели ея разбѣжались.

Черезъ полчаса Никандра и Петра, завитые какъ крымскіе бараны, стояли у подъѣзда парик-махерской и нанимали извозчика.

— Да куда же, купцы, прикажете?

— Петра, куда поѣдемъ?

— Да что тутъ разговаривать! Валяй куда гла-за глядятъ.

— Ну что, до трехъ часовъ много-ли возьмешь?

— Три рублика, господа купцы, безъ лишняго.

*) Дрянная.

— Ну, Петра, чтожъ, растопимъ что-ли? Идетъ пополамъ? Ужъ все, значить, такъ и будемъ вмѣстѣ ѣздить.

— Валяй!

Молодцы поѣхали.

— Куда же, купцы? спросилъ извозчикъ.

— Да прямо.

— Нѣтъ, погоди, перво заѣдемъ въ погребокъ.

Постой на-право!

— Петра, глянь-ко: никакъ наши ѣдутъ!

— И то ѣдутъ!

Онъ свистнулъ, махнулъ рукой и указаль на погребъ. Молодцы соединились и пошли подъ вывѣску виноградной кисти.

Часа четыре ѣздили не имѣющіе въ Петербургѣ ни роду, ни племени Никандръ и Петръ, во много мѣстъ заѣзжали они, много перепили разной хмѣльной дряни, а все-еще не пьяны, только навеселѣ.

— Куда-же?

— Пошолъ въ Тулу, ко Владимирской. Покажемъ!

Ежели кто желаетъ видѣть въ этотъ день молодцовъ во всемъ ихъ разгулѣ, отправляйтесь въ слѣдующія трактиры и гостинницы: въ Баварію, въ Палермо за Пассажемъ, въ Палкинъ и въ Тулу. Эти заведенія потому предпочитаютъ молодцами, что ихъ не посѣщаютъ хозяева.

И такъ, читатель, послѣдуйте за Петромъ и Никандромъ въ гостинницу Тулу.

— Я думаю, ужъ наши здѣсь? сказалъ Петръ, входя въ корридоръ.

— Здѣсь, здѣсь, пожалуйста! отвѣтилъ съ не то глупою, не то лукавою улыбкою корридорный, узнавшій птицу по полету.

— А ты почему знаешь?

— Извѣстно, господа купцы.

— Эка братъ, Петра, намъ честь: всѣ знаютъ апраксинцевъ. Куда же идти?

— Пожалуйста.

И лакей указалъ на дверь.

Оттуда слышались звуки разбитого фортепьяно, пѣніе, крики „ура“ и даже какой-то вой. Двери распахнулись и они очутились въ довольно обширной комнатѣ. На диванѣ и на стульяхъ лежало и сидѣло до пятнадцати молодцовъ; нѣкоторые, тяготясь одеждою, сняли сертуки, а нѣкоторые, тяготясь собственною своею тяжестью, лежали въ углу на шубахъ. Какой-то господинъ, взмахивающій фізіономіею на цыгана, игралъ на фортепьяно какую-то польку. Два стола были установлены бутылками, штофами и закусками.

— Здравствуйте, братцы, съ пальцемъ девять! закричалъ вошедшій Петръ и принялся откалывать трепака.

— Съ огурцомъ пятнадцать! отвѣчала вся компанія и заорала „браво“ и „bis“, глядя на пляшущаго Петра.

— Стой, стой! — И изъ-за стола поднялся Васъ-

ка, тотъ самый Васька, который далъ Никандру галстукъ.

— Музыкантъ, стой! Варганъ камаринскаго! А ты, Петька, ко мнѣ на грудь! Я тебя обниму и мы спляшемъ.

Послѣдовали объятія.

— Стой! задушилъ, собачій сынъ! кричалъ Петръ.

— Ну, теперь выпьемъ!

— Ладно.

Музыкантъ заигралъ камаринскую, и Вася и Петя принялись выдѣлывать такія па, которыя доступны единственно только подгулявшему человѣку. Кончивъ плясать, они снова выпили.

— Ну, братцы, я пилъ ваше, теперь выпейте моего! сказалъ Петръ.—Дюжину пива! скомандовалъ онъ.

Принесли пиво и началось провозглашеніе многолѣтія каждому изъ присутствующихъ.

— Полноте, братцы, что такъ зря горлы-то драть? Споемте-ка что-нибудь дѣльное, пѣсню какую-нибудь,—подасть кто-то совѣтъ.

— Это дѣло! Что такъ горлы-то драть? Вѣдь еще не очень пьяны. Выпьемъ по рюмочкѣ и начнемъ. „Вдоль по улицѣ“ всѣ знаютъ?

— Всѣ.

— Ну и будемъ пѣть. Батюшки, Мишка-то какъ накерался, гляньте-ка!

— До безобразія! А вотъ что: взять да и вымазать ему рожу жженою пробкой.

— Лихо! за дѣло!—не сандалься раньше времени! Эва! еще только пятый часъ!

Дѣльная мысль была одобрена всѣми и тотчасъ же приведена въ исполненіе.

— Ну, теперь попоемте!

— Никандръ, ты на пѣсни-то лихъ,—запѣвай!

— Да безъ гитары-то неспособно. Ну да все равно, слушайте. Вотъ какую лучше споемъ:

«Звенить звонокъ и тройка мчится

Вдоль по дорожкѣ столбовой.. »

Хоръ какъ-то плохо клеился; двое пьяныхъ, полулежавшихъ на диванѣ, страшно мычали и сбивали съ толку.

— Не хотите-ли, господа купцы, у насъ есть дѣвушки, отлично подтянуть! — предложилъ номерной.

— Дѣвочки? Тащи сюда!

— Постой, постой! А почему онѣ ходятъ?

— Да ежели только попѣть, такъ изъ угощенія, да что милость будетъ.

— Тащи трехъ!

— Мало!

— Ну, штукъ пять. Слышь, половой, и пляшутъ онѣ?

— Всякія колѣна выдѣлываютъ.

— Bravo! заоралъ кто-то изъ лежащихъ на

диванѣ. — Номерной, спасибо! Поди сюда.... руку!... Ну, поцѣлуй меня.

Половой съ лукавой усмѣшкой поцѣловалъ гостя.

Вскорѣ явились дѣвушки и помогли молодцамъ справиться съ пѣснями и опустошить бутылки. Лакей имѣлъ вѣрный расчетъ: больше народу, — больше пить будутъ. Онъ не ошибся: снова потребовалась дюжина пива, снова заигралъ господинъ, взмахивающій на цыгана, и составилъ кадрили. Дѣвушки очень мило подергивали юсками и выдѣлывали замысловатыя па. Онѣ были очень нецеремонны, такъ что одна изъ нихъ подошла къ столу и замѣтила, что все пиво вытекло изъ бутылокъ, — долить надо.

— Дюжину! закричалъ Вася и поцѣловалъ въ щеку надоумившую его дѣвушку.

Та не обратила на это никакого вниманія. Начался второй кадрили. Подъ конецъ кто-то подставилъ одной парѣ ногу. Пара упала. „Мала куча!“ закричалъ Вася и бросился на нихъ съ своею дамою; примѣру его послѣдовали и другіе танцующіе. Дамы визжали, кавалеры ревѣли, и всѣ были довольны.

Никандръ и Петръ, давшіе другъ другу слово быть вездѣ вмѣстѣ, вышли изъ гостинницы въ семь часовъ. „Куда же теперь?“ спросили они другъ друга.

— Погуляемъ, братъ: вѣдь ужъ теперь до масяной со двора не допросишься, сказалъ Петръ. —

Постой, я знаю одно мѣсто,—поѣдемъ. Извозчикъ! въ Среднюю Мѣщанскую!..

Они сѣли и поѣхали.

Долго ждалъ Степанъ Ивановичъ своихъ молодцовъ, да и не дождался, легъ спать. Только-только часамъ къ шести утра собралась вся братія. Раньше всѣхъ, часа въ три, прибыли Петръ и Никандръ. Вошедши въ молодцовую, они заспорили о томъ, кто кого везъ; Никандръ увѣрялъ, что онъ везъ Петра, а Петръ удерживалъ это право за собою.

— Ты посмотри, нешто я пьянъ?.. говорилъ, покачиваясь, Петръ: — по одной половицѣ пройду.

Проснувшіеся мальчики насилу уложили ихъ спать.

Часа въ четыре великодушный дворникъ принесъ на раменахъ своихъ Ваську и передалъ на руки мальчикамъ.

И утомонились молодцы; на долго утомонились, вплоть до масляной, до *прощенаго* воскресенья. Вотъ они спятъ и тяжело дышатъ, шевеля во рту высохшимъ отъ внутренняго жара языкомъ. Много перепили они вина и пива, много потратили денегъ; дня два проходятъ они какъ угорѣлые и будутъ опохмѣляться.

Трудно было проснуться на другой день молодцамъ, когда въ семь часовъ утра въ ихъ дверь постучалась кухарка. Эту операцію она должна была повторить раза три. Первые проснулись маль-

чики и принялись за чищенье хозяйскихъ и молодцовскихъ сапоговъ. На нихъ же лежала обязанность растолкать молодцовъ. Труднѣе всѣхъ было подняться Василю; голова его была какъ-будто налита свинцомъ. Онъ взглянулъ на себя въ зеркало и ужаснулся: на лбу у него красовалась синяя шишка. Онъ кой-какъ прикрылъ ее волосами. Галстукъ, что вчера онъ далъ Никандру, былъ весь залитъ виномъ. Петръ проснулся, сходилъ въ кухню и выпилъ цѣлый ковшъ воды.

— Самое лучшее дѣло теперь — опохмѣлиться, сказалъ онъ.

Черезъ полчаса въ комнату, обитаемую молодцами, вошелъ хозяинъ и произнесъ имъ рѣчь, испещренную словами: сволочь, пьяницы, гуляки, шельмы и пр.

— Молодцы молча слушали и таращили глаза, стараясь ихъ сдѣлать не пьяными.

— Ну, теперь ступайте въ лавку; да смотрите, по дорогѣ не заходить, не опохмѣляться. Лучше ужо дома я самъ вамъ водки куплю. Слышите!...

Прошелъ первый день рождества и покатилась снова своею обыденною колеєю жизнь апраксинскихъ приказчиковъ; только и живутъ воспоминаніями...

— А что, Вася, какъ это ты себѣ въ первый день праздника лобъ подбилъ?

— И не говори, братъ, и самъ не знаю какъ.

Два изъяна: лобъ подбилъ и Никандра галстукъ испортилъ—виномъ залилъ.

На святкахъ еще ничего, весело: можно разъ въ театръ сходить—сговорившись человѣкъ восемь взять ложу въ складчину; къ хозяину придуть гости—можно нарядиться: въ вывороченную къверху мѣхомъ шубу, женщиной—въ сарафанѣ кухарки и въ особаго рода костюмъ старика: рваный халатъ съ подушкой на спинѣ изображающей горбъ, въ одной рукѣ кочерга, въ другой сковорода, и въ эдакомъ видѣ поплясать подъ гитару.

Многимъ покажется страннымъ такое заточеніе молодцовъ. Поговорите съ хозяевами, — вотъ что они вамъ на это скажутъ.

— Помилуйте, какъ же это возможно дать молодцу волю; развѣ вонъ тамъ въ гостиномъ заведено, такъ до тѣхъ намъ и дѣла нѣтъ. Нешто молодецъ можетъ жить на волѣ? Ему острастка нужна. Дай-ко ему волю — такъ онъ и ночевать дома не будетъ, *воздахтаршу* (*) заведетъ, пьянствовать начнетъ, такъ ему жалованья-то годоваго и на мѣсяцъ не хватитъ; ну, и будетъ въ хозяйскую выручку заглядывать. Оно конечно, онъ и теперь руку запускаетъ, да по-малости; а тогда другое дѣло. Нѣтъ, ужъ это отцами нашими установлено, такъ и мы продолжать будемъ.

(*) Любовницу

Хозяйскіе же сынки проводятъ святки весело. Бываютъ въ театрѣ, ходятъ въ гости съ родителями, маскируются и ѣздятъ на вечера.

Обыкновенно это устроивается слѣдующимъ образомъ: сговариваются нѣсколько человѣкъ ѣхать *ряженными*, нанимаютъ карету и берутъ въ костюмерныхъ на прокатъ костюмы. Самые употребительнѣйшіе костюмы это *шпанка* — испанскій или тирольскій костюмъ, *полька* — польскій, *гамлетка* — черныи бархатный со стеклярусомъ, *лемана* — пьеро, гусарскій и еще костюмъ, почему-то называемый *несчастливымъ нѣмцомъ*: фракъ и брюки въ заплаткахъ, рваные сапоги, мятая шляпа, высокій галстукъ съ полисонами до половины ушей и огромнаго размѣра лорнетка.

Ряженые не разбираютъ на сколько костюмы ихъ національны. Иногда бываетъ такъ, что въ нихъ смѣшаны двѣ національности; какой-нибудь испанецъ, съ головы испанецъ, а съ ногъ полякъ, гамлетъ расхаживаетъ въ ботфортахъ со шпорами и на гусарѣ бархатная шапка съ страусовыми перьями, разумѣется не настоящими.

Часовъ въ девять вечера замаскированные садятся въ карету и ѣдутъ *по свѣту*, то-есть заходятъ туда, гдѣ въ окнахъ видѣнъ свѣтъ и у подъѣзда стоятъ экипажи, или узнавъ напередъ что у того-то будутъ гости, разумѣется только въ купеческія семейства. У купцовъ всегда открыты двери для ряженыхъ,

Вошли въ залу. Ходятъ по комнатамъ, здороваются съ хозяевами и называютъ знакомыхъ гостей по именамъ. Дѣвицы шушукуются, думая нѣтъ-ли между ряженными предмета, который ими интересуется.

— Ну ряженные, станцуйте, станцуйте, говоритъ хозяинъ или хозяйка.

Начинается кадрили. *Несчастный нѣмецъ* ломается, лорнируя гостей, испанецъ трясетъ перомъ на шляпѣ; гусаръ брякаетъ шпорами и гамлетъ въ пятой фигурѣ дѣлаетъ соло русскимъ трепакомъ. Кончили танцовать. Ряженныхъ зовутъ въ другую комнату отдохнуть, снять маски, покурить и *прохладиться*, то-есть выпить хереску или мадерки.

— Кто это, вы не знаете? спрашиваютъ другъ друга гости.

— Не знаю, не знаю. Одинъ какъ-будто бы Пѣтушковъ,—въ нашемъ ряду торгуетъ, а другихъ не знаю.

— Одного гишпанца я знаю: Петра Ѳедорова племянникъ...

— Нѣтъ, черный-то какъ отличился, въ присядку началъ плясать... Люблю я, кто эдакія колѣна откалываетъ...

Ряженные станцовали польку и прощаются.

— Что же вы такъ скоро, куда торопиться? повеселите насъ...

— Нельзя-съ, намъ нужно еще на нѣсколько вечеровъ ѣхать.

Начинается прощаніе. Какой-нибудь гусарь остановится передъ хорошенькой дѣвушкой, бросить на нее нѣсколько жгучихъ взглядовъ и уйдетъ.

Это „онъ“, думаетъ дѣвушка и на сердцѣ у ней сдѣлается весело, весело.

Иногда эти маскированія устроиваются молодыми людьми по наущенію родителей, съ цѣлію посмотрѣть невѣсту и житье-бытье ея семейства.

Второй день рождества. Погода прекраснѣйшая, восемь градусовъ морозу. У Іоанна Предтечи кончилась обѣдня; изъ церкви выходитъ народъ. Первыми вышли юноши, хозяйскіе сынки. Они вышли раньше для того, чтобъ полюбоваться на прекрасный полъ. Вотъ стоятъ юные апраксинцы на паперти, эффектно потряхиваютъ бобровые воротники своихъ лапчатыхъ шинелей,—замѣтьте, непременно шинелей. Это принадлежность каждаго порядочнаго апраксинца—хозяйскаго сынка, который *женится*; безъ шинели на собольихъ лапкахъ онъ такъ же немислимъ, какъ и апраксинскій женихъ безъ брилліантоваго перстня. Это аристократія Апраксина. Эти Вани и Сани очень мило танцуютъ польку и краснорѣчиво молчатъ въ кадрилихъ на свадьбахъ. Смотрите, какъ мило снимаютъ они свои новыя, цимермановскія и чуркинскія шляпы и кланяются проходящимъ знакомымъ: и тѣни нѣтъ того поклона, который отвѣшиваютъ они покупателямъ, стоя на порогахъ своихъ лавокъ.

Вотъ вышли молодые Курицыны. На самомъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, глянцовый циммерманъ на головѣ и брильянтовый перстень на рукѣ. На самой бѣлая шляпка съ перомъ и лисій крытый гранатнымъ бархатомъ салопъ,—замѣтьте, непременно гранатнымъ бархатомъ: Курицынъ ни за что бы не женился на ней, ежели бы она не принесла въ приданое салопъ, крытый бархатомъ, не смотря на то, что за ней было пять тысячъ деньгами; ему раньше нравились очень многія дѣвицы, и по деньгамъ были подходящія, да за ними были атласные салоны, а не бархатные, — ну, и расходилось дѣло.

Вотъ семейство Перепалова. Впереди идутъ двѣ дочери, — непременно невѣсты въ этомъ мясоѣдѣ; отецъ рѣшилъ, что нужно отыскать жениха, а на Апраксиномъ ихъ хоть прудъ пруди. Онѣ потупляютъ глазки и проходятъ мимо шеренги молодежи, которая пожираетъ ихъ взглядомъ. „Выгодныя невѣсты! Кому-то достанутся?“ За дѣвицами слѣдуютъ ихъ родители.

— Шаня, пойдемъ! говоритъ тятенька.

Изъ шеренги молодежи отдѣляется Шаня Перепаловъ и примыкаетъ къ шествующимъ.

На паперти появился въ бобровой шапкѣ и шинели на распаху, изъ-подъ которой виднѣются лиловые брюки, Бобовинъ, замѣчательный тѣмъ, что когда онъ жилъ у хозяина и торговалъ на отчетѣ, то всю выручку клалъ къ себѣ въ кар-

манъ и чуть не пустилъ по міру своего благодѣтеля. Теперь онъ имѣеть двѣ лавки и холостъ. Прошлаго года ему предлагали невѣсту и десять тысячъ, — показалось мало. „Людямъ даютъ и по двадцати; чтожь, нешто мы рыломъ не вышли? Не лѣвой ногой носъ утираемъ!“ подумалъ онъ и сталъ ждать, не набѣжитъ-ли невѣста съ двадцатью тысячами.

Народъ ужъ почти весь вышелъ изъ церкви, ползуть только старухи съ ридикюлями. „Не на кого смотрѣть“, подумала шеренга молодежи и стала расходиться, а между-тѣмъ изъ церкви вышла аристократка Апраксина, недосыгаемая богиня многихъ страждущихъ сердець, вдова Верховлетова. Три года какъ она вдовствуетъ, и уже получила до тридцати предложеній рукъ и сердець, но отказала всѣмъ своимъ обожателямъ; она чувствуетъ непреодолимую симпатію къ офицерамъ и рѣшилась до тѣхъ поръ вдовствовать, пока какой-нибудь владѣтель шпаги и эполетъ не предложитъ ей руку и сердце. Она не посмотритъ, что онъ бѣденъ, что у него, по выраженію апраксинцевъ, „въ одномъ карманѣ смеркается, въ другомъ заря занимается“, и соединитъ съ нимъ свою судьбу. Быть-можетъ она и достигнетъ своей цѣли, тронетъ какое-нибудь сердце, бьющееся подъ военнымъ мундиромъ. Она имѣеть тысячъ сорокъ капиталу и лавку, въ которой торгуетъ молодець, — а это для любви вещь не маловажная.

Ежели, читатель, вы желаете снова увидѣть эти личности, съ которыми вы сейчасъ познакомились, то часа въ два пожалуйста на Невскій: онѣ разъ пять пройдутъ по солнечной сторонѣ; вечеромъ онѣ будутъ въ Александринскомъ театрѣ. Къ чести апраксинцевъ нужно сказать, что они очень любятъ театръ, а на святкахъ и на масляной такъ онѣ положительно только ими и заняты.

III.

Въ столовой купца Черноносова,—того самаго Черноносова, который изъ экономіи не имѣетъ приказчика, а торгуетъ съ тремя мальчиками—часы пробили пять. Еще все въ домѣ покоится сномъ. Спитъ Черноносовъ въ спальнѣ рядомъ съ своей третьей подругой жизни, спитъ въ кухнѣ кухарка на остывшей плитѣ, спятъ и мальчики въ своей конурѣ... именно конурѣ: пространство въ четыре квадратныхъ аршина, отгороженное отъ кухни, иначе и назвать нельзя. Въ конурѣ этой стоитъ кровать — общее ложе трехъ мальчиковъ съ замазаннымъ тюфякомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ блина гоголевскаго Петрушки, и съ тремя подушками, набитыми чѣмъ-то до чрезвычайности твердымъ.

Крѣпко спятъ мальчики и снятся имъ дивные

сны, такіе сны, что хоть бы и не просыпаться, не ворочаться къ жалкой дѣйствительности. Сняты имъ родныя села, родныя избы, видятъ они своихъ отцовъ, матерей, знакомыя поля, лѣса — и все, все, что такъ дорого ихъ сердцу и отчего они такъ рано оторваны и брошены между незнакомыми людьми, отъ которыхъ они не слышатъ и ласковаго слова.

Въ самомъ дѣлѣ, жалкое положеніе апраксинскаго мальчика.

Лѣтъ тринадцати, а иногда и раньше, научившись у мѣстнаго дьячка кой-какъ читать и писать, отрываются они отъ семействъ и везутся въ Петербургъ въ ученіе; разумѣется дѣло не обходится безъ слезъ со стороны родителей и дѣтей. Привезя мальчика въ Петербургъ, отецъ или родственникъ, чтобы не проѣдаться и не тратиться, старается какъ можно скорѣе отдать его въ ученіе, часто даже не освѣдомившись о характерѣ, честности или положеніи хозяина, которому ввѣряетъ своего сына или родственника въ полное распоряженіе на четыре и на пять лѣтъ; дѣлаетъ ему наставленія, чтобъ онъ уважалъ, во всемъ слушался и любилъ хозяина — и уѣзжаетъ. И вотъ мальчикъ, брошенный въ чужое семейство, привыкшій къ ласкамъ матери, поступаетъ въ полное распоряженіе хозяина. Хорошо, ежели его сразу допустятъ къ торговлѣ; но есть такіе хозяева, которые оставляютъ новичковъ на полгода, а иногда и болѣе,

дома, употребляя ихъ для домашнихъ работъ: на- рубить дровъ, принести воды, сбѣгать въ лавочку, убирать комнаты, чистить посуду и сапоги, надѣ- ляя ихъ за малѣйшую неисправность треухами, подзатыльниками, тасками, выволочками и прочими удовольствіями. Но не думайте, чтобы все это дѣ- лалось хозяевами такъ: это они дѣлаютъ по убѣж- денію; они сами начали свое торговое поприще съ треуховъ и потому думаютъ, что безъ побоевъ мальчикъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ тайнъ науки торговли. Отъ кого только не достается бѣд- ному мальчику: бьетъ хозяинъ, бьютъ приказчики, бьетъ кухарка, ругаетъ дворникъ; развѣ иногда хозяйка сжалятся, скажетъ ласковое слово; зато какъ дорого это ласковое слово!.. Наконецъ маль- чика берутъ въ лавку; но и здѣсь далеко до тор- говли: вся его обязанность состоятъ—стоять на порогѣ, выкрикивать названіе товаровъ и даже подъ-часъ, по приказанію приказчиковъ, хватать за руки покупателей; а придетъ домой—опять то- же чищеніе сапоговъ и посуды и бѣготня въ ка- бакъ тайкомъ отъ хозяина, ежели молодцамъ захо- чется выпить. Почитать что-нибудь, пописать, хоть бы письмо въ деревню, мальчику некогда; изъ это- го и вытекаетъ ихъ безграмотность, когда они сдѣлаются приказчиками. Въ продолженіи пятилѣт- няго нахожденія въ наукѣ, они иногда ни разу не брались ни за книгу, ни за перо; очень естествен- но, что въ продолженіи этого времени они забу-

дутъ всѣ тѣ ограниченныя познанія въ грамотности, которыя лѣтъ пять тому назадъ вложилъ въ ихъ головы дьячекъ или какой-нибудь учитель изъ отставныхъ семинаристовъ.

Вотъ прошло четыре года, какъ мальчикъ въ наукѣ; всѣми силами старается онъ угодить хозяину, изгибается передъ покупателями, клянется, божится, — но тщетно: отъ хозяина никакого поощренія. „Выживи свои года и тогда сдѣлаешься приказчикомъ.“ И вотъ его отъ природы мягкій характеръ начинаетъ портиться: онъ по примѣру приказчиковъ ругаетъ при каждомъ возможномъ случаѣ хозяина; вмѣстѣ со страхомъ онъ уже питаетъ къ нему ненависть; видя, что другіе крадутъ, начинаетъ и онъ утаивать забытые на прилавкѣ гривенники и двугривенные, отыскиваетъ гдѣ-нибудь подъ половицей или подъ плинтусомъ щель и прячетъ ихъ туда, чтобы при первомъ возможномъ случаѣ промотать ихъ. Но вотъ наконецъ заживаетъ онъ опредѣленные года, хозяинъ призываетъ его къ себѣ, объявляетъ ему объ окончаніи курса и даруетъ степень приказчика. „Теперь я тебѣ жалованья не могу опредѣлить, говоритъ онъ ему: — посмотрю, чего стоитъ будешь, то и положу; я тебя не обижу.“ По окончаніи года оказывается, что онъ стоилъ рублей восемь въ мѣсяцъ. Но не такъ плохъ молодецъ: онъ уже насмотрѣлся, какъ то дѣлають болѣе опытные приказчики, оцѣнили

себя гораздо дороже и краль изъ хозяйской вы-
ручки рублей по десяти въ мѣсяцъ.

Часы въ столовой показывали четверть шеста-
го, когда въ кухнѣ постучался водовозъ.

— Кто тутъ? спросила его проснувшаяся ку-
харка, однако не поднимаясь съ плиты.

— Я. Отвори, Степановна: воду несу!

— Экъ его объ эту проняло! ворчала она зѣ-
вая и встала съ своего ложа. — Погоди, только
свѣчу зажгу: вишь темъ какая.

Она зажгла свѣчу и, какъ спала, во всемъ ут-
треннемъ неглиже, отворила водовозу дверь. Быстро
ворвался въ отворенную дверь холодный воздухъ
и въ видѣ пара закрубился по комнатѣ.

— Что это съ этой поры тащишься! прогово-
рила она, придерживая на груди рубашку и при-
крывая свои прелести:— уходи скорѣй, да запирай
дверь плотнѣе; окоченѣла совсѣмъ.

— Ничего, жиру поубавится; вишь, лопнуть
хочешь,—любезничаль водовозъ.

— Ну, ну, ругатель, проходи что-ли!

— Охо-хо-хо! зазѣвала она вслухъ. „Пора и
мальчишкамъ вставать“, подумала она и закричала:—
Мишутка, Ванюшка, Ѳедоръ! вставайте.

Но это было напрасно; мальчики встали только
тогда, когда она принялась ихъ расталкивать. Пе-
рекрестившись нѣсколько разъ на образъ, висѣв-
шій надъ кроватью, они вышли изъ своей конуры

и зѣвая сѣли на скамейку. Холодно имъ со сна и больно глядѣть на свѣтъ пылающей свѣчи.

— Ванюшка! чего остолбенѣлъ-то, что глаза выпучилъ? — принимайся за дѣло! обратилась кухарка къ самому меньшому изъ нихъ. — Чисти хозяйскіе сапоги; да еще вотъ ножи вычистить надо, вчера послѣ ужина грязные остались.

— Сейчасъ.

И мальчикъ принялся за дѣло.

— А ты чтожъ, Мишутка?

— Погоди, успѣешь!

— Чего успѣешь! Вотъ хозяинъ встанетъ, не будетъ все готово, такъ онъ те задастъ!

Θедору, какъ старшему, она ничего не сказала. Ему было уже восемнадцать лѣтъ, онъ пользовался ея расположеніемъ и у нихъ подѣ-часъ разыгрывалась извѣстная сцена, гдѣ онъ изображалъ Іосифа-прекраснаго, а она жену Пентефрія. Онъ только поставилъ самоваръ и не прикоснулся ни къ какой работѣ.

Половина восьмаго. Въ кухню вошелъ Чернососовъ, какъ и всегда, съ самой пасмурной и недовольной фizioноміей. На немъ было какое-то подобіе халата. Онъ пришелъ за горячей водой для бритья.

— Налей вода немножки! проговорилъ онъ, по обыкновенію ломая языкъ, и подаль Θедору оловянную кружку.

Вотъ уже и четверть девятаго. Время идти въ лавку. Поспѣшно допиваютъ мальчики свой чай изъ глиняныхъ кружекъ.

— А что, пареньки, не здѣсь-ли живетъ купецъ Михайло Ивановичъ Черноносовъ? спрашиваетъ входящій мужичекъ въ валенкахъ и въ лисьей шубѣ.

— Ахъ, дядюшка Герасимъ! кричалъ Ванюшка и бросается на встрѣчу къ пришедшему.

— Здравствуй! говоритъ тотъ, цѣлуя его: — мать, отецъ тебѣ кланяются.... Вотъ тебѣ посылка отъ нихъ; письмо тамотко есть.

— Здоровы-ли тятенька, маменька? спрашиваетъ Ванюшка, принимая небольшой пестрядинный тючекъ.

— Здоровы. Отецъ по осени въ Питеръ собирается.

Двое другихъ мальчиковъ и кухарка были нѣмыми зрителями этой сцены; но сцена эта тотчасъ же была прервана: въ кухню вошелъ Черноносовъ. Онъ былъ во всѣхъ своихъ доспѣхахъ, въ хорьковой шубѣ и котиковой фуражкѣ.

— Маршъ въ лавку! скомандовалъ онъ.

Мальчики засуетились. Ванюшкинъ дядя отвѣсилъ Черноносову поклонъ; тотъ не обратилъ никакого вниманія.

— Что стоишь-то? Кладить тамъ на кровать, ужю посмотришь. Въ лавку пора. Скорѣй немножки!

И брови его нахмурились еще больше прежняго.

— Пиши письмо къ матери; я зайду черезъ недѣлю. — оказія будетъ, проговорилъ Герасимъ уходящему племяннику. — А должно-быть крутъ у васъ хозяинъ-то? обратился онъ къ кухаркѣ, когда они остались вдвоемъ.

— И не говори! отвѣчала та, обрадовавшись, что можно выругать хозяина: — аспидъ, а не человѣкъ.

— То-то я вижу.... Ну, прощенья просимъ.

Весь день продумаль бѣдный Ванюшка о посылкѣ и о письмѣ. Ему очень хотѣлось узнать, какіе гостинцы прислали ему отецъ и мать и что они пишутъ. Радостно побѣждалъ онъ домой; полупудовая тяжесть — мѣшокъ съ шолкомъ, который онъ несъ домой для разматыванья, казалась ему самою легонькою ношею. Онъ ужъ бы давно добѣждалъ до дому, ежели бы не обыкновеніе идти за хозяиномъ; а Черноносовъ въ этотъ день, какъ на зло, шель тише обыкновеннаго. Прибѣжавъ домой, Ванюшка тотчасъ же бросился къ посылкѣ и принялся распарывать пестрядину; гостинцами были сушеная малина, сдобныя лепешки и двѣ холстинныя рубашки. Но вотъ наконецъ и письмо. Онъ схватываетъ его, сламываетъ хлѣбный мякишъ, которымъ оно было запечатано, и начинаетъ читать. Смотрите, какъ углубился онъ въ чтеніе, какъ блестятъ его глаза, какая улыбка удовольствія

мелькаетъ на губахъ, а между-тѣмъ въ письмѣ, кромѣ поклоновъ отъ родителей и родни, съ поименованіемъ ихъ по имени и отчеству, ничего не написано. Въ концѣ письма сказано: „отпиши намъ о себѣ, любезный сыночекъ Ванюшка, какъ ты живешь и любишь-ли тебя хозяйинъ“. Онъ свертываетъ письмо и хочетъ тотчасъ же писать о себѣ, но вотъ бѣда; гдѣ взять перо и чернилъ? Долго думаетъ онъ, наконецъ рѣшается попросить у хозяйки.

— Александра Ивановна, робко говоритъ онъ вошедшей въ кухню хозяйкѣ:— дайте мнѣ чернилъ, перышка и бумажки.

— На что тебѣ?

— Письмо въ деревню писать надо.

— Ну погоди, я спрошу у Михайла Иваныча.

Она ушла изъ кухни. Ванюшка сталъ ожидать письменныхъ принадлежностей, но онъ жестоко ошибся: вмѣсто Александры Ивановны въ кухню выбѣжалъ самъ Черноносовъ и накинулся на него.

— Какой тебѣ бумажки нужно? зачѣмъ?

— Письмо въ деревню писать надо, чуть слышно проговорилъ мальчикъ.

— Что за глупости, — усмѣешь! За дѣло приниматься нужно. Чѣмъ у тебя твой голова занята? Разматывай шолкъ теперь; завтра напишешь.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Бѣдный Ванюшка такъ и не писалъ письма ни сегодня, ни завтра: онъ уже не смѣлъ больше просить чернилъ и пись-

ма; когда же пришелъ за письмомъ дядя Герасимъ, то Ванюшка настрочилъ нѣсколько словъ карандашомъ и велѣлъ словесно передать, что всѣмъ кланяется.

Прошли святки съ ихъ гаданьемъ и переряживаньемъ, прошло и крещенье. Апраксинцы уже не гуляютъ болѣе на Невскомъ, а перенесли свою резиденцію на Дворцовую набережную. Наступило то время, когда всѣ женихающіеся апраксинцы помышляютъ о соединеніи себя узами гименея. Только и слышишь, что тотъ-то женится на такой-то и беретъ столько-то, такой-то выдаетъ дочь за такого-то и даетъ столько-то. Апраксинецъ, какой бы онъ ни былъ, хоть „лыкомъ питый“, по мѣстному выраженію, хоть торгующій на развалѣ ржавыми пуговицами и битой посудой, и то не женится на невѣстѣ-безприданницѣ, и поэтому туземныя невѣсты безъ прилагательнаго навѣрное останутся въ дѣвицахъ. По мнѣнію апраксинцевъ, бракъ есть дѣло коммерческое, и потому-то именно оно дѣлается, какъ и всѣ биржевыя дѣла, чрезъ маклеровъ, то-есть свахъ, которыя имѣютъ невѣсть на всѣ руки. Въ послѣднее время впрочемъ, на Апраксиномъ завелась слѣдующая мода: хозяева начали выдавать своихъ дочерей за сво-

ихъ приказчиковъ. Ежели смотрѣть на это съ критической точки зрѣнія, то это очень практично: приказчикъ, знающій хорошо дѣло, котораго отецъ невѣсты знаетъ нѣсколько лѣтъ и пригля-дѣлся къ его характеру, можетъ быть гораздо лучшимъ мужемъ, чѣмъ какой-нибудь сосватанный свахою хозяйскій сынокъ, торгующій изъ-подъ отцовской палки. Приказчикъ, котораго отецъ невѣсты поставитъ на ноги и сниметъ для него лавку, будетъ способнѣе прокормить семейство. Какъ-бы ни были ограничены средства апраксинца, онъ непременно сдѣлаетъ болѣе или менѣе парадную свадьбу, хотя бы на это ему пришлось употребить болѣе половины своего состоянія. День свадьбы обыкновенно празднуется у кухмистра, гдѣ бываетъ обѣденный столъ и послѣ танцы, нерѣдко часовъ до шести утра. Случается такъ: ежели женихъ не умѣетъ танцевать, то нарочно учится для этого чтобы пройти нѣсколько кадрили.

Вотъ какъ обыкновенно устраиваются браки:

Лишь только женихъ найдетъ себѣ подходящую невѣсту и сойдется въ приданомъ по росписи, принесенной ему свахой, тотчасъ же проситъ у отца невѣсты назначить день послѣднихъ смотринъ. День назначается и женихъ въ сопровожденіи родственниковъ является въ домъ будущаго тестя, который и встрѣчаетъ ихъ. Нѣтъ ничего глупѣе этой сцены. Всѣ садятся, начинается разговоръ о погодѣ, о церквахъ и незамѣтно сворачивается на торгов-

лю. Здѣсь женихъ крѣпится: онъ долженъ выказать все свое знаніе дѣла. Вскорѣ является неvěста, робко потупляетъ взоръ, раскланивается и садится; за нею слѣдомъ идутъ мать и сваха. Минутъ съ десять все-еще длится разговоръ; наконецъ женихъ встаетъ съ мѣста и шепчетъ отцу неvěсты: „мнѣ нужно съ вами кой о чемъ переговорить“. „Пожалуйте, пожалуйста!“ отвѣчаетъ тотъ, и они уходятъ въ другую комнату. Здѣсь женихъ объявляетъ, съ какимъ намѣреніемъ онъ пришелъ въ домъ, и спрашиваетъ, все-ли то есть за неvěстой, что означено въ росписи. Тестъ согласенъ, ударяетъ по рукѣ будущаго зятя, лобызаетъ его, выводитъ его передъ лицо неvěсты и объявляетъ женихомъ. Всѣ молятся Богу, причемъ мать неvěсты и вся женская родня считаетъ за нужное прослезиться. Является бутылка хересу, присутствующіе пьютъ и поздравляютъ *съ начатіемъ дѣла*. Жениха тоже принуждаютъ выпить; онъ беретъ рюмку, прикасается къ ней губами и снова ставитъ на поднось. Великій искусъ для пьющаго человѣка! Но было-бы верхомъ неvěжества, ежели-бы онъ выпилъ всю рюмку: тогда онъ проигралъ-бы во мнѣніи родни по-крайней-мѣрѣ процентовъ на двадцать пять. Подаютъ чай. Женихъ садится рядомъ съ неvěстой, и здѣсь-то слѣдуетъ преглупѣйшая сцена, едва-ли не глупѣе сцены встрѣчи. Женихъ всѣми силами старается быть любезнымъ, хочетъ сказать что-нибудь дѣльное, но какъ ни осматриваетъ потолокъ

и печку въ комнатѣ, ища въ нихъ вдохновенія, все-таки остается нѣмъ какъ рыба; а невѣстѣ самой начать разговоръ неприлично,—сочтется выскочкой; ей еще съ малолѣтства натолковали, что она должна быть скромною и больше молчать. Наконецъ женихъ откашливается и спрашиваетъ:

— Я вамъ нравлюсь?

— Да... отвѣчаетъ невѣста.

— И вы мнѣ тоже нравитесь. Погодите, мы съ вами лихо заживемъ!

Снова слѣдуетъ молчаніе, и будущіе супруги снова начинаютъ созерцать — одинъ потолокъ и печку, а другая свое платье. Присутствующие выводятъ ихъ изъ замѣшательства и продолжаютъ прерванный разговоръ о торговлѣ.

На другой день отецъ невѣсты выходитъ въ лавку, потираетъ, стоя на порогѣ, свое брюшко и объявляетъ сосѣдямъ, что выдаетъ дочь замужъ, выражаясь слѣдующимъ образомъ: „А вѣдь мы вчера дочку-то Богу помолились, по рукамъ ударили, пропимъ!“ — „За кого?“ — „За Семена Брюхина.“ — „Ну, поздравляю! Славный парень!“

И черезъ часъ весь Апраксинъ знаетъ о вчерашнемъ происшествіи. Съ этихъ поръ женихъ начинаетъ ходить къ невѣстѣ каждый день вплоть до самой свадьбы.

Нашъ знакомецъ Степанъ Ивановичъ Харламовъ тоже выдаетъ свою дочь замужъ. Женихъ, Николай Михайлычъ Бирюковъ, мужчина лѣтъ двадцати-

двухъ, но уже покутившій на своемъ вѣку, — женихъ очень выгодный, изъ *современныхъ*. то, что на Апраксиномъ называютъ *мазикомъ*, съ галантерейными манерами, носить усы и ходить во фракъ, отчего онъ очень нравится невѣстѣ. Отецъ его торгуетъ желѣзомъ и очень богатый человѣкъ. Черезъ недѣлю назначена свадьба, заказаны билеты и нанята у Сорочихи (*) парадная золотая карета четверней и съ двумя лакеями. У Семена Ивановича каждый день вечеринка; женихъ является съ пріятелями и начинаются танцы. У невѣсты гостятъ всѣ ея подруги и помогаютъ дошивать приданое.

Вотъ и сегодня пріѣхалъ женихъ съ пріятелями, привезъ для дѣвицъ конфетъ и сдѣлалъ сюрпризъ — нанялъ тапера. Всѣ безотчетно веселы; смѣхъ, говоръ, старики играютъ въ горку... „Веселая свадьба!“ говорятъ гости. Оттанцовали кадрили и молодежь отправилась затянуться, кто въявь, а кому это удовольствіе запрещено, тотъ и тайкомъ. Пріатели уже порядочно *заложили за галстукъ*, даже и женихъ выпилъ нѣсколько рюмокъ вина и заѣдаетъ кофеинкой и пфеферментами.

— Смотри, не ѣшь этихъ мятныхъ лепешекъ: сейчасъ подумаютъ, что заѣдалъ, — даетъ совѣтъ Миша, пріатель его: — отъ меня тятенька какъ услышитъ, что мятой пахнетъ, такъ и начнетъ косяться, сейчасъ догадается.

(*) Сорочиха, содержательница извозчичьихъ каретъ.

— Ничего, отвѣчаетъ женихъ: — въ разговорѣ какъ-нибудь упомяну, что животъ болить.

— Когда же мы съ тобой покутимъ въ послѣдній разъ? спрашиваетъ Одея, тоже мазъ, съ кучею брелоковъ на часовой цѣпочкѣ.

— Въ воскресенье, братцы, въ воскресенье, отвѣчаетъ женихъ: — вечеромъ нельзя, здѣсь быть надо; а мы съ утра закатимся, часовъ эдакъ съ десяти.

— Bravo, и послѣ выпатся успѣемъ! Знаешь, братъ, я больше съ лихачемъ Николашкой ни за что не буду ѣздить. Лихую онъ штуку со мной удралъ. Ёздилъ я съ нимъ на Петровскій, дѣвочка со мной была; послѣ, знаешь, на обратномъ пути отвезъ ее, да и поѣхалъ домой. Я никогда у нашихъ воротъ не останавливаюсь, всегда на углу, не доѣзжая нашего дома. Вышелъ изъ саней, да и подаю ему пять рублей. Просить на чай. Даль рубль, — мало. Сколько-же, говорю, тебѣ нужно? „Пять рублей, говоритъ, само по себѣ, да красненькую на чай дайте.“ Что ты, говорю, съ ума сошелъ? — да и иду отъ него прочь, а онъ меня окликиваетъ: „Василій Родіонычъ! пожалуйста, говоритъ на пять словъ.“ Что тебѣ? спрашиваю. „Дайте, говоритъ, на чай, а то безпремѣнно тятенькѣ вашему скажу, что вы со мной ѣздите, да и про дамочку вашу ему расскажу.“ Это про Маньку-то. Просто вскипѣлъ я: ахъ ты, говорю подлецъ эдакой, карманна выгрузка! А онъ мнѣ:

„не ругайтесь, говоритъ, а дайте красненькую, а то ей-богу тятенькѣ вашему про все расскажу; я вѣдь его, говоритъ, хорошо знаю.“ Бился-бился я,—отдалъ деньги. Что, думаю, ежели вдругъ отцу расскажетъ? Бѣда. Вотъ какая сволочь!

Вся компанія захохотала.

— Послѣ я уже вспомнилъ, что онъ, со мной ѣздивши, все меня выпытывалъ: гдѣ мы торгуемъ, да гдѣ живемъ. Это онъ подвохъ дѣлалъ.

— Ахъ, братцы, какъ-бы мнѣ съ моею Катюшкой развязаться? Ну, ежели что задумаетъ? шепчетъ женихъ, наклонясь къ своимъ пріятелямъ. — Три сотенныя бы далъ, только бы отстала.

— погоди, обдѣлаемъ, все будетъ *на мази*.

— Нѣтъ, братъ, табакъ-дѣло! отвѣчаетъ женихъ, затягивается папиросою и трясетъ своей завитой головой.

Поздно уѣхалъ женихъ съ пріятелями, и дѣвицы, вытащивъ въ залу нѣсколько перинъ, начали укладываться спать. Что визгу, что шуму, что замѣчаній про кавалеровъ, обдумыванія нарядовъ къ свадебному балу! Долго, долго не могли онѣ уснуть, но проспали за то на другой день часу до перваго.

Прошло воскресенье. Въ одной изъ гостинницъ свершился прощальный кутежъ. Николай Михайлычъ Бирюковъ провожалъ свою холостую жизнь. Много было выпито разнаго вина, и пріятели жениха напились или, по ихъ выраженію, *насандали-*

лись до положенія ризъ, да и у самого жениха съузились глаза и плохо ворочался языкъ. Кой-какъ съ помощію лакеевъ добрели они до номеровъ и изъ объятій Бахуса перешли въ объятія Морфея; женихъ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру и уснулъ сномъ праведника, но помня, что ему сегодня надо быть у невѣсты, предварительно далъ приказаніе разбудить себя въ шесть часовъ и приготовить побольше зельтерской воды и лимонадъ-газесу. Съ трудомъ растолкавъ номерной лакей жениха и его пріятелей. Многіе взглянули на себя въ зеркало и сами не узнали своихъ фізіономій: чужія лица, да и только! Какъ ни умывались они холодной водой, какъ ни отдувались зельтерской водой и лимонадомъ, но все-еще были далеко не трезвы. „Опохмѣлиться-бы важно!“ замѣтилъ кто-то; но женихъ объявилъ на отрѣзъ, что больше ни синя пороха не будетъ, а кто только одну рюмку выпьетъ, того онъ не возьметъ къ невѣстѣ.

Но это еще не все, читатели, это не послѣдній кутежъ: настоящее безобразіе будетъ впереди.

У апраксинцевъ, да и вообще у купечества средней руки, существуетъ дикій обычай,—за день или дня за два до свадьбы ѣздитъ огромной компаніей въ баню. Это-бы еще ничего, пускай себѣ моются; но мытье это происходитъ среди страшнаго пьянства и оргіи, да и не у однихъ мужчинъ, а даже у женщинъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ къ жениху Бирюкову собрались всѣ его пріятели,

отправились въ Туляковы бани, гдѣ и взяли большой парадный номеръ, который нарочно устроенъ для подобныхъ случаевъ. Что тамъ было и каковы были по выходѣ изъ бани прѣхавшіе омывать свою грѣшную плоть, можно судить по тому, что по прѣздѣ два мальчика Бирюкова внесли въ баню большую корзину съ разнымъ виномъ, и по выходѣ не вынесли ни одной бутылки; да еще прибавьте къ этому поддаваніе виномъ на раскаленную каменку. Двое пріятелей жениха напились даже до совершеннаго безчувствія. Ихъ пробовали отливать водой, терли имъ уши, но ничего не помогло. Кой-какъ напялили на нихъ рубахи, окутали въ шубы и повезли домой.

Тоже почти было и у женщинъ. Невѣста въ сопровожденіи своихъ подругъ, свахи, замужнихъ родственницъ и женской прислуги, отправилась въ ту-же баню, съ тою только разницею, что днемъ. И здѣсь не обошлось безъ вина: обычай требуетъ, чтобъ въ этотъ день пили вино и поддавали имъ на каменку. На Руси говорятъ, что ежели баба выпьетъ на грошъ, то накричитъ на рубль. и это чистѣйшая правда. Запѣли, закричали, завизжали моющіеся и даже составили кадрили подъ пѣсни, съ акомпаниментомъ ударовъ въ тазы. Ежели, читатель, вамъ когда-нибудь случится увидѣть на улицѣ двѣ-три кареты, нагруженные женщинами и везомыя лошадьми, гривы и сбруя которыхъ украшены цвѣтными лентами,—знайте, это непременно

ѣдетъ изъ бани невѣста въ сопровожденіи своихъ безобразницъ-родственницъ. Безстыжіе и цинизмъ этихъ бабъ превосходитъ иногда всякія границы. Онѣ доходятъ до того, что не только-что поютъ на всю улицу пѣсни, но даже, высовываясь изъ оконъ каретъ, задѣваютъ и ругаютъ прохожихъ и не рѣдко бросаютъ въ нихъ вѣниками и порожними бутылками. Въ это время бѣдная невѣста и ея подруги, старая отъ стыда, укутываются въ платки, стараясь не быть замѣченными прохожими.

На другой день былъ дѣвишникъ. Еще до пріѣзда Бирюкова, къ невѣстѣ пріѣхалъ Вася, его шаферъ, и дружка жениха, тотъ самый Вася, котораго надулъ лихачъ на десять цѣлковыхъ. Онъ привезъ ларецъ; между платочками, перчатками, духами и мыломъ, румянами и бѣлилами, тамъ были и цѣнные вещи: золотые часы съ брошкой, браслетъ брильянтовый и такія-же шпильки. Вскорѣ пріѣхалъ женихъ; онъ былъ что-то разстроенъ; посидѣвъ немного съ невѣстой, онъ пошелъ покурить въ молодцовую и мигнулъ своему шаферу Васѣ, чтобъ тотъ слѣдовалъ за нимъ. У Степана Иваныча въ залѣ не курили; онъ не былъ раскольниковомъ, но и не терпѣлъ табачнаго дыма.

— Дѣло, братъ, *яманъ*, Вася.

— А что?

— Да съ Катюшкой сообразить не могу.

— Что же?

— Была у меня сегодня въ лавкѣ. Давалъ ей

три сотни, не беретъ. Даже совѣстно: при молодцахъ плюнула и ушла. Что, ежели она къ отцу явится?

— Табакъ, братъ, дѣло, истинно яманъ-сортъ!— И Вася щелкнулъ языкомъ. — Что-же ей, мало что-ли?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. „Ни копѣйки, говоритъ, не возьму; да вы, говоритъ, и не бойтесь, что я свадьбу вашу разстроивать стану: я, говоритъ, и стыда на себя не возьму; я, говоритъ, васъ ненавижу теперь.“ Что, Вася, нѣтъ-ли тутъ какого подвоху? Смотри, чтобъ въ чемъ въ другомъ не наегорила?

— Маргафонъ, братъ, ты, и больше ничего. Крестись обѣими руками: извѣстно, чиновничья кровь заговорила. Тятенька въ судѣ строчилой служилъ: на грошъ амуниціи, на рубль амбиціи. Что она, въ церковь что-ли придетъ? Гришуху поставимъ у двери, да и не пустимъ ее.

Женихъ немного повеселѣлъ. Въ молодцовую вошелъ Степанъ Ивановичъ.

— Николай Михайлычъ, подь-ка сюда; мнѣ съ тобой потолковать нужно.

Онъ привелъ его въ комнату, гдѣ стояло приданое невѣсты. Комната эта походила на мебельную лавку: она была вся заставлена стульями, комодомъ, туалетомъ, шкафами, диванами и прочей мебелью.

— Считаю.

И Степанъ Ивановичъ вынулъ изъ боковаго кармана пачку пятипроцентныхъ билетовъ.

— Десять тысячъ. Вѣрно? спросилъ онъ, когда Бирюковъ сосчиталъ билеты.

— Вѣрно-съ.

— Теперича давай ихъ сюда. Видишь, я кладу въ комодъ, въ верхній ящикъ.

Женихъ не хотѣлъ быть одинъ свидѣтелемъ всего этого и позвалъ своего отца. Въ присутствіи ихъ были положены деньги въ верхній ящикъ комода. Женихъ самъ заперъ его и ключъ положилъ въ карманъ.

— Ну, теперь сдѣлалъ все на чистоту. Обнимаемся, свать.

И Степанъ Ивановичъ обнялъ сперва свата, потомъ жениха. Вообще въ этотъ день женихъ не бываетъ долго у невесты и потому Николай Михайлычъ часу въ одиннадцатомъ ушелъ домой. Невѣста разобрала свой ларецъ и одѣлила дѣвицъ, которыя не ночевали эту ночь у нея и уѣхали съ своими родными домой.

Въ субботу наканунѣ дня свадьбы, къ жениху отправляли приданое. За приданымъ пріѣхалъ дружка. Съ нимъ было человѣкъ тридцать носильщиковъ, — всѣ въ синихъ кафтанахъ. У невесты ихъ угощали водкой и подарили по платку.

— Ну дай Богъ здоровья Николаю Михайловичу: вишь какъ онъ почитаетъ свою невесту, го-

ворила сваха.— Народу-то, народу-то, что за приданымъ пригналъ. Со всѣмъ парадомъ понесутъ!

Дружка подошелъ къ комоду, отворилъ верхній ящикъ, вынулъ оттуда деньги и, сосчитавъ ихъ, положилъ себѣ въ карманъ.

Носильщики начали выносить мебель на дворъ. Дѣло дошло до перины. Подруги невѣсты сѣли на нее и не давали выносить. Началась церемонія выкупа перины.

— Отдайте, дѣвицы, говорилъ стоящій передъ ними дружка.— Я вамъ въ ножки поклонюсь!

— Экъ съ чѣмъ подѣхали! кричали ему дѣвицы.

— Дешево даешь, домой не донесешь! замѣтила сваха.

— Чего-же вы хотите?

— Выкупу!...

— Ну, вотъ вамъ, проговорилъ дружка и вынулъ десятирублевую бумажку.

— Дешево цѣните! закричали дѣвицы.— Не отдадимъ! и запѣли:

Какъ на дружкѣ-то штаны

Послѣ дѣда сатаны....

— Прибавляй, полно сквалыжничать-то. Вѣдь это перина, безъ нее никакъ ужъ не обойдешься, вещь самая нужная! говорила сваха.

Дѣвицы засмѣялись. Дружка далъ еще пятнадцать рублей.

— Мало, мало! кричали дѣвицы и снова за-
пѣли ту же пѣсню.

— Много-ли-же вамъ надо? спросилъ дружка.

— Давайте еще столько-же, тогда и отдадимъ.

— Ну хорошо дамъ, только мнѣ по поцѣлую
отъ каждой.

— Ну, давайте!

Дружка далъ еще 25 рублей. Дѣвицы встали
съ перины, зацѣли пѣсню, въ которой говорилось,
что „друженька хорошенькій, пригоженькій, на дру-
женькѣ шапка во сто рублей, шуба въ тысячу“ и
дали ему обѣщанное, то-есть поцѣловали его.

— Ну, Василій Родіонычъ, теперь отправимся,
только вотъ дорожку смочить надо, чтобъ не пы-
лило. Ужъ по порядку такъ слѣдуетъ, говорила
дружкѣ сваха.

Появилось вино. Дружка выпилъ восемь рю-
мокъ, почти каждая дѣвица требовала, чтобъ онъ
пилъ за ея здоровье.

— Ну теперь ужъ пора ѣхать, отпустите меня
дѣвицы, проговорилъ онъ не совсѣмъ твердымъ
голосомъ.

— Глаза его уже порядочно съезились. Про-
щаясь съ нимъ, мать невѣсты подарила ему мате-
ріи на сюртукъ.

— Ну, прощайте!

— Стой, стой родной! Посошокъ на дорожку
выпить надо.

Выпили посошокъ. Дѣвицы начали выносить

на дворъ перину и подушки и укладывать ихъ въ карету.

Дружка надѣлъ шубу. Она была вся въ бантахъ изъ цвѣтныхъ лентъ. Въ то время какъ совершался выкупъ перины, дѣвицы успѣли украсить шубу.

Въ карету между подушекъ и перины сѣли дружка и сваха.

— Ну съ Богомъ! Трогайте! кричали имъ съ крыльца.

Карета поѣхала.

— Отворяйте ворота!

— Не отворимъ, выкупъ давайте! говорили стоящіе у воротъ: дворникъ, водовозъ и кучеръ Харламова.

Начался снова торгъ. За десять цѣлковыхъ ворота отворили и потянулась процессія. Впередъ несли кровать, ее несли шесть человекъ, далѣе комодъ, шкафъ и другую мебель. Шествіе замыкала карета съ периной, подушками, свахой и дружкой.

Сваха сидѣла съ образомъ въ рукахъ и шептала какія-то слова, могущія по ея мнѣнію принести счастье въ домъ жениха.

— Чье это приданое несутъ? спрашивали любопытные прохожіе у носильщиковъ.

— Харламовой, — за купца Бирюкова отдаютъ ее, съ важностію отвѣчаютъ носильщики и идутъ далѣе.

IV.

Но вотъ насталь день свадьбы. Не стану описывать сборы въ церковь со стороны жениха и невѣсты, но скажу, что вѣнчаніе было очень парадное. Церковь была въ полномъ освѣщеніи и на клиросѣ пѣли невскіе пѣвчіе. Подъ конецъ апостола дьяконъ такъ хватилъ „а жена да боится своего мужа“, что даже невѣста вздрогнула, а мужчины одобрительно переглянулись и подумали: „вишь какая сила!“

Теперь отправимтесь, читатели, на обѣдъ и на балъ въ квартиру кухмистра.

Новобрачные еще не пріѣзжали изъ церкви. Въ залѣ и въ смежной съ нею комнатѣ накрыты обѣденные столы *покоемъ*. Они украшены фруктами, конфектами на горкѣ и полинялыми цвѣтами въ вазахъ. Ежели вы прослѣдите внимательно вина и напитки, которыми уставленъ столъ въ залѣ, то на одномъ концѣ его увидите бутылки съ металлическими украшеніями на горлышкахъ и ярлыками съ болѣе высшими цѣнами, чѣмъ на другомъ концѣ. Здѣсь сядутъ почетные гости. На столѣ же въ другой комнатѣ вина разставлены гораздо рѣже; ихъ замѣняетъ пиво и графины водки. Гости уже начинаютъ сѣзжаться. Кавалеры приглаживаютъ передъ зеркаломъ свои прически, дамы отряхиваютъ платья и входятъ въ залу. Сначала всѣ какъ-то

дичатся другъ друга. Вотъ одинъ фертикъ, съ закрученными усиками и съ буклями на вискахъ въ видѣ сосисокъ, прохаживается по залѣ. Стоячіе воротнички его рубанки такъ и упирають подбородокъ; стараясь, чтобы ихъ не измять, онъ ворочается всѣмъ тѣломъ. Немало также его стѣсненію способствуетъ шляпа. Онъ совершенно не можетъ придумать, что ему съ ней дѣлать; то прижметъ къ правой колѣнкѣ, то къ лѣвой, то къ груди, стараясь при этомъ выказать свой брильянтовый перстень, надѣтый сверхъ бѣлой перчатки на указательный палецъ правой руки.

Въ залу входятъ тятенька, маменька и двое чадъ ихъ: дочь, пухленькая, краснощекая дѣвушка лѣтъ шестнадцати въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ и сынъ лѣтъ девятнадцати, въ сюртукѣ и цвѣтномъ галстукѣ, — фізіономія, напоминающая господина, котораго обыкновенно пишутъ на цирульныхъ вывѣскахъ; тѣ же усы, та же прическа. Тятенька ихъ въ длиннополомъ сюртукѣ и дутыхъ сапогахъ. Изъ-подъ его клинистой бороды виднѣются двѣ медали, одна на красной, другая на голубой лентахъ. Маменька, съ повязанной косынкою головой, въ длинныхъ брильянтовыхъ серьгахъ и съ довольно почтеннаго размѣра брюшкомъ.

Молодой человѣкъ съ перстнемъ на указательномъ пальцѣ все-еще прогуливается и думаетъ: „Пора и о дамѣ позаботиться, а то послѣ обѣда не успѣешь носа утереть, какъ и расхватають ихъ.“

Вотъ важная штука: пойду и попрошу ее на кадрили“. Онъ предварительно топнулъ ногою, какъ застоявшаяся лошадь, поправилъ галстукъ и нагнувъ немного голову, какъ-будто кого-нибудь собирался боднуть, подошелъ къ знакомой уже намъ дѣвицѣ въ розовомъ тарлатановомъ платьѣ.

— Позвольте васъ анжировать на первую кадрили,—началъ онъ, расшаркиваясь.

Дѣвушка зардѣлась ярче своего платья, опустила глазки и прошептала:

— Извольте.

— А на ланце?

— Я не танцую.

Кавалеръ, очень довольный собою, отошелъ въ сторону.

— Что, Паша? Хе-хе-хе.... Вотъ и завербовала одного молодца,—шутить съ нею тятенька.— Главное дѣло починъ есть,—а починъ дорожке денегъ. Хе-хе-хе.

— Ахъ, папенька, оставьте!

— Оставьте! а небось самой любо. А ты чтожъ себѣ дѣвушку не ищешь? обратился онъ къ сыну. Хошь, я тебѣ найду?

— Нѣтъ, тятенька, не извольте беспокоиться; я лучше ужю, по-малости въ горку сыграю....

Въ углу на столѣ поставлена закуска съ цѣлою батареею штофовъ, графиновъ и бутылокъ. По-одаль стоятъ двое гостей въ сибиркахъ. Они разговариваютъ, но разговоръ ихъ какъ-то не

клеится; головы ихъ то-и-дѣло поворачиваются къ закускѣ. Подобно магниту, притягивающему желѣзо, столъ съ бутылками и штофами такъ и притягиваетъ ихъ. Нѣсколько времени они борются съ притягательной силой, наконецъ она беретъ верхъ, и они подходятъ къ столу.

— Выпьемте, Иванъ Ивановичъ, говоритъ одинъ:— вѣдь еще долго дожидаться, и наливаетъ двѣ рюмки.

Официанту, стоящему по-одаль, такая несвоевременная выпивка очень не нравится. Онъ начинаетъ коситься.

— Ты на вѣнчанье-то не поѣхалъ?

— Не поѣхалъ. Чего я тамъ не видалъ?

— Обыкновенно... И я вотъ тоже не поѣхалъ. Да и лучше оно, по-крайности мы здѣсь рюмку, другую выпьемъ, говоритъ Иванъ Ивановичъ, выпивъ рюмку водки и тыкаетъ вилкой въ селедку.

Увидя это, официантъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ нимъ.

— Ужъ вы хоть селедку-то не портите. Закусывайте вонъ сыромъ, а то какой вы видъ теперь изъ нее сдѣлали, замѣчаетъ онъ.

— Чтожъ развѣ мы не гости?...

— Кто говоритъ, что вы не гости, да на все чередъ знать надо. Смотрите, развѣ кто пьетъ теперь....

— Ну, ничего, поправишь, замѣчаютъ гости и отходятъ въ сторону.

Комнаты все болѣе и болѣе наполняются гостями. Кажется, вся каста патриціевъ-хозяевъ собралась здѣсь, начиная съ лицевой аристократической линіи и до тряпичнаго ряда. Музыканты строятъ свои инструменты.

Въ залу вбѣгаетъ Миша, шаферъ жениха; въ петлицѣ его фрака красуется розанъ.

— Михайло Родіонычъ! Михайло Родіонычъ! пищитъ ему одна гостья:—вы замѣтили, чья свѣчка больше обгорѣла: жениха, или невѣстина?

— Невѣстина, невѣстина! впопыхахъ отвѣчаетъ шаферъ и стремится далѣе.

— Бѣдняжечка! раньше женишка умереть! продолжаетъ гостья и отходитъ въ сторону.

Но вотъ официантъ махнулъ салфеткой музыкантамъ и раздались звуки какого-то марша. „Пріѣхали, пріѣхали!“ слышался шопотъ, и въ залу въ сопровожденіи гостей вошли новобрачные. Живо бросилась мужская половина рода человѣческаго къ закускѣ и въ нѣсколько минутъ опустошила столъ. Нѣкоторыя женщины удалились въ отдѣльную комнату и тоже пропустили по маленькой очищенной. Черезъ четверть часа всѣ уже сидѣли за столомъ. На самой серединѣ, передъ вазою съ цвѣтами, на которой изображены сатиръ и нимфа, сидятъ новобрачные; по правую и по лѣвую сторону — ихъ родители; далѣе дьяконъ, тотъ самый дьяконъ, который такъ удивилъ своимъ голосомъ въ церкви, родственники и почетные гости, между

которыми два офицера въ парадной формѣ и квартальный надзиратель. Офицеры эти приглашены самимъ кухмистеромъ. У одного конца сидитъ цѣлый рядъ дѣвицъ и напротивъ ихъ кавалеры. Въ комнатѣ, смежной съ залою, помѣстились третьестепенные гости—молодцы Бирюкова и Харламова и всѣ любящіе выпить и вмѣстѣ съ тѣмъ боящіеся общественнаго мнѣнія.

Бокалы налиты шампанскимъ. „За здоровье новобрачныхъ!“ прокричалъ официантъ, музыканты заиграли тушъ и гости забили вилками въ тарелки и рюмки.

— Горько! проговорилъ кто-то изъ родственниковъ невѣсты.

— И мнѣ горько! отозвался другой: — подсластите!

Новобрачные посмотрѣли другъ на друга.

— Миколай! чтожь, поцѣлуй жену-то! проговорилъ Бирюковъ, толкнувъ подъ бокъ сына.

И они поцѣловались. Ярко зардѣлась новобрачная, исполнивъ требованіе родственниковъ, и только-что сѣла, какъ снова послышалось „горько“. Церемонія повторилась. Что дѣлать, обычай старины! Попробуй-ка его не исполнить, такъ апраксинскія сплетницы всѣ кости перемоютъ!

Разговоръ становился все живѣе и живѣе. Какой-то гость рассказывалъ дьякону про одну свою покупательницу игуменью, которая забирала у него въ лавкѣ духовъ, помады, бѣлилъ, гребенокъ и

прочихъ вещей на триста рублей въ годъ. „Для всего монастыря бывало наберетъ, и все товаръ самый лучший; не торгуясь и деньги отдаетъ.“

— Это вы про Булаховскій монастырь говорите?

— Да.

— Э, батенька, да куда же имъ и деньги-то дѣвать! Народъ все богатый: по буднямъ въ шелковыхъ платьяхъ ходятъ, да еще кринолины поддѣнуть. Ну-ка, пройдемтесь по рюмочкѣ.

— Извольте, отецъ дьяконъ!

— За ваше здоровье, Анна Максимовна! говоритъ одинъ изъ шеренги кавалеровъ, помѣщающихся передъ дѣвицами, и выпиваетъ рюмку мадеры.

— Эка важность, смотрите, выпилъ и облизывается! Я такъ, Анна Максимовна, за ваше здоровье лучше жаркого съ сахаромъ съѣмъ — перебываетъ другой и дѣйствительно сыплетъ въ тарелку сахаръ.

— Я такъ за здоровье дѣвицъ съѣлъ бы съ дегтемъ, ежели бы онъ здѣсь былъ, снова говоритъ первый кавалеръ.

— А я такъ-бы рюмку скипидару выпилъ.

— Выпейте! мы сейчасъ скажемъ официанту, чтобъ онъ принесъ вамъ, жеманно отвѣчаютъ дѣвицы.

— Ахъ, мальчикъ, мальчикъ! смотри, на тебя тятенька глядитъ, уши выдеретъ! — И кавалеръ,

желавшій съѣсть за здоровье дѣвицъ жаркого съ дегтемъ, сбиваетъ прическу изъясвившему желаніе выпить скипидару.

— Ну, не балуйся! оставь! говоритъ кавалеръ, вытаскивая изъ кармана гребенку и причесываясь.— Я, Надежда Степановна, васъ сегодня видѣлъ-съ, вы мимо нашей лавки изволили проходить!

— Полно врать, пойдутъ-ли они по вашему ряду! Вѣдь онъ въ проходномъ ряду пылью торгуетъ. Эту лавку ему тятенька на отчетъ далъ, больше ему не довѣряетъ; на полкѣ только и товару, что пыль, аршинъ, ножницы да котъ голодный.

Всѣ эти разговоры велись собственно для того, чтобъ занять дѣвицъ; по мнѣнію апраксинскихъ моншеровъ, въ этихъ-то выходкахъ и заключается свѣтскость молодаго человѣка. Все это называется „смѣшить дѣвицъ“.

Шеренга дѣвицъ кажется рѣшилась ничего не ѣсть: онѣ не прикасаются ни къ одному блюду, а то и дѣло пьютъ медъ, который разливаютъ имъ въ стаканы услужливые кавалеры.

— Маша, ты видишь, какіе миленькіе офицеры сидятъ.... Просто душики!... шепчетъ одна изъ дѣвицъ на ухо своей подругѣ.

— Херувимы!... Ты оставь для нихъ двѣ кадрили; я оставлю.

— У меня одна только и есть свободная. Пер-

вую я общала Хвостикову, и ежели меня попросить офицеръ, я откажу Хвостикову, — отвѣчаетъ дѣвица и сжавъ губы сердечкомъ, смотреть на офицеровъ.

А вотъ и аристократъ Апраксина Носковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, съ претензіею на джентльменство. Онъ считается первымъ франтомъ и ловеласомъ; всѣ мужья, обладающіе хорошенькими женами, видятъ въ немъ чуть-ли не врага. Вотъ и теперь онъ присоединился къ какой-то дамочкѣ и напѣваетъ ей любезности. Дамочка ни жива, ни мертва: она видитъ за другимъ концомъ стола своего мужа, устремившаго на нее такой взглядъ, который можетъ поспорить со взглядомъ какого угодно ревниваго испанца. Отецъ Носкова славный человѣкъ, разъ пять дѣлалъ съ кредиторами сдѣлку, теперь купилъ домъ, расширилъ торговлю и отдыхаетъ на лаврахъ въ объятіяхъ какой-то Фрины чухонскаго происхожденія, которая и живетъ на его иждивеніи.

Выпили уже нѣсколько тостовъ; официантъ успѣлъ провратъ, прокричалъ здоровье дядюшки Степаниды Ивановны и тетюшки Ивана Андреевича. Съ каждымъ тостомъ въ тарелки били все сильнѣе и сильнѣе и уже кричали ура; а одинъ гость вошелъ въ такое восторженное состояніе, что схватилъ двѣ тарелки и бросилъ ихъ на полъ. Вдругъ кто-то ругнулъ Бирюкова-отца и шатаясь вышелъ изъ-за стола. Шафера бросились за нимъ;

оказалось, что это какой-то родственник новобрачнаго, обидѣвшійся, что не пили за его здоровье.

Обѣдъ приближался къ концу. Молодое поколѣніе начало кидаться хлѣбными шариками: такъ и бомбардируютъ другъ друга. Одинъ шарикъ попалъ прямо въ носъ надзирателя; надзиратель покосился, а у кинувшаго просто душа въ пятки ушла: хоть и на пиру, а все-же начальство. Мода киданія другъ въ друга хлѣбными шариками, бывшая прежде въ высшемъ кругу, перешла къ апраксинцамъ и существуетъ тамъ и понынѣ.

Шафера поминутно подходятъ къ гостямъ и наливаютъ ихъ рюмки виномъ. У Миши, шафера новобрачнаго, глаза уже значительно посоловѣли. Онъ пьетъ съ каждымъ понемногу. Офиціантъ провозгласилъ тостъ за здоровье шаферовъ и начались снова крики „ура“ и звонъ въ тарелки и стаканы; кажется ударъ немного покрѣпче—и они разлетѣлись бы въ дребезги. Шафера переходятъ изъ объятій въ объятія, и всѣми силами стараются сохранить неприкосновенными розы, красующіяся въ петлицахъ ихъ фраковъ, которыя много терпятъ отъ этихъ объятій. „Шаферовъ качать, шаферовъ качать!“ кричали нѣкоторые, но были отклонены отъ этого менѣе восторженными. Одинъ гость хотѣлъ было вскочить на столъ, но былъ удержанъ за фалды. Слово „горько“ то и дѣло слышалось въ разныхъ концахъ стола, но новобрачные уже не исполняли болѣе требованій пирующихъ.

Послѣдній тостъ былъ „за здоровье всѣхъ дамъ, дѣвицъ и кавалеровъ“. Снова ура, и снова звонъ посуды. Юноша, желавшій выпить рюмку скипидару, къ немалому удовольствію дѣвицъ выпилъ пол-рюмки уксусу; сосѣдь его, изъявившій желаніе за здоровье Анны Максимовны съѣсть жаркого съ дегтемъ, нарочно уронилъ подъ столъ вилку, полѣзъ ее поднимать и поцѣловаль у этой дѣвицы руку. Та такъ и зардѣлась.... отъ удовольствія или отъ стыда—Богъ ее вѣдаетъ.

За столомъ въ другой комнатѣ было просто безобразіе; слышался какой-то несвязный говоръ, всѣ говорили вдругъ и никто не слушалъ. Одинъ гость до того упился, что легъ ту косями; его тяжело дышавшее тѣло официанты вынесли на лѣстницу. Харламовскіе молодцы, забывшись, что кругомъ ихъ сидятъ посторонніе люди, начали изливать свои души передъ бирюковскими и, какъ водится, ругали хозяина.

Конецъ обѣда. Понесли бланманже. Знакомый намъ въ началѣ разсказа Блюдечкинъ, тянувшій во время обѣда очищенную и не дотрогивающійся до другихъ винъ, началъ подчивать своего сына Павлю мадеркою. Блюдечкинъ посадилъ своего сына рядомъ съ собою, съ цѣлью, чтобъ онъ въ сообществѣ товарищей не выпилъ лишняго; но Павля былъ не такъ простъ: онъ рассчиталъ, что лучше послѣ выпьетъ, отказался отъ „мADERки“ и не сталъ пить при тятенькѣ. Офицеры были очень до-

вольны, что попали на свадьбу; они попили, поѣли, попляшутъ до упаду и будутъ первыми кавалерами. Апраксинскія дамы, матери семействъ, пересудили все и вся, отъ бапмака и до прически, и наконецъ замолчали.

— Не взыщите, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! сказали старики Бирюковъ и Харламовъ и встали съ мѣста.

Примѣру ихъ послѣдовали всѣ гости и толпою отправились благодарить „за-хлѣбъ, за-соль“.

Послѣ обѣда тотчасъ-же составились партіи въ преферансъ и горку. Надзиратель, дьяконъ и четыре почетные гостя сѣли за зеленое поле, сначала по маленькой, пятачекъ темная. Нѣмцы-конторщики, у которыхъ Харламовъ покупаетъ товары, сгруппировались и тоже составили преферанчикъ. Это нужные люди для хозяина, потому около нихъ то-и-дѣло хлопаютъ пробки вдовы Клико. Блюдечкинъ поминутно шныряетъ между гостей; очищенная произвела надъ нимъ благотворное дѣйствіе: онъ то-и-дѣло пощипываетъ бородку, не обращаетъ вниманія на грѣховное быліе и, не заботясь о законѣ, помѣстился какъ-разъ подъ самую сигару Карла Ивановича Лукса.

— Извините, Карла Ивановичъ, не обидьтесь, вотъ и я какъ Павлю женить буду, такой-же пиръ задамъ. Ужъ и то, не обидьтесь, шубу въ пятьсотъ рублей сшилъ: пусть, думаю, женихается,

Въ этотъ разъ онъ еще чаще пересыпалъ свою рѣчь поговорками: „извините“ и „не обидѣйтесь“.

Въ ожиданіи танцевъ, покамѣсть въ залѣ уберутъ столы и полотеры натрутъ полъ, кавалеры собралися покурить.

Вотъ сидятъ два апраксинца. Это *шикари*, какъ называютъ ихъ туземцы. У одного фракъ, не въ примѣръ прочимъ, на подкладкѣ пунцоваго глясе, а другой въ голубомъ поджилетникѣ. Думалъ-ли французъ Шикаръ, что далеко-далеко на сѣверѣ, на Апраксиномъ имя его войдетъ въ употребленіе и на долго останется!

Прислушаемся къ ихъ разговору.

— Что ты третьяго дня не былъ въ маскарадѣ? Я былъ.

— Полно вратъ-то! Неужто отче отпустилъ?

— Ха-ха-ха! Да, дожидайся, держи карманъ!.. Я, братъ, нынче и безъ спросу куда хочу, туда лечу: у меня такая механика подведена. Онъ часовъ въ одиннадцать завалился на боковую, а я по грязной лѣстницѣ, далъ тягу; молодецъ у дверей спать положилъ: какъ постучусь, такъ чтобы скорѣй отворилъ. Въ пять часовъ воротился, да чуть на него не наткнулся. Минуть пять—и пропалъ-бы я: онъ ужъ былъ вставши и къ заутрени собирался.

— *Расначилъ-бы* (*) онъ тебя, ежели-бы увидалъ!

(*) Разругалъ.

— Еще-бы!.. Ты съ кѣмъ первую кадрили танцуешь?

— Съ Черноносовой.

— Развѣ они здѣсь?

— Здѣсь, братъ... Муженекъ-то Михайло Иванычъ непремѣнно хотѣлъ сѣсть съ нею рядомъ; это, знаешь, изъ ревности, чтобъ никто съ ней не разговаривалъ, да ужъ шаферъ ему сказалъ: „Потрудитесь, говорить, Михайло Иванычъ, къ мужчинамъ сѣсть: здѣсь дамы сядутъ.“ Весь обѣдъ на нее смотрѣлъ. Ужъ будетъ-же ей завтра гонка!

— А что?

— Да вѣдь онъ такой аспидъ, что хуже цѣпной собаки: двухъ женъ загрызъ, это третья.

— А вотъ и бабошникъ. Смотри, ужъ клюкнулъ; при отцѣ за столомъ ничего не пилъ....

— Какой бабошникъ?

— Павля Блюдечкинъ. Его бабошникомъ зовутъ у насъ въ рынкѣ. Отецъ думаетъ, что онъ еще ребенокъ, а у него одна штучка на *вздержкѣ* (*) есть. Мнѣ Сомилкова молодецъ сказывалъ: шланку для ней къ рождеству у него купилъ. Вотъ теперь и гляди. А монахомъ прикидывается!

— Ну, господа, кто хочетъ прохладиться, пожалуйста! вскричалъ въ комнату шаферъ.

(*) На содержаніи.

Въ рукахъ его были двѣ бутылки мадеры. Офиціантъ несъ сзади рюмки.

— Ну, начинайте, за мое здоровье!

Слова эти не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: его такъ и осадили со всѣхъ сторонъ.

— Чтожъ, братъ Ваня, выпьемъ! обратился одинъ изъ шикарей къ своему товарищу.

— Да неловко: сейчасъ танцовать будемъ; я ужъ и то за обѣдомъ пилъ. Лучше подъ конецъ вечера кернемъ.

— Да ну, не разговаривай, — за компанію! За компанію жидъ удавился и монахъ женился!

Противъ такихъ доводовъ товарищъ уже не противорѣчилъ.

— Ну давай! проговорилъ онъ и выпилъ рюмку.

Въ залѣ грянула музыка и танцоры принялись надѣвать перчатки. Балъ открылся польскимъ. Въ первой парѣ шли новобрачные, сзади шли Харламовъ и Бирюковъ съ женами; они такъ развеселились, что захотѣли пройтись подъ музыку. Сожительница Харламова долго было не соглашалась на это, не хотѣла на старости лѣтъ брать грѣхъ на душу, да мужъ стащилъ съ мѣста. Кончился польскій и раздался ритурнель кадрили. Звуки барабана и тромбона такъ и наводняли залу. Кавалеры пригласили дамъ и начали разстанавливаться. Фертикъ, съ которымъ мы познакомились еще до обѣда, подбѣжалъ къ дѣвицѣ, ангажированной имъ, какъ мы видѣли, на починѣ и повелъ ее на дру-

гой конецъ залы. Маменька ея, какъ утка, перева-ливаясь съ ноги на ногу, поплелась за нею и сѣла сзади. Дѣвицѣ очень непріятно, что тутъ сидитъ мать.

— Маменька, не сидите тутъ, уйдите! шепнула она ей.

— Полно, Пашенька, что я тебѣ дѣлаю! Я вѣдь не мѣшаю.

— Уйдите, маменька, прошу васъ; вы меня при кавалерѣ просто съ ногъ срѣжете; у васъ завсегда поетъ въ животѣ, а теперь вы пообѣдали, такъ будетъ пѣть еще больше.

— Полно! что ты, дура, говоришь, безстыдница эдакая! обидѣлась мать и не ушла съ мѣста.

— Намъ начинать-съ, обратился къ дѣвицѣ кавалеръ и подалъ ей руку.

Первая фигура кончилась.

— Вы съ жениховой или съ невѣстиной стороны? спросилъ кавалеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Съ жениховой.

— А я такъ съ невѣстиной. Вы жениху сродни приходитесь?

— Нѣтъ-съ... мой папенька съ ихнимъ тятенькой дѣла имѣютъ.

— Хм!... Теперь еще прохладно, а уже будетъ очень жарко. Намъ начинать-съ.

— Вы гдѣ изволите на квартерѣ стоять? обратился онъ къ ней послѣ третьей фигуры.

- Подъ Невскимъ.
- Вѣрно вашъ папенька хлѣбомъ торгуютъ?
- Да-съ.
- Вы куда въ церковь ходите?
- А вамъ на что знать?
- Такъ-съ...
- Въ Смольный.
- Въ слѣдующее воскресенье я буду тамъ у обѣдни; вы гдѣ стоите?
- Я бываю съ папенькой и маменькой.
- А какъ васъ зовутъ-съ?
- Не знаю... я позабыла.
- Чтоже, скажите!
- Да право не знаю! — И дѣвица улыбнулась первый разъ во все время разговора.
- Намъ начинать-съ.

Антрактъ между третьей и четвертой фигурой прошелъ въ молчаніи. Кавалеръ снова спросилъ, какъ ее зовутъ, но получивъ отвѣтъ „не знаю“, замолчалъ и началъ глядѣть на люстру, какъ-бы ища тамъ вдохновенія для бальнаго разговора. Вдругъ дама его покраснѣла: ея чуткое ухо услышало, что въ животѣ у маменьки начался концертъ. Какое-то подобіе флейты такъ и выдѣлывало трель, но вдругъ оборвалось и разразилось контробаснымъ воемъ. Къ счастью въ это время загремѣлъ барабанъ и кавалеръ былъ лишенъ возможности слышать окончаніе симфоніи.

Въ пятой фигурѣ извѣстный уже намъ шикарь во фракѣ на пунцовой подкладкѣ, танцовавшій съ Черноносовой, сдѣлалъ какое-то особенное соло, понравившееся многимъ. Двое офицеровъ, танцовавшіе *vis-à-vis*, захотѣли отличиться и въ концѣ кадрили усложнили шень и ввели въ него самыя разнообразныя фигуры. Дѣвицы, танцовавшія съ ними, были на верху блаженства.

И на апраксинскихъ женъ и дочерей, какъ и на прочихъ смертныхъ прекрасной половины рода человѣческаго, шпоры и эполеты наводятъ самое пріятное впечатлѣніе и играютъ не послѣднюю роль.

Балъ былъ въ самомъ разгарѣ. Незнакомые мужчины познакомились и уже пили другъ съ другомъ за компанію; брудершафтъ еще неизвѣстенъ апраксинцамъ. Двухъ упившихся *до зѣла* гостей харламовскіе молодцы повезли домой. Хотѣли было танцовать мазурку, да только нашлись три умѣющія пары, и ограничились полькой-трамблянъ. Офицеры отличились въ легкихъ танцахъ; двое ихъ отплясывало за десятерыхъ; только-что посадятъ дамъ на мѣсто, бѣгутъ къ другимъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Аннѣ Максимовнѣ и помчался съ нею по залу. Та такъ и млѣетъ; она чувствуетъ его руку на своей талии и слышитъ на своей щекѣ его сладостное дыханіе, пропитанное винными парами и кріоновскимъ табакомъ. „Славно танцуетъ!“, подумалъ онъ и попросилъ ее на четвертую кадрили. Бирюковъ подошелъ къ офицерамъ, благо-

дариль ихъ за неутомимость въ танцахъ и предложилъ распить бутылочку „холодненькаго“. За бутылкой шампанскаго офицеры вывели заключеніе, что почти всѣ дѣвицы очень хорошенькія и большинство изъ нихъ танцуетъ отлично.

И въ самомъ дѣлѣ, читатель, дочери апраксинцевъ въ хореографическомъ искусствѣ довольно сильны, и это немудрено: прогрессъ проникъ и къ нимъ, и большинство изъ нихъ играютъ на фортепьяно. Почти въ каждомъ семействѣ, разумѣется не въ раскольничьемъ, есть фортепьяно; подружки собираются вмѣстѣ, играютъ и танцуютъ. До чувствительныхъ романовъ и стихотвореній онѣ также охотницы; у нѣкоторыхъ даже есть альбомы, куда ихъ подружки и знакомые моншеры вклеиваютъ стишки. Многіе думаютъ, что мода эта уже отжила, но напротивъ, она и понынѣ существуетъ у апраксинскихъ барышень. Въ альбомахъ этихъ вы встрѣтите все что слѣдуетъ: и сердце, пронзенное стрѣлою, и символъ вѣры, надежды и любви — крестъ, якорь и сердце; въ самой серединѣ книжки извѣстное четверостишіе:

«На послѣднимъ я листочки

Напишу четыре строчки

Взнакъ почтенія маво

Ахъ не вырвите ево.»

и даже списанное съ билетиковъ паточныхъ леденцовъ:

«Мила ты мнѣ мила
И будешь и была.»

Офицеръ танцевалъ съ Анною Максимовною четвертую кадрили и объявилъ ей, что она царица бала. Отъ этихъ словъ у ней, какъ у вороны отъ похвалъ лисицы, „въ груди дыханіе сперло“ и она ничего на это ему не отвѣтила. Онъ такъ трещалъ, такъ разсыпался передъ ней, что рѣшительно обворожилъ ее, и когда спросилъ на память бантикъ отъ платья, то тотчасъ-же и получилъ его, съ просьбою только взять такъ, чтобы маменька не замѣтила.

— Можетъ-быть я съ вами гдѣ-нибудь увижусь? спросилъ онъ ее.—Вы куда ходите въ церковь?

— Къ Іоанну Предтечѣ.

— Я приду туда въ воскресенье.

— Приходите лучше въ субботу ко всенощной, сказала она и сама испугалась своихъ словъ. „Я приду тогда съ горничной“, подумала она.

Нѣкоторые подпившіе патріоты, еще не промѣнявшіе сибирки на фракъ, потребовали, чтобъ музыканты играли „русскую“ и принялись плясать. Это бываетъ почти на каждой свадьбѣ.

Вотъ и балъ приближается къ концу. Проигравшійся Черноносковъ вышелъ въ залу, подошелъ къ женѣ и велѣлъ ей собираться ѣхать домой. Какъ ни увѣряла та, что дала слово кавалеру и должна танцевать еще кадрили, —ничего не помогло, и они

отправились. Горка возросла до почтенныхъ размѣровъ; теперь уже жены не подходятъ къ мужьямъ: обругаютъ такъ, что и своихъ не узнаешь.

Часовая стрѣлка показывала четыре, когда новобрачные отправились домой. Ихъ примѣру послѣдовала большая часть гостей. Одинъ гость былъ такъ доволенъ угощеніемъ, что, отправляясь домой, отъ полноты чувствъ обнялъ официанта, принявъ его за хозяина, облобызалъ и поблагодарилъ за угощеніе. Послѣ четырехъ часовъ остались только самые отчаянные игроки да пьяненькіе.

V.

Въ квартирѣ Ивана Михѣича Кузявина, купца, торгующаго на Апраксиномъ суровскимъ товаромъ, еще часовъ съ семи утра запахло жаренымъ. Онъ сегодня именинникъ. По-утру, возставъ отъ сна, онъ надѣлъ халатъ съ прорваннымъ задомъ и засаленнымъ брюхомъ и вышелъ въ чистую комнату, носящую названіе залы. Молодцы, слыша шлепанье его туфель и побрякиванье, начали собираться поздравлять его съ ангеломъ.

Они стоятъ у дверей, и никто изъ нихъ не рѣшается идти первый.

— Ну пойдите, братцы, поздравимъ его!

— Погоди, дай ему уходить.

— Чего годить-то? въ лавку пора идти.

— Ну, а какъ онъ осерчаетъ? вся сволочь, скажетъ, спозаранку въ горницу прилѣзла.

— Не осерчаетъ!

— Да, поди-ка, сунься ты, такъ онъ тебя и облаетъ!

— Чего лаять-то? ужъ кажинный годъ поздравлять ходимъ.

— Нешто ужъ такіе порядки?

— Еще-бы, не первый годъ живу!

— Эхъ Микифоръ, что зря ласы-то точишь; ступай, да и дѣлу конецъ. Еще по рюмкѣ водки поднесетъ.

— Экаго жиды, водки-то я его не видалъ что-ли! проговорилъ Никифоръ, а у самого любо по губамъ такъ и забѣгало.

— Еще пожалуй цѣловаться придется. Гараська, утри рыло-то!

— Чего утирать-то, можетъ у него поганѣе моего.

— Тсъ! сама идетъ, прошепталъ старшій молодецъ, и толкнулъ подъ бокъ Гараську

— Чего вы толкаетесь, Спиридонъ Иванычъ!

— Молчи!

Въ молодцовую вошла *сама*, жена Ивана Михича.

— Съ имянинникомъ, Аграфена Ивановна! проговорили одинъ за другимъ молодцы.

— Спасибо, спасибо! благодарила та, кивая

головою на всѣ стороны. — Ступайте самого-то поздравлять, онъ ужъ встамши.

— Сбираемся, Аграфена Ивановна, отвѣчалъ Спиридонъ.

— Ну, ступай ребята!

— Да идите вы впередъ!

— Да чего ты-то боишься? — носъ что-ли онъ тебѣ отъѣстъ.

— Съ ангеломъ, Иванъ Михѣичъ! говорили молодцы, кланяясь въ поясъ.

— Спасибо! съ олимпійскимъ величіемъ отвѣчалъ хозяинъ, не удостоивая плебеевъ даже и наклоненіемъ головы. — Погодите!

Онъ сходилъ въ спальню и принесъ четвертную бутылъ и рюмку.

— Выпейте вотъ по рюмкѣ водки.

Молодцы подходили и пили.

— Ты чтожъ не пилъ? обратился хозяинъ къ одному молодцу, который не подходилъ къ рюмкѣ.

— Я не пью-съ, Иванъ Михѣичъ....

— Не пьешь? знаемъ мы, какъ вы не пьете-то!... Пей за столомъ, а не пей за столбомъ.

Другіе начали его подталкивать. Молодецъ подошелъ къ столу, выпилъ рюмку и закашлялся.

— Вишь, нѣженка!... Ну, теперь ступайте въ кухню, закусите тамъ, да и въ лавку пора.

„Много вамъ благодарны, благодаримъ покорно!“ заговорили молодцы и головы ихъ закла-
нялись.

Зала была комната о трехъ окнахъ. Тяжелая старая мебель почернѣлаго краснаго дерева съ мѣдными украшеніями въ видѣ полосокъ и розетокъ; кресла съ лирами вмѣсто спинокъ, пузатый комодъ на львиныхъ лапахъ и горка съ стариннымъ серебромъ и ацетитными чашками съ изображеніемъ птицъ, генераловъ и криворотыхъ барышень. На стѣнѣ портреты Ивана Михѣича и Аграфены Ивановны, снятые въ молодыхъ лѣтахъ, да картины: Фаустъ играетъ въ шахматы съ Мефистофелемъ и неизбѣжный Петръ Великій на Ладожскомъ озерѣ: на темнозеленыхъ волнахъ лодка съ переломленною мачтою, которую придерживаютъ два гребца съ вылупленными глазами, что даетъ поводъ думать, что они сейчасъ только подавились рыбными костями; небо, цвѣта сѣронѣмецкаго сукна, исполосовано молніями, изъ коихъ одна уперлась прямо въ носъ гребцу. Немного подалѣе висятъ часы, на циферблатѣ которыхъ фламанскій крестьянинъ съ крестьянкой отхватываютъ русскаго трепака.

Иванъ Михѣичъ, преобразовавшійся изъ халата въ длиннополый сюртукъ, переливаетъ водку изъ полуведерной бутылки въ графины. Аграфена Ивановна съ лицомъ краснымъ, какъ вареный ракъ, сейчасъ только прибѣжавшая изъ кухни отъ печки, накрываетъ скатертью столъ. Изъ кухни пахнетъ жаренымъ.

— Вишь какъ нагадили! замѣчаетъ супругъ.—

Что это ты дѣлаешь, кто тебя просилъ тамъ ставить столъ?

— Да гдѣ-же, Иванъ Михѣичъ? тутъ на виду, хорошо таково, да и въ сторонкѣ.

— Туда къ печкѣ поставь.

— Для чего-же, Иванъ Михѣичъ? тутъ хорошо, осмѣливается возражать сожительница.

— Говорятъ, не ставь близко къ дверямъ; ужо молодцы изъ молодцовой будутъ выбѣгать и не углядишь, какъ накераятся.

— Гдѣ же?...

— Молчи, дура-баба,! голова—ничего не понимаешь. Принеси, тамъ въ спальнѣй вишневка стоитъ и разбавь водку!

Изъ кухни слышна ругань кухарки съ водовозомъ.

— Креста на тебѣ нѣтъ, Антипычъ! о сю пору только воду несешь! Знаешь, что у насъ стряпня нонѣ,—самъ именинникъ. Всѣ ноги обломала, съ ведромъ по лѣстницѣ бѣгамши.

— Эко важное кушанье,—не барыня!

— Дьяволъ, прости Господи!

— Что разлаялась-то, печонка лопнетъ!

Девятый часъ вечера. У Ивана Михѣича гости. Водка въ графинахъ, поставленная на столъ у печки, уже значительно убyla. Мужчины играютъ въ горку, въ три листа и, такъ называемую, трынку. Женщины въ комнатѣ, смежной съ этою, сидятъ на диванѣ и на стульяхъ, и пьютъ чай. Однѣ разго-

вариваютъ, другія такъ созерцаютъ цвѣты и птицъ нарисованныхъ на потолокъ. Передъ ними столъ, уставленный тарелками съ пряниками, яблоками, вареньемъ и постилою въ палочкахъ.

— Иванъ Кузьмичъ, твоя темная! ставь гривенникъ, слышится у играющихъ.

— Мнѣ двѣ....

— Мимо!

— Одну.

— Двѣ дорогихъ.

— Ходи!

— Прошлись!

— Цѣлкачикъ....

— Выше-съ.

— Эй, Иванъ Кузьмичъ, поддержишь!

— Зелененькая!...

— Замириль. Сорокъ четыре! четыре туза! — на эфти карты вся Москва идетъ. Хоть на весь Апраксинъ, такъ можно идти.

— Ну, сдай-ка мнѣ хорошенькихъ; а то все яманъ-сортъ сдаешь.

— Держи, Макарь Спиридонычъ! Фалька съ бардадымомъ.

— Это какъ мнѣ ономеднясь, замѣчаетъ гость съ клинистой бородкой, плюя на руки и принимая карты: все вини шли, ну хоть ты тресни! Я и стулъ вертѣль, и жену выругаль, думаль она тутъ причинна, — ничего не помогло. Опосля Иванъ

Меркулычъ подошелъ, далъ полтинникъ, такъ съ его руки восемь рублей выигралъ.

— Андрей Ѳедорычъ, размѣняй, братъ, мнѣ синенькую.

— Съ выигрышу ни-за что не дамъ, ужъ какъ хошь; отцу родному не дамъ.

— И совсѣмъ ужъ, матушка, у нихъ дѣло слажено было, да изъ-за атласнаго одѣяла разошлось, рассказываетъ гостя въ красной шали зелеными разводами другой гостѣ: и невѣста-то ему нравилась, и ходилъ къ нимъ женихомъ, почитай, съ мѣсяцъ, да вдругъ узналъ, что за ней нѣтъ атласнаго одѣяла. „Сшейте, говоритъ, такъ женюсь.“ Самъ-то у нихъ нравный такой, „не сошью, говоритъ, пусть ситцевымъ покрывается,“ ну и разошлось дѣло.

— Ахъ, мать моя! отвѣтила другая гостя, и прихлебнула чай изъ чашки съ надписью „въ знакъ удовлетворенія“.

— Не выпить-ли намъ? слышится изъ среды играющихъ въ горку.

— И-то дѣло! авось послѣ этого и карта лучше пойдетъ.

Встаютъ и подходятъ къ столу.

— Афанасій Никифоровичъ, ты чтожъ не пьешь? Выкушай хоть вишневокчи, обратился хозяинъ къ суровому на видъ гостю въ длиннополой сибиркѣ и съ длинною черною съ просѣдью бородой, по-

ловину которой тотъ ради приличія пряталъ за галстукъ.

— Выпью.... отвѣчалъ гость, подходя къ столу.

Афанасій Никифоровичъ былъ самый закоснѣлый раскольникъ: не подстригалъ бороды, не молился чужимъ образамъ и былъ *несмирившимся*, т. е. не пилъ и не ѣлъ изъ той посуды, которая была въ употребленіи у людей не его секты. Онъ полѣзъ въ задній карманъ сибирки, вынулъ серебряный стаканчикъ и поставилъ на столъ. Иванъ Михѣичъ налилъ ему водки; тотъ молча, выпилъ.

— Вы простой или вишневки? слышится у пьющихъ.

— И той, и другой.

— Желаемъ здравствовать хозяину и хозяйшкѣ.

— Съ ангеломъ!...

— Кушайте на здоровье. Затравкинъ хересу не хочешь-ли?

— Ни, ни, никогда не пивалъ, и пить не буду этой дряни; я лучше еще рюмочку дамскаго выпью, простечка. Одно слово, — руссѣйское.

— Путникъ! А что нешто смутить, какъ хересу выпьешь?

— Смутить.

— А меня, такъ никогда; я вотъ сейчасъ хересу выпью, водки, пива, коньяку, ликеры какого хошь и ничего!

— Нѣтъ, ты эфто слей все въ одинъ стаканъ и выпей.

— Вишь, что городить, нешто я помойная яма.

— А нешто не пьютъ?—пьютъ. Со мною была оказія, повѣствовалъ Затравкинъ. Были мы тутъ послѣ описи товара Халдина въ трактирѣ; цѣновщикомъ я былъ; такъ самъ-то, знаешь, просилъ „оцѣни, говоритъ, подороже, угощу“. Ну, пошли въ трактиръ, напились эфто, и ну въ *пырало* *) играть. Весело таково было. Маркеръ подходитъ къ намъ, да и говоритъ: „нехотите-ли, господа купцы, позабавиться?“ — „А что?“ — „Такъ-съ, есть, говоритъ, тутъ у насъ чиновникъ одинъ прогорѣлый, дайте цѣлковый, такъ всякую смѣсь пьеть, и какъ выпьеть, такъ больно чудить — всѣ животики надорвешь“. Въ головахъ у насъ ужъ солдатики ходили. Зови, говоримъ. Пришелъ. Чудной такой, плѣшивый, вид-мундиришко — заплатана-заплатѣ, рожа плюгавая; пришелъ эфто, да и говоритъ: „позвольте, перво-на-перво выпить“. Выпилъ онъ, и ну чудить: артикулы разные выкидывалъ, взялъ эфто кій въ руки, полоскательную чашку на голову надѣлъ и началъ кіатръ играть. Мы всѣ, что тутъ были, просто чуть не умерли со смѣху. Цѣлковыхъ два ему надавали. А Андронинъ, старьемъ что торгуетъ, подходитъ къ нему, да и говоритъ: „выпьешь, говоритъ, смѣси?“ — „Выпью“ говоритъ. Вотъ спросили мы рюмку водки, пива,

*) Билліардъ.

рому, хересу, вылили все въ полоскательную чашку и дали ему. Выпилъ,—ничего; еще пуще прежняго чудить сталъ. Андронинъ опять къ нему: „выпь-ешь, говорить, пива съ масломъ?“ и выкинулъ ему два рубля. Выпить-то выпилъ, только не выдержало нутро, смутило его и ну рвать.... Рвало, рвало; что смѣху-то было!

Разсказу Затравкина послѣдовалъ дружный хохотъ. Въ награду за разсказъ онъ налилъ себѣ рюмку водки, перекрестился большимъ крестомъ и выпилъ.

Въ прихожей раздалось криканье и громкій плевокъ. Аграфена Ивановна выбѣжала встрѣчать гостей. „Съ именинникомъ, кумушка!“ проговорилъ кто-то басомъ и послышалось чмоканье со щеки на щеку. Это былъ приходскій дьячекъ, ожидающій вакансіи на дьякона. Когда онъ вошелъ въ комнату, Иванъ Михѣичъ всталъ изъ-за стола.

— Продолжайте играть, продолжайте!

— Чтожъ такъ поздно, Андрей Ивановичъ?

— Невозможно было раньше; у насъ сегодня всенощная, и то домой не заходилъ. Жена за мной въ церковь зашла, отвѣчалъ дьячекъ, и звонко понюхалъ табаку, при чемъ обсыпалъ плечо раскольника.

Тотъ покосился на него, страхнулъ съ плеча табакъ и проговорилъ: „мерзость!“

— Ну, выпей водки съ дороги, обратился къ дьячку хозяинъ.

— Можно-съ, и дьячокъ подошелъ къ столу.

— Ваня, что вы въ той горницѣ дѣлали? спросилъ Иванъ Михѣичъ вошедшаго въ комнату сына.

— Да мы, тятенька, въ молодцовоѣ въ горку играли; сперва на шереметевскій счетъ, а потомъ копѣйка темная.

— Смотри, въ той комнатѣ водка стоитъ, такъ чтобъ молодцы не отлили, да не накерались.

— Хорошо-съ.

Въ другой комнатѣ у женщинъ шелъ разговоръ о томъ, что въ Вихляндіи антихристъ родился.

— Это точно-съ, вмѣшивается въ разговоръ гость, не играющій въ карты. — Портретъ даже евонный продаютъ; въ вѣдомостяхъ было написано.

— Убить-бы его, Агафонъ Ивановичъ!

— Нельзя-съ, потому что онъ все одно что змѣй, его ничѣмъ не проймешь.

— Такъ войной-бы пошли.

— Вѣрно ужъ невозможно-съ.

— Что же онъ, батюшка, пьетъ и ѣстъ, какъ и мы?

— Ничего не ѣстъ, окромѣ христіанскихъ душъ: четыре кажинный день съѣдаетъ.

— Анна Ивановна! Наталья Дмитревна! вареньица-то, постилки-то? Кушайте пожалуйста! — угощаетъ Аграфена Ивановна.

Гости съѣдаютъ по ложкѣ варенья.

— Теперь мадеркой запейте!

— Не могу, мать моя, и то двѣ выпила.

— Да понатужьтесь маленько, и выпьете.

— Право, я ужъ пила.

— Какая-же вы пила, Наталья Дмитревна? На пилу вовсе не похожи, съострилъ гость, повѣствовавшій объ антихристѣ.

У стола съ закуской сидѣли Ваня, его пріятель, Шаня, завитой фертикъ, съ буклями на вискахъ въ видѣ сосисокъ и Ларя, юноша въ сертукѣ ниже колѣнъ и въ черномъ бархатномъ жилетѣ малиновыми червячками. Они говорили въ полголоса.

— Я тебѣ скажу, Шаня, Машка мнѣ во всемъ потрафляетъ, рассказывалъ, размахивая руками, Ваня: просила она меня привести ей на платье, — третьяго дня-съ тятенька ушелъ въ баню, я взялъ изъ лавки цѣлую штуку матеріи и къ ней. Привезъ. Она мнѣ: „зачѣмъ это ты, говорить, Ваня, на два платья одной матеріи привезъ?—лучше бы разной.“ — „Ничего, говорю, другой привезу, а эту бери, коли даютъ.“

Шаня былъ уже выпивши.

— Все-таки, Катька не въ примѣръ лучше ея.

— Тише, тятенька слышитъ.

Замѣтивъ, что отецъ смотритъ на него, Ваня тотчасъ-же перемѣнилъ разговоръ.

— Ларя! съѣшь кусочикъ сладенькаго пирожка.

— Можетъ это скоромный, а нынче пятница.

— И — что ты? я вѣдь самъ не ѣмъ скоромнаго. Да и тятенька у насъ, ежели что въ посту

скромное, все въ форточку побросаетъ. А я тебѣ скажу, она мнѣ все-таки все-таки вовсе-таки потрафляетъ, продолжалъ онъ, увидавъ, что отецъ не обращаетъ болѣе на него вниманія.—Я у ней разъ какую-то чернильную выжигу голоштанникомъ обозвалъ; тотъ было на дыбы, къ тятинкѣ жаловаться хотѣлъ идти, такъ она уговорила его, помирились; только значить я ему за безчестье двадцать пять рублей заплатилъ.

— Все-таки Катька краля передъ ней?

— А я тебѣ скажу, что для Катьки я ничего не пожалѣю. Пойдемте братцы, выпьемте шампаней; у меня въ молодцовоѣ есть бутылочка.

— Голубчики! говорила одна гостья, кивая на уходящихъ Ваню, Шаню и Ларю — и не думаютъ о судьбѣ *), а можетъ-быть она и близка. Что, вы еще Ваничку-то не порѣшили? обратилась она къ Аграфенѣ Ивановнѣ.

— Нѣтъ еще, Матрена Ивановна....

— Пора, пора! долго-ли до грѣха, — избалуется, молодо-зелено.

— И — что вы! онъ у насъ такой скромный, никуда одинъ не ходитъ, развѣ по дѣламъ. Признаться сказать, у насъ есть одна на примѣтѣ, и хорошая бы дѣвушка, да денегъ мало за ней — восемь тысячъ; а Иванъ Михѣичъ меньше десяти

*) О свадьбѣ.

не хочетъ взять. „Пусть, говорить, лучше до тридцати лѣтъ оболтусомъ болтается, а меньше десяти тысячъ не возьму.

Въ молодцовоѣ молодцы, ободренные той водкой, которую имъ прислалъ отъ щедротъ своихъ хозяинъ, собрались въ уголь и поютъ въ полголоса.

„Крестъ начертавъ Моисей, прямо жезломъ....“

— Стой ребята! не такъ! чего ты, Ѳедоровъ, горланишь? спускай октаву, чтобъ глуше выходило, будто бомбу по полу катаешь.

Въ другомъ углу Ваня, Шаня и Ларя пьютъ шампанское.

— Ты чтожъ Ларя, дерзай!

— Я не пью, отвѣчаетъ Ларя: — тятенька не велить.

— Мало-ли чего онъ не велить. Пей! Нешто онъ видитъ.

Баба!

„Чтожъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ баба?“ подумалъ Ларя и выпилъ.

— Сладко?

— Еще-бы не сладко.

Вино его отуманиваетъ.

— Дивлюсь я братцы, на васъ, откуда вы деньги на кутежъ берете?

— Знамо откуда, — изъ выручки.

— Я такъ и рубля взять не могу; у насъ за выручкой старшій приказчикъ стоитъ.

— А нешто онъ не хапаетъ?

— Извѣстно хапаетъ. Молодцы сказываютъ, что у него четыре тысячи въ нагрудникъ зашито.

— Ахъ ты дура-голова, а ты заставь его, чтобъ онъ съ тобой дѣлился; а нѣтъ, я-де тятенькѣ скажу.

— Знаете что, братцы? — дернемте-ка сейчасъ къ Машкѣ, подалъ совѣтъ Ваня.

— Валяй!

— А тятенька.... заикнулся Ларя.

— Тятеньки наши не замѣтятъ: они въ горку играютъ, и страхъ какъ разъярившись. У меня тутъ на углу лихачъ знакомый стоитъ, — живымъ манеромъ доставить. Надѣвай, чьи попадутся, шубы, шапки и валяй!

Они вошли въ залу. Тятенька Лари проигрывалъ; онъ пыхтѣлъ и потиралъ рукою животъ. Потъ съ него лилъ градомъ. Ларя подошелъ къ столу. Въ эту минуту тятенька его проигралъ. Оборотившись, онъ увидѣлъ сына.

— Ты что стоишь подъ рукой! какъ подошелъ, такъ я и проигралъ, закричалъ онъ на него.

— Я ничего-съ.

— Пошелъ прочь!

Дьячокъ сидѣлъ съ гостемъ, повѣствовавшимъ объ антихристѣ.

— Доложу вамъ, рассказывалъ дьячокъ: у насъ въ семинаріи октава была, Нерукотворенный фамилія ему, такъ въ трезвомъ видѣ и пѣть не могъ; а водки выпьетъ, такъ хоть три часа къ ряду будетъ пѣть. Приступимъ и приложимся къ благодати (показываетъ на графинъ).

— Ну, теперь попремте, братцы. Ларя у тебя въ сюртукѣ-то незамѣтно, спрячь бутылочку хересу. Съ собой возьмемъ.

Двѣнадцатый часъ. Графины долили водкой. Лица мужчинъ дѣлались все краснѣе, и краснѣе; на нихъ выступалъ обильный потъ. Платки то и дѣло подносились ко лбу. Ваня, Шаня и Ларя еще не возвращались. Молодцы мало-по-малу начали выглядывать изъ молодцовоѣ въ комнаты, гдѣ были гости, а старшій приказчикъ Спиридонъ Ивановичъ стоялъ у стола и смотрѣлъ на играющихъ въ карты.

— Что, братіе, стоите? отдернемте-ка „моря чернаго пучину“, говоритъ молодцамъ дьячокъ. Иванъ Михѣичъ! позволь, по благодати, спѣтъ съ твоими молодцами?

— Пой, пой!

— Ну, становись, басы къ стѣнѣ, тенора впередъ. Валяй!

Молодцы рѣшились не вдругъ. Басы взяли за подбородки, тенора покосились глазами и начали. Окончивъ ирмосъ, они пошептались между собою и гаркнули въ честь хозяина.

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Наши зажечь ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца.
Рады въ огонь мы и въ воду.
Во всякую не погоду;
Каждый съ тобою намъ край
Кажется рай, рай, рай!

Иванъ Михѣичъ былъ очень доволенъ; онъ даже всталъ изъ-за картъ. Въ довершеніе всего, дьячокъ началъ басомъ: „достопочтеннѣйшему хозяину Ивану Михѣичу, многая лѣта!“ „Многая, многая лѣта“, запѣли молодцы; они кричали такъ громко, что даже серебро звенѣло въ горкѣ.

Гость раскольникъ только отплевывался. Затравкинъ въ десятый разъ пьетъ за здоровье хозяина.

— Будь здоровъ! просто, братъ, разодолжилъ! важный балъ задалъ намъ сегодня,—ну, поцѣлуемся. Только однако нѣтъ музыки; а то я бы поплясалъ, выкинулъ бы колѣно.

— Мызыки нѣтъ?—будетъ. Зачѣмъ дѣло стало? Спиридонъ, поди позови сюда Никифора; пусть беретъ гитару и идетъ сюда. У насъ, братъ, свой бандуристъ.

— Микифоръ, Иванъ Михѣичъ, не можетъ играть.

— Это что, коли я приказываю....

— Да спитъ; хмѣлемъ маленько зашибшись.

— Ахъ онъ мерзавецъ, уже я его!

— Да все одно-съ, не извольте беспокоиться; Степанъ на этомъ струментѣ маракуеть.

— Тащи его сюда.

Явился Степанъ и началъ настраивать гитару. Приготовляясь плясать, Затравкинъ снялъ съ себя сюртукъ и кинулъ въ сторону, только такъ неловко, что онъ попалъ прямо на голову одной изъ

гостьевъ. Раздались звуки „барыньки“, и онъ началъ отхватывать трепака.

— Лихо, ай-да Затравкинъ, вотъ такъ разодолжилъ! кричали гости.

Затравкинъ по истинѣ отличился: онъ вошелъ въ такой экстазъ, что снялъ съ себя сапоги и, надѣвъ ихъ на руки, началъ ими трясти и прихлопывать, какъ то дѣлають ложками полковые плясуны. Когда онъ кончилъ, его подняли на руки и начали качать. Во время пляски одинъ изъ молодцовъ успѣлъ стянуть со стола початую бутылку хересу.

— На рукахъ возьмутъ ты! воскликнулъ дьячокъ, смотря надъ подбрасываемаго кверху Затравкина и отъ удовольствія потирая желудокъ.

— „Мерзость!“ проговорилъ раскольникъ и плюнулъ чуть-ли не въ десятый разъ.

— Чѣмъ-же? спросилъ дьячокъ.

— Тѣмъ-же, что плясаніемъ бѣса тѣшать.

— На пиру да воспляшутъ! даже самъ псалмопѣвецъ, Давидъ, скакаше, играя.

Дьячокъ понюхалъ табаку, раскольникъ снова плюнулъ и отвернулся.

— Табашники, любодѣи и плясаніемъ бѣса тѣшущіе, всѣ будутъ горѣть въ огнѣ неугасимомъ.

— Табашники-то за что же?

— Табакъ есть грѣшное быліе, возросшее на могилѣ великой блудницы: хмѣль въ головахъ, горчица въ ногахъ, а табакъ на чревѣ ея, а эту мер-

зость въ снѣдъ употребляете, отвѣчалъ разсерженный раскольникъ.

— Это по-вашему, а по-нашему и священнослужители нюханіемъ занимаются.

— Что ваши священнослужители!

— А вашъ-то попъ—бѣглый солдатъ, еврей.

Еврей, да вотъ позналъ вѣру истинную, старую; всѣ вѣры произошолъ, во всѣхъ былъ, лучше нашей найти не могъ. Вашъ-то попъ пріѣзжалъ, была у нихъ пря, а что взялъ? пять часовъ бились, нашъ ему доказалъ. Вашъ плюнулъ, да и возвратился вспять: съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ!

— Ну, ну, оставьте, господа, вмѣшивается хозяинъ и прекращаетъ споръ.

У женщинъ изсякъ уже всякой разговоръ: отъ нечего дѣлать онѣ щупали другъ на дружкѣ платья и справлялись о цѣнѣ матеріи, стараясь, между прочимъ, хвастнуть своими нарядами, и тѣмъ уязвить другихъ.

Гости были чрезвычайно рады, когда послышался звонъ тарелокъ, и молодцы начали накрывать столъ для ужина.

Ваня съ пріятелями воротился. Иванъ Михѣичъ увидалъ, какъ они въ передней вѣшали шубы.

— Гдѣ это вы были?

— На дворѣ въ снѣжки играли, отвѣчалъ ко-снѣющимъ языкомъ сынъ.

— По ночамъ-то?... Шельма эдакая! и онъ далъ ему подзатыльника.

Пріятели ожидали себѣ той-же участи, и скрылись въ молодцовую.

Пробило два часа. На столѣ стоитъ четвертая бутылъ съ остатками водки. Уже давно отъужинали. Половина гостей отправилась по домамъ. Гость, повѣствовавшій объ антихристѣ, напился до безчувствія и молодецъ Ивана Михѣича повезъ его домой. Макара Спиридоныча повели жена и сынъ Шаня; онъ долго не хотѣлъ уходить и все ругался. Самые рьяные игроки все еще продолжаютъ играть въ карты. Затравкинъ все еще прикладывается къ четвертной бутылѣ, лѣзетъ въ споръ съ гостями и икаетъ самымъ выразительнымъ образомъ. Подъ утро, нѣкоторыхъ гостей выталкиваютъ въ шею.

— Важно угостились! замѣчаетъ нетвердымъ языкомъ Иванъ Михѣичъ; ложась на постель и подваливаясь къ супругѣ.—Груша, поцѣлуемся!

— Отстань, вишь какъ нализался! сердито отвѣчаетъ Аграфена Ивановна и отворачивается отъ мужа.

VI.

Много переженилось апраксинцевъ во время большаго мясоѣда. Довольно поплясали хозяйскіе сынки на свадьбахъ и вечерахъ различныхъ кан-

канныхъ заведеній; кажись-бы и отдохнуть, анъ-нѣтъ, какъ-разъ подкатила масляная. На Руси масляная—великое дѣло, а на Апраксиномъ она имѣетъ огромное значеніе. Издавна русскій человѣкъ считаетъ обязанностію кутнуть въ это гулевое время, заговѣться на цѣлыхъ семь недѣль, такъ какъ-же апраксинцамъ-то отстать отъ этого, освященнаго вѣками, обычая предковъ. Молодцы и въ лавку не пойдутъ, пока не проглотятъ дома по десятку блиновъ, а придутъ въ лавку и начнется отрывка; какъ-же тутъ не полечиться, не сбѣгать подъ вывѣску виноградной кисти; а она рукой подать, здѣсь-же на дворѣ. Хозяинъ и придратъ не можетъ, что молодецъ часто бѣгаетъ изъ лавки, потому что надо-же было такъ случиться, что погребокъ помѣщается совершенно рядомъ съ ретираннымъ мѣстомъ. — „Куда, ходиль?“ Ну, молодецъ и скажетъ куда. Хозяинъ только бороду зашиплетъ, да нечего дѣлать.

У горъ, на адмиралтейской площади началась выставка фizioномій и нарядовъ. Апраксинцы, а въ особенности новоженившіеся, также понесли туда выказывать свои наряды. Ежели-бы было можно, такъ жены ихъ въ эти гулевыя дни нацѣпили-бы на себя все свое приданое, чтобы похвастаться передъ собратьями. Хоть и шиплетъ морозъ руку, апраксинецъ все-таки старается выказать изъ рукава шинели указательный палецъ съ брильянтовымъ перстнемъ.

Шесть дней гуляли патриции - хозяева, а на седьмой вспомнили и о плебейхъ - приказчикахъ. Въ прощенное воскресенье съ утра вышли въ лавки, напились чаю, да и забрались безъ почину, отпустивъ погулять молодцовъ, наказавъ впрочемъ часамъ къ десяти вечера быть дома. И разсыпались молодцы: часть наводнила пассажъ, часть бросилась въ трактиры, поѣхала на чухонскихъ саняхъ на Крестовскій, а часть даже (о, дерзость!) отправилась на адмиралтейскую площадь къ горамъ и смѣшалась съ хозяевами. Особенныхъ кутежей въ этотъ день не бываетъ, въ карманахъ плебеевъ очень не густо, развѣ кто, говоря туземнымъ языкомъ, успѣлъ *сначить* (*) изъ выручки; но все-таки это не мѣшало нѣкоторымъ воротиться домой, хотя и на своихъ ногахъ, но не совсѣмъ твердымъ шагомъ.

У нѣкоторыхъ хозяевъ, особенно придерживающихся старообрядства, осталось еще обыкновеніе въ прощенное воскресенье, вечеромъ, отходя ко сну, *прощаться*. Обыкновеніе это не лишено торжественности: молодцы одинъ за другимъ входятъ въ комнату хозяина и съ словами „простите меня грѣшнаго“ кланяются въ ноги. „Богъ тебя проститъ, прости и меня также“, отвѣчаетъ хозяинъ, и ежели благочестіе одержитъ верхъ надъ гордостію, то и самъ поклонится ему въ ноги, а

(*) Украсть.

ежели нѣтъ, то только кивнеть головою. Отъ хозяина молодцы идутъ къ хозяйкѣ, повторяютъ ту же церемонію, и такъ обходятъ всѣхъ домашнихъ.

Выжгетъ хозяйка съ кухаркой сковороды отъ скороми, уничтожитъ скоромное кушанье и отойдетъ ко сну. Къ двѣнадцати часамъ всѣ апраксинцы спать крѣпкимъ сномъ, развѣ не пришелъ еще домой какой-нибудь запоздалый гуляка-молодецъ и уже навѣрно знаетъ, что завтра получитъ приличную головомойку.

Проснулись въ понедѣльникъ молодцы и напились чаю уже не съ сахаромъ, а съ медомъ, — съ сахаромъ грѣхъ, въ немъ есть скоромное: онъ очищается на заводахъ бычачьею кровью. Какой рѣзкій контрастъ: еще вчера они глотали по два десятка жирныхъ блиновъ, а сегодня будутъ ѣсть кашу безъ масла, да кислую капусту съ квасомъ. Съ самыми постными лицами вышли апраксинцы въ лавки. Тоскливо раздался заунывный великопостный звонъ колокола, призывающій къ часамъ богомольцевъ; а у Ѳедюкина молодцы все еще стояли безъ почину. Пришелъ хозяинъ, помолился на образъ, вздохнулъ о грѣхахъ и велѣлъ молодцамъ *подмѣривать* товаръ. „Пора и къ счету приготовляться; благо, время свободное“, сказалъ онъ и выругавъ за что-то смиренно стоящаго на порогѣ мальчишку, поднялся во второй этажъ. Взошедши на верхъ, Ѳедюкинъ вздохнулъ еще громче, обоз-

рѣль лежащіе на полкахъ товары, сѣлъ и задумался.

„Тружусь, тружусь, думалъ онъ, а все не могу нажить порядочнаго капитала, — семейство одолеваетъ; вотъ двухъ дочерей замужъ выдалъ, пятнадцать тысячъ стоило, третья дочь на возрастъ, той тоже нужно приданое, сынишка подростаетъ и того безъ куска хлѣба оставить нельзя“.

Өедюкинъ послалъ мальчика за чаемъ и принялся ходить по верхней лавкѣ. Воображеніе перенесло его далеко, далеко, въ ярославскую губернію, въ любимовскій уѣздъ, на родину. И вспомнилось ему его дѣтство, тотъ день, когда онъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, былъ привезенъ въ Петербургъ однимъ землякомъ, какъ землякъ тотъ водилъ его по Апраксину, неимѣющему тѣни нынѣшняго Апраксина и предлагалъ хозяевамъ лавокъ въ мальчики. Много обошли они лавокъ, но ваканціи всѣ были заняты; наконецъ выискался одинъ хозяинъ имѣть раба и взялъ къ себѣ Өедюкина. Живо промелькнула передъ нимъ его нерадостная жизнь въ мальчикахъ, неимѣющая и тѣни сравненія съ нынѣшней, тотъ день, когда его жестоко обсчиталъ хозяинъ. „Терпи казакъ — атаманъ будешь“, сказалъ тогда себѣ Өедюкинъ, терпѣлъ и получилъ на отчетъ лавку. Здѣсь уже онъ не плошалъ, отомстилъ хозяину, честнымъ и безчестнымъ путемъ зашибалъ копѣйку, составилъ капиталецъ, отошелъ отъ мѣста и открылъ свою торговлю. По-

ругаль, поругаль его хозяинъ, да и забыль о немъ: „ужь такъ на свѣтѣ устроено, чтобъ каждый человекъ *щетился* отъ другаго“, подумаль онъ, да еще въ добавокъ черезъ годъ выдалъ за него свою дочь замужъ и далъ три тысячи приданаго, вслѣдствіе чего у Оедюкина образовалось приращеніе капитала.

Мальчикъ принесъ на верхъ чайникъ чаю; пьетъ Оедюкинъ чай, лижетъ медъ съ ложечки, а самъ все думаетъ, и думаетъ.

„Что я имѣю?... какихъ-нибудь десятокъ тысячъ, да и тѣ въ оборотѣ. Что ежели-бы теперь заплатить кредиторамъ копѣекъ по двадцати за рубль, вѣдь эдакъ-бы тышенокъ тридцать у меня осталось. Двадцать пять лѣтъ торгую, ни одной сдѣлки съ кредиторами не сдѣлаль; а вонъ есть люди, что каждые три года свою торговлю очищаютъ, а мнѣ въ двадцать-то пять лѣтъ разъ и Богъ простить. Сколько отъ меня въ эти лѣта кредиторы-то нажили, — три капитала на капиталъ. Чтожъ, не мы первые, не мы послѣдніе. Ихъ не раззоришь въ конецъ, а мнѣ капиталецъ составитя; по-крайности дѣти упрекать не будутъ, и какъ умру, то помолятся за мою душу и будетъ чѣмъ помянуть. Кончено!“ сказалъ онъ самъ себѣ, и рѣшился сдѣлать сдѣлку съ кредиторами.

Да и не одинъ онъ думаль объ этомъ, а думали многіе изъ апраксинцевъ и уже начали подготавливаться: переписывали векселя, вывозили и

продавали товаръ за дешевую цѣну и переводили лавки на имя женъ своихъ.

Впрочемъ, ежели смотрѣть на это съ одной точки зрѣнія, то очень естественно, конецъ великаго поста, когда обыкновенно апраксинцы начинаютъ дѣлать сдѣлки, время весеннее, всякая скотина линяетъ, всѣ люди очищаютъ себя отъ грѣховнаго бремени, отчего же апраксинцамъ не очистить себя отъ долговъ. Лавка въ неприкосновенности, торговля идетъ, — есть чѣмъ разсчитаться, стало-быть время для этихъ дѣлъ самое удобное.

Перевести лавку на имя своей жены, или кого-нибудь изъ родственниковъ, дѣло великой моды. Задумалъ хозяинъ сдѣлать сдѣлку, такъ ужъ безъ этого не обойдется: для большей массы долговъ выдаетъ женѣ побольше векселей, написанныхъ заднимъ числомъ, надѣнетъ старенькій сюртучишко, да соорудитъ несчастную мину и пойдетъ съ *ерестикомъ* долговъ по кредиторамъ. Какъ взглянетъ кредиторъ на фizioномію, да одеженку пришедшаго должника, такъ тотчасъ и пойметъ въ чемъ дѣло; только затылокъ почешетъ.

— Что? спросить.

— Да вотъ, Карль Богданычъ, будьте милостливы и жалостливы! что не торговалъ — все въ убытокъ... жена... дѣти... возьмите по двугривенничку за рублик! Вотъ я и баланецъ составилъ, отвѣчаетъ должникъ и подаетъ бумагу.

Смотритъ Карль Богданычъ и глазамъ своимъ

не вѣрить: еще до сегодня онъ считалъ его человекомъ съ состояніемъ, а на бумагахъ оказывается, что этотъ человекъ и долговъ платить не можетъ, всего и товару—четвертакъ за рубль еле найдется.

Долго смотреть онъ на балансъ и глазамъ своимъ не вѣрить.

— Сжальтесь, говоритъ стоящій въ почтительной позѣ должникъ.

— Сжальтесь! передразниваетъ его кредиторъ.— А зачѣмъ-же вы, недѣлю только тому назадъ, у меня товару на тысячу рублей взяли?

— Думалъ, что извернусь, еще почтительнѣе отвѣчаетъ тотъ и шепчетъ: — не погубите! жена.... дѣти!..

— Нѣтъ, нѣтъ! я не могу, у меня у самого критическія обстоятельства; къ тому-же вы со мной безчестно поступаете, недѣлю только тому назадъ взяли товаръ. Вы ужъ подготовлялись тогда. Не могу, не могу, не просите! Это штука съ вашей стороны. Я свои хочу получить сполна, говоритъ онъ и большими шагами начинаетъ ходить по комнатѣ.

Происходитъ нѣмая сцена. Жалобнымъ взоромъ слѣдитъ должникъ за его каждымъ шагомъ и думаетъ: „какъ-же, держи карманъ, такъ ты и получишь все сполна! посули-ка теперь тебѣ полтину, такъ ты въ два слова согласіе подпишешь, да я не дамъ. Четвертакъ, ужъ куда не шло, можно. Что сдѣлаешь? лавка-то передана“.

— Я, Карль Богданычъ, могу вотъ что сдѣлать: я вамъ, не въ примѣръ другимъ, дамъ по четвертачку, начинается онъ снова.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричитъ кредиторъ:—рубль за рубль, и то ваша братья меня въ конецъ раззоряють. Вонъ Бирюковъ приходилъ, по тридцати копѣекъ предлагаетъ. На его я ужъ подалъ, то и съ вами сдѣлаю. Я своего добьюсь. Это грѣхъ такъ поступать.

— Обстоятельства-съ понудили... Чтожъ, Карль Богдановичъ, подумайте! а я, вѣрьте чести, передъ другими вамъ пять копѣекъ уваженія дѣлаю.

Карль Богданычъ рѣшается подать вексель ко взысканію, и вдругъ узнаетъ, что должникъ его все имѣніе свое давнымъ-давно уже передалъ женѣ. Посердится, посердится онъ, поругаетъ должника, подивится закону, позволяющему передавать лавки безъ вѣдома кредиторовъ, да дѣлать нечего, сторговавшись и возьметъ копѣекъ по тридцати за рубль. Такъ и случилось. Что дѣлать? объявить несостоятельнымъ, нужно содержать конкурсъ, хлопоты, платить стряпчему, непредвидимые расходы по полиціи, такъ ужъ лучше мирнымъ образомъ взять по тридцати копѣекъ за рубль, рѣшилъ онъ, и взялъ.

Впрочемъ въ послѣднее время появилась новая мода дѣлать сдѣлки. Должникъ передаетъ лавки на имя родныхъ, а самъ преспокойно, выражаясь туземнымъ языкомъ: *уызжаеъ въ свое мѣсто*, то-

есть скрывается; приказчики или родственники безъ него и обдѣлываютъ дѣло. Но во всякомъ случаѣ, расплачивается-ли за себя самъ должникъ или платятъ за него родственники, ни одна сдѣлка не обходится безъ посредничества стряпчаго. Всѣмъ апраксинцамъ, дѣлающимъ сдѣлку, извѣстенъ одинъ человѣкъ; фамилія его Поясницынъ. Человѣкъ этотъ прежде тоже торговалъ, захотѣлъ нажить капиталаецъ и *выкинулъ колѣнцо*; колѣнцо это ему обошлось дорогонько. Поясницынъ чуть-было не сдѣлался злостнымъ банкротомъ, да гибкость ума спасла и кой-какъ избавился. Человѣкъ этотъ до того пристрастился къ этимъ дѣламъ, что сдѣлался стряпчимъ, и надобно правду сказать, въ этомъ, что называется, собаку съѣлъ. Весь XI томъ свода законовъ наизусть вызубрилъ, всѣ номера статей помнить, да и иная статья-то въ его устахъ имѣетъ два значенія. По совѣтамъ этого-то господина на Апраксиномъ и устроиваются всѣ сдѣлки. Появленіе его въ чьей-нибудь лавкѣ навѣрное предвѣщало что-нибудь не доброе. Ежели кто изъ апраксинцевъ, задумавъ сдѣлать сдѣлку, скрывается, то кредиторы-конторщики такъ ужъ и знаютъ, что должникъ—ученикъ извѣстнаго Поясницына. „Поясницынской школы“, думаютъ они и поскорѣе берутъ за претензію по чемъ имъ дадутъ, потому что всѣмъ уже извѣстно, ежели такой человѣкъ взялся за это дѣло, то ужъ тутъ не жди, лишняго не перепадеть, а что предложено, то и бери.

Весь великій постъ не только-что плебеи-приказчики, но даже и патрицій-хозяева сидятъ дома. Развѣ въ воскресенье послѣ обѣда, хозяйскіе сынки пройдутъ часокъ по невскому; о концертахъ съ живыми картинами и помышлять не смѣй, по-пробуй-ка попроситься, такъ родители прочтутъ такую рацею о суетѣ мірской, что и охота пройдетъ. Уйти куда-нибудь безъ спросу, ночью, тоже невозможно, того и гляди что тятенька вздумаетъ къ заутрени идти; ну, какъ къ тому времени не воротишься, бѣда да и только. Казалось-бы, при такихъ условіяхъ домосѣдной жизни, у молодыхъ людей должна-бы развиваться охота къ чтенію, но напротивъ все свое свободное время они употребляютъ на сонъ, да на игру съ молодцами въ горку, и то послѣднее дѣлается секретнымъ образомъ. Ежели кому-нибудь и вздумается почитать, достанетъ гдѣ-нибудь какой ни-на-есть романчикъ, такъ тятенька и начнетъ коситься: „Пустяками, скажетъ, голову набиваешь, къ дѣлу рачительности имѣть не будешь, брось!“—ну, и приходится бросить. Еще въ иныхъ семействахъ получаютъ „Полицейскія вѣдомости“, да „Сынъ Отечества“, откуда и почерпается вся премудрость. А въ семействахъ, придерживающихся старой вѣры, такъ чтеніе каждой свѣтской книги считается грѣхомъ и отпаденіемъ отъ религіи. Дѣвицы еще читаютъ кой-что изъ переводныхъ романовъ, попадающихъ къ нимъ богъ-вѣсть какимъ путемъ, переписыва-

ють въ тетрадки чувствительные стихи, однако дѣлая это все днемъ, когда тятинька ихъ пребываетъ въ лавкахъ.

Ежели въ семействахъ этихъ и есть книги, такъ это пѣсенники, уличные листки, издаваемые со спекулятивною цѣлю и извѣстная всѣмъ „Битва русскихъ съ кабардинцами“, къ стыду нашему выдержавшая двѣнадцать изданій. Не мало также ходить между молодежью по рукамъ тетрадокъ, съ никогда не бывшими въ печати стихотвореніями знаменитаго поэта-циника. Эти стихотворенія нескромны и площадны до невѣроятія, но не смотря на это, они читаются съ жадностію и даже затверживаются на-изусть.

Что-же, спросите вы, дѣлають жены апраксинцевъ?

Положительно объ этомъ сказать довольно трудно; разъ въ недѣлю, именно въ субботу, онѣ ходятъ въ баню и тамъ набирають новостей на цѣлую недѣлю, а дома въ сообществѣ нѣкоторыхъ кліентокъ пересуживають и промываютъ эти новости до ниточки. Кліентки ихъ обыкновенно состоятъ изъ странницъ, нигдѣ впрочемъ кромѣ Петербурга не странствующихъ, и изъ какихъ-то темныхъ личностей женскаго пола, перепродающихъ и перекупающихъ что угодно, и вмѣстѣ съ тѣмъ занимающихся еще нѣкоторыми вольными художествами, какъ-то: сватовствомъ и повивальнымъ искусствомъ.

— „Что острѣ меча?“ спросили въ древности одного мудреца.

— Языкъ злаго человѣка, отвѣтилъ онъ.

И не ошибся. Но ежели-бы онъ жилъ въ настоящее время, и именно въ Петербургѣ, то навѣрное-бы сказалъ:

— „Языкъ апраксинскихъ женъ и ихъ кліентокъ.“

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только имъ заговорить о чемъ-нибудь, такъ пойдутъ такія сплетни, такъ промоютъ бока субъекта, о которомъ идетъ рѣчь, что тому не одинъ разъ икнется. Всѣ говорятъ, что чиновницы—страшныя сплетницы, но я скажу, что пальма первенства въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ апраксинской женской половинѣ рода человѣческаго. Искусство это доведено у нихъ до высшей точки совершенства.

Сверхъ всего сказаннаго, каждая мать семейства ставитъ себѣ за непремѣнное правило отыскивать дочери жениха, а сыну невѣсту; ежели-же у ней нѣтъ своихъ дѣтей, то она, отнюдь не стѣсняясь этимъ, отыскиваетъ для другихъ. Есть даже такія женщины, у которыхъ при видѣ холостаго человѣка или дѣвушки на возрастѣ, какъ-то и сердце не на мѣстѣ, ихъ такъ и тянетъ связать ихъ узами гѣменея. Чего только не дѣлаетъ чадолубивая мать для своихъ дѣвицъ: и засылаетъ своихъ кліентокъ о разузнаніи приданаго невѣсты, о нравственности и состояніи жениховъ, и даже

именно для этаго дѣла ходить, какъ можно чаще, въ баню. Баня,—это нѣкотораго рода клубъ для апраксинскихъ женъ. Узнають онѣ тамъ о какой-нибудь безбрачной половинѣ и начинаютъ переговоры чрезъ своихъ кліентокъ.

Впрочемъ всѣ эти кліентки, состоящія, какъ я уже сказалъ, изъ странницъ и темныхъ личностей, принимаются безъ вѣдома мужей. Застанетъ ихъ у себя въ домѣ глава семейства, такъ и по шелямъ спровадить.

— Что въ нихъ толку-то? говорятъ они—только опиваются, да объѣдаютъ. Вѣдь онѣ трутся тутъ для того, чтобы что-нибудь выманить: ужъ сдается мнѣ, что эта, мать Анфиса, у насъ ложку стянула.

И что ты? мать Анфиса,—женщина такой святой жизни! Она мнѣ даже и ладонку изъ Новагорода отъ угодниковъ дала, отвѣчаетъ жена.

— Что ладонка... чего она стоитъ? Ложка-то въ сто разъ дороже.

— Полно, не грѣши!

— А я вотъ, что сдѣлаю: какъ она придетъ въ другой разъ, такъ я ее за хвостъ, да палкой, замѣчаетъ супругъ.

Его дражайшая половина соглашается съ нимъ, но все-таки принимать къ себѣ въ домъ Анфису будетъ. Она безъ нея со скуки умереть; мать Анфиса для нея нѣчто въ родѣ живаго фельетона, откуда-же послѣ этого она будетъ получать но-

вості, и кто принесетъ ей матеріаль для сплетень, а онѣ для нея нужны, какъ для рыбы вода.

Первая недѣля великаго поста, на Апраксиномѣ торговля не бойкая, обнови къ празднику покупать еще рано, развѣ говѣльщицы купятъ бѣлой кисеи на платье къ причастію; ежели-же придетъ какая-нибудь порядочная покупательница, такъ ужъ навѣрное попадѣя. Въ великой постѣ онѣ народъ денежный, съ первыхъ-же недѣль начинаютъ оперяться и закупать себѣ обнови. Апраксинцы замѣчаютъ, что у попадѣи рука легкая, купить съ почину, такъ весь день будетъ хорошая торговля; но ежели придетъ купить ея сожитель, то такъ и заколодитъ, хоть лавку запирай. И такъ, я ска-залъ, что первая недѣля великаго поста время не бойкое: молодцы подмѣриваютъ товаръ, приготов-ляются къ счету, хозяева сидятъ въ трактирахъ, да распиваютъ чай съ медомъ или изюмомъ; впро-чемъ, нѣкоторые, не боясь грѣха, пьютъ и съ са-харомъ, а хозяйскіе сынки стоятъ на порогахъ лавокъ, да отъ нечего дѣлать подтруниваютъ надъ сосѣдями-молодцами, да надъ проходящими.

— Вишь носъ-то какой у барина! тятенька вѣрно оглоблю дѣлалъ, окоротилъ, да ему на носъ своротилъ.

— Чтожъ, у Ванюшки, Брындахлыстовскаго молодца, длиннѣе....

— У того не носъ, а луковица.

— Который-то теперь часъ? поди-ка часа че-

тыре есть! говорить хозяйскій сынокъ *изъ современныхъ*, то-есть завивающій по воскресеньямъ волосы и носящій клѣтчатыя брюки.

Онъ вынимаетъ часы и смотритъ.

— Отцы мои! еще только три четверти третьяго. Три часа съ четвертью *до забору* осталось.

— Хоть-бы ты и на часы не смотрѣлъ, такъ я бы тебѣ напередъ сказалъ, что нѣтъ трехъ. Савва Саввичъ еще не проходилъ, а онъ постоянно проходитъ въ три часа, отвѣчаетъ ему фертикъ изъ сосѣдней лавки.

Но читателю, можетъ-быть покажется непонятнымъ, какое отношеніе имѣетъ Савва Саввичъ къ тремъ часамъ? Обстоятельство это мы сейчасъ постараемся объяснить.

На Апраксиномъ не нужно-бы и часовъ съ собою носить, время у нихъ можно узнавать по появленію въ рядахъ различныхъ личностей; личности эти проходятъ всегда въ извѣстное время. Прошелъ, напримѣръ, саячникъ Степанъ и прокричалъ: „угощу съ горячимъ“, ну и знаютъ всѣ, что двѣнадцать часовъ; прошелъ первый разъ сбитеньщикъ, значитъ — часъ, прошелъ Савва Саввичъ, — три часа; кончится въ министерствахъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ присутствіе и потянутся домой черезъ ряды съ засаленными портфелями служители Ѳемиды, — четыре часа, и такъ далѣе.

Вотъ и теперь, только-что часовая стрѣлка

переступила за три часа, и въ ряду показался Савва Саввичъ, преслѣдуемый юношами изъ „современныхъ“. Юноши эти къ его вретищу, имемуому пальтомъ, старались прицѣпить бумагу съ намалеванной на ней рожей; но Савва Саввичъ на это отнюдь не обижается, а то и дѣло выкидываетъ различныя колѣна, отъ которыхъ молодцы и хозяйскіе сынки такъ и покатываются со смѣху. Савва Саввичъ — это Любимъ Торцовъ Апраксина двора. Было время, что и онъ когда-то считался современнымъ юношей, такъ-же завивался по воскресеньямъ и носилъ пестрыя брюки; было время, что и онъ торговалъ и издѣвался надъ такими-же, какъ теперь и онъ самъ, нищими, но этому уже исполнилось пятнадцать лѣтъ, много воды утекло въ это время и измѣнился Савва Саввичъ, сгубила его проклятая чарочка, довела до того, что онъ изъ-за какой-нибудь копѣйки долженъ разыгрывать роль шута. Вотъ и теперь остановился онъ передъ лавкою Берендѣева, приложилъ по-военному руку къ козырьку своей истасканной фуражки и началъ скороговоркой: „подайте бѣдному старичку на рюмочку коньячку, Савкѣ, проторговавшему свои лавки, а теперь отставной козы барабанщику!“ При этомъ онъ сдѣлалъ такой жестъ, такъ шаркнулъ ногой, что вся публика такъ и захохотала во все горло.

— Гдѣ ты живешь, Савва Саввичъ? спрашиваетъ его молодецъ, подавая ему двѣ копѣйки.

— „Между небомъ и землей, въ непокрытой улицѣ, въ собственномъ домѣ“, отвѣчаетъ онъ и продолжаетъ путь, нося на спинѣ своей прищипленные бумажки, съ написанными на нихъ совершенно не цензурными словами.

Но я еще не описалъ вамъ его портрета; но это совершенно лишнее, ежели вы видѣли на александринскомъ театрѣ Васильева втораго въ роли Любима Торцова. Тоже обрюзглое лицо съ давно небритымъ подбородкомъ, и та же судорожная походка. Одежда его—рваное пальто и брюки съ фистонами, которые потрудился сдѣлать не портной, а время. Добавьте къ этому, что врядъли найдется одинъ день въ мѣсяцъ, когда Савва Саввичъ находится въ трезвомъ состояніи и не носить съ собой сивушнаго запаха.

Прошелъ Савва Саввичъ, и умолкъ смѣхъ зрителей, лишь одинъ фертикъ стоитъ на порогѣ и ухмыляется; въ головѣ его родилась геніальная мысль подтрунить надъ молодцомъ сосѣдней лавки, для чего онъ взялъ полицейскія вѣдомости и началъ читать: „Со вновь прибывшимъ пароходомъ привезены и продаются на биржевомъ сквейрѣ различнаго рода попугаи, зеленого, сѣраго и другихъ цвѣтовъ, причемъ особенно рекомендуются рыжіе“. Въ газетѣ ничего этого не было напечатано, фертикъ читалъ наизусть. Окончивъ чтеніе, онъ взглянулъ на сосѣдняго молодца, который былъ рыжій.

— Иванъ! обратился онъ къ нему:—ты, гово-

рятъ, мастеръ покупать рыжихъ попугаевъ; купи, братъ, мнѣ одного, только рыжаго.

Молодецъ начинаетъ ругаться.

— Чего-же ты ругаешься? всѣ знаютъ, что ты мастеръ покупать попугаевъ. Что-же, купишь?

Молодецъ усиливаетъ брань и ругается самымъ не цензурнымъ образомъ, а сосѣди такъ и заливаются хохотомъ.

Дѣло видите-ли въ чемъ. Есть легенда, что когда-то молодецъ этотъ былъ посланъ хозяиномъ на сквейръ для покупки попугая, а ему вмѣсто этой заморской птицы всучили галку. Съ тѣхъ поръ молодца этаго, чуть-ли не каждый день, дразнятъ, что онъ мастеръ покупать попугаевъ, а онъ слушаетъ и ругается.

Да и не однихъ молодцовъ дразнятъ, а дразнятъ и хозяевъ. Напримѣръ при Галканцовѣ достаточно сказать слѣдующую фразу, чтобъ взбѣсить его: „а что это дегтемъ пахнетъ?“ Фраза эта приводитъ его въ бѣшенство, онъ начинаетъ ругаться и радъ лѣсть въ драку; а между прочимъ, человѣкъ этотъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ довольно объемистымъ брюшкомъ и считается хорошимъ торговцемъ.

Потрунили, потрунили другъ надъ другомъ актрисы, да не замѣтили какъ и время прошло. Начало смеркаться, воротились изъ трактировъ хозяева, выругали молодцовъ за нерадѣніе къ дѣлу и начали запираить лавки.

Прошло еще полчаса и опустѣлъ Апраксинъ, не слышно ни шуму, ни криковъ; тихо, лишь по временамъ постучить палкой сторожъ, да залаетъ, неизвѣстно на кого, бѣгающая по блоку рядская собака.

VII.

До сихъ поръ, любезный читатель, я съ вами вращался только въ одной половинѣ Апраксина, и мы ни разу не заглянули на самую-то суть, на такъ называемые *развалъ* и *толкучку*, а между-прочимъ мѣсто это носить свой особый отпечатокъ и торгующіе тамъ имѣютъ свой отдѣльный бытъ, мало похожій на тотъ, который вы уже видѣли. И такъ войдемте въ толкучку. Войдя въ нее, вы тотчасъ-же замѣтите въ ней присутствіе женскаго элемента и даже мало того, увидите, что элементъ этотъ преобладаетъ надъ мужскимъ. Вы слышите, что нѣсколько визгливыхъ женскихъ голосовъ предлагаютъ вамъ купить у нихъ рубашки, чулки, носки и даже ту часть мужскаго нижняго бѣлья, при наименованіи котораго любая пуританка сочла-бы за нужное упасть въ обморокъ. Но торговки, не стѣсняясь ничѣмъ, такъ и распѣваютъ это названіе на всѣ возможные лады. Торговки эти, извѣстныя подъ именемъ *рубашечницъ*, большею частію жены солдатъ, департаментскихъ сторожей, хожалыхъ, курь-

еровъ и прочихъ служивыхъ людей. Онѣ имѣютъ лари, занимаются питьемъ бѣлья и продаютъ его. Здѣсь вы иногда видите всю женскую половину семейства — мать и дочерей; однѣ шьютъ въ лавченкѣ, другія стоятъ на порогѣ, перебраниваются съ сосѣдками и зазываютъ покупателей. Какъ въ вышеописанной половинѣ Апраксина, вы въ какое угодно время, увидите молодцовъ пьющихъ чай, такъ точно и здѣсь встрѣтите торговокъ, наливающихъ свои желудки, только не чаемъ, а кофіемъ. Кофейники здѣсь преобладаютъ надъ чайниками. Здѣсь даже не существуетъ и кастъ; нѣтъ ни патриціевъ, ни плебеевъ, здѣсь все — граждане, крѣпко стоящіе за свободу и равенство; здѣсь нѣтъ наемниковъ, а все хозяева; хоть всего и товару на ларѣ ста на два рубля, а все-таки хозяинъ и управляется безъ молодца, развѣ подъ рукою имѣетъ какого-нибудь мальчика-родственника. Замѣчательно, что торговли никогда не бываютъ праздными, все что-нибудь да дѣлаютъ: или шьютъ бѣлье, или вяжутъ чулокъ, и имѣютъ способность среди этого дѣла перебраниваться другъ съ другомъ, сплетничать и предлагать покупателямъ товары.

— Вотъ стоитъ шкапчикъ съ башмаками. Около него сидитъ на низенькой скамеечкѣ владѣтельница его, извѣстная сплетница, Наумовна, жена департаментскаго сторожа, обладающая желудкомъ, имѣющимъ способность вмѣщать въ себя басно-

словное количество кофію. Бой-баба, зубастая, хоть отъ кого, такъ отгрызется. Она вяжетъ чулокъ и перебранивается съ сосѣдкой-рубашечницей за то, что та отломила ручку у ея кофейника.

— Вишь носъ-то поднимаешь, будто барыня, кричитъ она: — чѣмъ важничаешь-то? что дочь-то за городовова выдала! видали мы виды-то!... Давно-ли разбогатѣла-то? Помнишь еще, какъ у сосѣдокъ по рублю въ долгъ на товаръ выпрашивала; знаемъ мы съ чего въ ходъ-то пошла, — *воздахтора* *) Пашкина обошла, тотъ съ дуру-то и далъ сотенную.

— Ахъ ты, халда эдакая, вѣдьма кievская! ты что орешь? управы что-ли на тебя нѣту? Мало тебя мужъ-то за косу таскаетъ, шлюху эдакую! завопила рубашечница, кинула въ сторону работу и подбоченясь встала на порогъ въ величественную позу. — Да я Ивану Антипычу скажу, такъ онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ! придешь поклониться въ ножки, да ужъ поздно будетъ.

— Велика птица, твой Иванъ Антипычъ! — гордовой и больше ничего. Да мнѣ хоть за фартальнымъ посылай!...

Сцена эта имѣла бы трагическую развязку, мегеры эти вцѣпились бы другъ-другу въ волосы, ежели-бы передъ скапчикомъ Наумовны не остановилась покупательница и тѣмъ не прервала ссоры.

*) Любownikъ.

— Не покупайте у ней, сударыня, башмаковъ! и два дня не проносите, — подошвы-то приклеены!.. все еще не унималась рубашечница и долго-бы не отстала, ежели-бы ей самой судьба не послала мужичка-покупателя, спросившаго рубашку.

Около ларя, обвѣшаннаго со всѣхъ сторонъ валенками, рукавицами, гарусными шарфами, кушаками и прочими необходимыми вещами для простаго народа, стоитъ хозяинъ, русый ярославецъ, навѣрно романовскаго уѣзда, въ валенкахъ, крытомъ сукномъ тулупѣ и бараньей шапкѣ; отъ нечего дѣлать онъ наигрываетъ на гармоникѣ, составляющей также артикуль его торговли.

— Что покупаете, кавалеръ? кричитъ онъ проходящему мимо солдату.

Солдатъ останавливается и смотритъ на товаръ.

— Перстенецъ, сережки для самой, бармоне? предлагаетъ ему ярославецъ уже успѣвшій положить въ сторону свой музыкальный инструментъ.

— Сусемъ не то, зеркало треба.

— Зеркало, изволь есть, что ни-на-есть важнецъ, — вотъ такъ удружу. Держи! говоритъ онъ, обтирая рукавомъ зеркало.

— Это великонько, по меньше, чтобъ за обшлагъ входило.

— Изволь и эвтакія есть. Бери!

Солдатъ принимаетъ зеркало, глядитъ въ него и начинаетъ строить рожи.

— И не разсматривай, кавалеръ: хоть на из-

нанку рожу вывороти, все вѣрно покажетъ. Зажмурясь бери. Ужъ на томъ стоимъ!

— Цѣна?

— Съ кого три гривенника, — съ тебя четвертакъ!

— У мѣстѣ съ тобой? хладнокровно спрашиваетъ его солдатъ.

— Чтожъ, кавалеръ, шутишь что-ли? давай цѣну!

— Восемь копѣекъ.

— Полно безобразничать-то, давай цѣну! Ну вотъ что, ты ужъ мнѣ понравился, кавалеръ важный, Егорья, значить припиленъ, давай пять-алтынный.

— Гривенникъ дамъ.

— Нѣтъ, служба, себѣ дороже....

Солдатъ трогается съ мѣста.

— Прибавь хоть двѣ-то копѣйки!

— Ни гроша.

— Эй, кавалеръ, воротись! даешь одиннадцать?

— Нѣтъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать, давай деньги.

Учинивъ продажу, торговецъ снова беретъ гармоникку и начинаетъ наигрывать.

— Степанъ Ефимычъ, полно тебѣ бѣса-то тѣшить, брось! знаешь нонѣ дни-то какіе, постъ вѣдь, кричитъ ему та самая рубашечница, которая ругалась съ бабмачницей Наумовной.

И Степанъ Ефимычъ, слушаясь совѣта рубашечницы, оставляетъ на время свои музыкальныя упражненія. Вообще женщины играютъ здѣсь главную роль, да и не на одномъ мѣстѣ торжища, а даже и въ домашнемъ быту, потому что мужья ихъ, получая ничтожное жалованье, находятся въ совершенной ихъ зависимости.

— Что вапъ-то? спрашиваетъ одна сосѣдка другую про мужа.

— Да ничего, теперь пересталъ безобразничать, остепенился, а то, просто бѣда какъ пилъ: изъ дому таскать сталъ. Передъ самой масляной утащилъ съ фатеры кота, да и продалъ въ лабазъ, гдѣ мы муку забираемъ. И, матушка, вѣдь, думаешь, онъ мнѣ дешево стоитъ? На прошлой недѣлѣ сюртукъ ему справила, четырнадцать рублей всталъ. Только изъ-за казенной фатеры и маюсь съ нимъ, самъ-то только на сапоги себѣ и достанетъ, а то все пропиваетъ.

— Грѣхи, мать моя, грѣхи да и только!... и мой тоже пошаливаетъ. „Дай, говоритъ, мнѣ, Степановна, десять рублей, я, говоритъ, у насъ въ казармахъ, водкой торговать буду: барышистое, говоритъ, дѣло.“ Я ему съ дуру-то и повѣрила, да и дала, ну онъ, какъ путный, и водки купилъ, да самъ первый и нализался; пришли товарищи начали поздравлять съ начатиемъ дѣла, да всю водку-то и выпили. Ужъ ругала, ругала я его: гдѣ, говорю, тебѣ пьяной рожѣ водкой тор-

говать, сиди, говорю, по-прежнему въ швальнѣ своей.

Въ то самое время, когда кумушки разсказываютъ о непотребности и пьянствѣ своихъ сожителей, недалеко отъ нихъ происходитъ слѣдующая сцена: Какой-то чухонецъ въ шапкѣ съ ушами на манеръ женскаго капора, купилъ себѣ платокъ и подаетъ торговцу новенькую трехрублевую бумажку. Тотъ долго смотритъ ее на свѣтъ, и говоритъ:

— А знаешь что, вейка, вѣдь бумажка-то фальшивая; что ежели-бы я не доглядѣлъ, вѣдь ты бы меня надулъ....

— Какъ, что ты врешь? кричитъ испугавшійся чухонецъ.

— Нѣтъ, братъ, не вру, а правду говорю. Да ты лапы-то не протягивай, я ее тебѣ не дамъ; ты, можетъ, самъ ее сдѣлалъ.

Чухонецъ труситъ не на шутку.

— Вотъ, братъ, твоя бумажка, смотри! и торговецъ раздраетъ ее пополамъ.

Чухонецъ вскрикиваетъ, вырываетъ у него изорванную бумажку и начинаетъ браниться, изрыгая весь лексиконъ финской ругани. Онъ по простотѣ своей думаетъ, что разорванная бумажка никуда не годится. Торговецъ начинаетъ хохотать, къ нему подходятъ другіе и начинаютъ вторить.

— Да ужъ теперь-то бери ее, она теперь ничего не стоитъ.

Чухонецъ чуть не плачетъ, а все еще ругаетъ

ся, а ларьники такъ и покатываются со смѣху. Бумажка была настоящая и торговецъ хотѣлъ только посмѣяться надъ покупателемъ. Наконецъ онъ сжалился надъ нимъ.

— Ну, лайба, ужъ жалко мнѣ тебя, бери платокъ, давай бумажку, такъ и быть уже сдадимъ тебѣ съ нее сдачи, только гривенникъ промѣну.

Теперь, читатели, не угодно-ли вамъ послѣдовать за мной въ самое сердце Апраксина, на такъ называемый *развалъ*. Боже мой! чего только здѣсь нѣтъ? Что здѣсь не продается и что не покупается? Это-то и есть то самое мѣсто, куда, по увѣренію остряковъ апраксинцевъ, что хотите принесите, все купятъ,—отца съ матерью и того купятъ. Вы увидите здѣсь такія вещи, выложенныя для продажи, что невольно зададите себѣ вопросы: кому они нужны? кто ихъ купить? Посмотрите, на землѣ раскинута рогожа и на ней лежатъ самые разнообразныя предметы для продажи, какъ-то: половина какой-то французской книжки, нѣсколько солдатскихъ пуговицъ, подметка, дырявая голенища, сапожные гвозди, ручка и крышка отъ чайника, черенокъ отъ вилки, бокаль съ отбитой ножкой, брючная штрипка и проч. и проч. И въ самомъ дѣлѣ, на вашъ взглядъ вещи эти никуда не годны и даже не имѣютъ стоимости, а между прочимъ и они найдутъ себѣ покупателя. Напримѣръ: деньщикъ изломаетъ во время чищенья офицерскаго сапога шпору, убоится гнѣва его благородія, да и

побѣжить на развалъ прибирать шпору, и приберетъ. Попробуйте, поднимите съ рогожи крышку отъ чайника или черенокъ отъ вилки и спросите о цѣнѣ этихъ предметовъ.

— Да что, говоритъ продавецъ, почесывая затылокъ:— дайте десять копѣекъ.

— Что ты, помилуй, да вѣдь она почти совершенно ничего не стоитъ. Ну, кому она нужна?

И на все на это онъ вамъ отвѣтитъ также, какъ отвѣтилъ Собакевичъ Чичикову во время продажи мертвыхъ душъ.

— Да стало-быть она вамъ нужна, коли вы ее покупаете. Чтожъ даете семь копѣекъ! продолжаетъ онъ, вертя въ рукахъ крышку, и ужъ станетъ на своемъ словѣ; потому что онъ знаетъ, ежели она вамъ нужна и пришлась въ пору къ чайнику, то вы дадите за нее семь копѣекъ.

Торгующіе на развалѣ „смѣсъ племень, нарѣчій, состояній“ и русскіе уроженцы Ярославской губерніи, татары, евреи, еврейки, имѣющіе за душой всего капиталу гривенникъ и обладающіе состояніемъ въ нѣсколько тысячъ.

Вотъ, напримѣръ, небольшая лавченка, сколоченная изъ дюймовыхъ досокъ. У ней сидитъ старичокъ съ мѣдными очками на носу и читаетъ божественную книжку. Когда угодно пройдите мимо, вы всегда застанете его читающимъ. Весь товаръ въ этой лавченкѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ старинныхъ мѣдныхъ монетъ, старыхъ подсвѣчниковъ,

какой-то вазы, двухъ десятковъ книгъ и портрета Екатерины второй. Кажется, какъ можно кормиться отъ такой торговли, а между прочимъ торговля, которою занимается старичокъ, выгоднѣе винныхъ откуповъ и тому подобной промышленности. Дѣло видите - ли въ чемъ: старичокъ этотъ, читающій божественную книгу, — закладчикъ, ростовщикъ, и лавчонка съ вазой и портретомъ Екатерины второй, есть ничто-иное, какъ прикрытіе его ремесла. Старичекъ этотъ отъ извѣстныхъ темныхъ личностей покупаетъ и принимаетъ въ залогъ разныя вещи, доставшіяся имъ случайно. Подобнаго рода торговля заведенія не нравятся и самимъ апраксинскимъ хозяевамъ: нерѣдко бываетъ, что какой-нибудь молодецъ, любящій кутнуть и *сыгравшій съ хозяиномъ въ темную* *), сбываетъ этому старичку хозяйскій товаръ, разумѣется за четверть цѣны. Загляните-ка въ квартиру этого старичка; чего-чего вы тамъ не увидите: и составныя части дорогаго салона, т. е. мѣхъ отдѣльно, воротникъ отдѣльно, и покрывало также, карманные часы, только почему-то большею частью безъ колечекъ, серебряныя ложки, куски шелковаго товара, перстни и прочія цѣнныя вещи. Старичекъ этотъ читаетъ, читаетъ божественную книжку, по временамъ подыметъ голову, да и спросить проходящаго: „се-

*) Сыграть съ хозяиномъ въ темную, на языкѣ апраксинцевъ, значить уграбъ.

ребряныхъ, золотыхъ вещей не продаете-ли?“ Бываетъ, что и найдеть продавца. Въ эту-то часть Апраксина и несутъ на продажу всевозможныя вещи, начиная отъ чернобураго лисьяго салопы и кончая рванными штанами, на которыхъ однѣхъ дыръ столько, что и не перечесть. Вещи, подобныя чернобуруму салопу, сбываются закладчикамъ, а рѣшетчатые штаны жидовкамъ.

Жидовки—это ходячія лавки. Весь товаръ онѣ носятъ на себѣ; на ея бритой головѣ, покрытой парикомъ, вы увидите цѣлый этажъ шляпокъ, надѣтыхъ одна на другую, всѣхъ модъ и всѣхъ достоинствъ, а на рукахъ у ней различнаго рода хламиды и вретипа, именуемыя бурнусами, салопами и прочими названіями.

Ежели-бы можно было придти на развалъ голодному человѣку въ костюмѣ прародителей, но только съ рублемъ въ рукѣ, повѣрьте, онъ вышелъ-бы оттуда сытымъ, обутымъ и одѣтымъ. Какъ обутымъ и одѣтымъ? объ этомъ не спрашивайте, но все-таки за какія-нибудь восемьдесятъ копѣекъ онъ получитъ общеевропейскій костюмъ, а на остальные деньги напьется и наѣстся.

Должно быть покупка и потомъ перепродажа всего приносимаго на развалъ очень выгодна, потому что занимающихся этимъ ремесломъ расплодилось очень много. Имъ стало тѣсно на развалѣ; нѣкоторые ушли оттуда и избрали своей резиденціей тотъ переулокъ, который ведетъ отъ Черны-

шева моста на Апраксинъ. Съ ними переселились туда и пирожники, оглашающіе воздухъ крикомъ: „съ сижкомъ, съ яичкомъ!“ и сбитенщики, а лѣтомъ квасники съ кувчинами, наполненными бурой жидкостью съ мухами вмѣсто изюму, и даже бабы, отжившія свой вѣкъ мегеры, прежде торговавшія собой, а теперь гнилыми коричневаго цвѣта яблоками и апельсинами.

Вотъ и теперь, у входа въ вышепоименованный переулокъ, прислоняясь къ дому министерства внутреннихъ дѣлъ, стоятъ чуйки и сибирки въ усахъ, бородахъ, шляпахъ и фуражкахъ. Въ рукахъ они держатъ всевозможныхъ видовъ одежды: рваные полушубки, лакейскіе казакины, красные капельдинерскіе жилеты, въ которыхъ такъ любятъ щеголять ломовые извозчики-крючники и водовозы, сапоги безъ подошвъ, полуфраки, ситцевыя рубашки, фуляровыя платки, военные и статскія фуражки и т. п.

Въ переулокъ входитъ, судя по одеждѣ, должно быть деньщикъ. Въ рукахъ у него: синія рейтузы, фуляровый платокъ и мѣдный кофейникъ.

— Не продаете-ли чего?

— Эй, землячокъ, что продаешь?

— Кажи, кавалеръ!

— Нейди въ нутро, дешевле давать будутъ! кричатъ чуйки и сибирки. Наконецъ одна изъ бойкихъ чукъ подбѣгаетъ къ деньщику, вырываетъ у

него изъ рукъ рейтузы и разстилагъ по дорогѣ, придерживая за концы.

— Цѣна?

— А что дашь?

— Да, нѣтъ, ты самъ скажи цѣну — ты продавецъ. Ну!...

— Да видишь, милый человекъ, мнѣ-бы желательно все вмѣстѣ продать, отвѣчаетъ, подумавъ, деньщикъ и чешетъ затылокъ.

— А, чохомъ? Кажи!

— Вотъ кофейникъ еще, до платокъ.... новый совсѣмъ.

— „Тетка Агафья носила, до дыръ проносила.“ Новый! иронически замѣчаетъ чуйка. — Ну, а цѣна?

Остальные чуйки и сибирки окружаютъ ихъ.

— Да что съ тебя взять, говоритъ деньщикъ, созерцая рейтузы. — Давай четыре съ полтиной!

— Денегъ домой не донесешь! замѣчаетъ чуйка и кидаетъ ему рейтузы прямо въ лицо, между прочимъ не выпуская изъ рукъ, а придерживая ихъ за конецъ.

— Ну, а что твоя цѣна? спрашиваетъ деньщикъ, озадаченный такимъ отвѣтомъ.

— Кажи! кричитъ сибирка, вырываетъ у него платокъ, стелетъ на землю, встряхиваетъ, смотритъ на свѣтъ и перевертываетъ во всѣ стороны.

— Рѣшето! замѣчаетъ онъ хладнокровно. — Цѣна?

— Да все вмѣстѣ....

— Два цѣлкача берешь? кричить чуйка, все еще не выпуская изъ рукъ рейтузъ.

— Четыре рубля!

— Нѣтъ, братъ, жирно будетъ,—объѣшься!

— Два съ полтиной дамъ; кажи! перебиваетъ сибирка.

— Я, пожалуй, хоть и на обмѣнъ,—мнѣ полушубокъ нада-ть.

— Полушубокъ? идетъ! Подъ сюда, у меня есть! Сваримъ кашу.... кричить чуйка и тащить денщика въ сторону.

— Стой, разорвешь! отбивается отъ него денщикъ.

— Иди, иди! Смотри, вишь, полушубокъ-то каковъ, что твой тулупъ. Гляди! вещь-то новая была.

При этомъ онъ разстилагетъ полушубокъ по землѣ и поминутно вертитъ въ рукахъ, чтобы скрыть дыры.

— Смотри, мѣхъ-то! вишь? вотъ вещь, такъ вещь, доволенъ останешься, сто лѣтъ „спасибо“ будешь говорить. Ей-ей, новый былъ. Нужно съ тебя цѣлковый придачи взять, а я съ тобой вотъ какъ сдѣлаюсь: идетъ *башъ на башъ*?

— Эва! ты что морочишь, давай мнѣ цѣлковый придачи!

— Нѣтъ, землякъ, домой не донесешь! Бери свое добро! кидаетъ ему снова рейтузы въ лицо.—

Послѣ каяться будешь, въ нутро пойдешь и того не дадутъ. Ну!

— Нѣтъ, не рука!

— Ну, слышишь, на косушку дамъ придачи!

— Цѣлковый, ни копѣйки меньше....

— Эй, воротись, на полштофа дамъ!

— Нѣтъ!

— Ну, пятіалтынный на закуску прибавлю!

Деньщикъ не оглядывается.

— Эй, кавалеръ, воротись, обирай!

Деньщикъ воротился. Чуйка прибѣгаетъ къ послѣднему маневру.

— Вотъ тебѣ полушубокъ и вотъ тебѣ на полштофъ!

— Цѣлковый и ни копѣйки меньше.

— Дорогонько.... Несходно....

Деньщикъ снова трогается съ мѣста. Уловка не удалась.

— Ну, ужъ что съ тобой дѣлать, обирай.

При расчетѣ у чуйки какими-то судьбами не оказывается пятіалтыннаго; она выворачиваетъ всѣ карманы, даже хочетъ снимать сапоги. Деньщикъ сначала не уступаетъ пятнадцати копѣекъ, но наконецъ, убѣжденный краснорѣчіемъ чуйки, соглашается.

Въ началѣ моихъ очерковъ и сценъ, я сказалъ, что всѣ торгующіе на Апраксиномъ раздѣляются на патриціевъ, плебеевъ и пролетаріевъ; эта-то послѣдняя каста и процвѣтаетъ или на развалѣ, или въ

описываемомъ мною переулкѣ. Вотъ вамъ одинъ экземпляръ:

По переулку идетъ женщина въ платкѣ на головѣ и въ коцавейкѣ,—должно быть кухарка. Изъ толпы выдѣляется оборванная личность звѣрскаго вида, въ усахъ и съ небритымъ подбородкомъ,—навѣрное отставной солдатъ. Въ рукахъ у него пара козловыхъ башмаковъ.

— Одрѣ въ Питерѣ! реветъ онъ:—для самой шиль, на заказъ.

Восклицанія эти сопровождаются ударами башмаковъ подошва о подошву передъ самымъ носомъ женщины въ коцавейкѣ. Получивъ этотъ неожиданный салютъ, она вздрагиваетъ и отскакиваетъ въ сторону.

— Экъ, пострѣль, откуда выскочилъ, что орешьто! Испужаль совсѣмъ. Тьфу, ты чортъ эдакой!

— Эка раскудахталась,—словно барыня? Купи, землячка, дешево отдамъ!

Женщина для того именно и шла, чтобъ купить башмаки; испугъ ея прошелъ; подумала она, подумала, да и остановилась передъ учтивымъ кавалеромъ.

— А почему?

И начался торгъ.

А вотъ и еще экземпляръ:

По переулку идетъ какой-то господинъ въ мѣховомъ пальто, очкахъ и шляпѣ. Онъ натывается на малаго лѣтъ двадцати въ фуражкѣ и женской ко-

цавейкѣ. На видѣ, фizioномія малаго самая жалобная, болѣзненная, зубы его подвязаны какой-то тряпичей, но почти каждый замѣтитъ, что повязка эта надѣта съ цѣлю закрыть подбитый глазъ. Отъ него такъ и несетъ водкой.

— Послушайте, господинъ, пожалуйста!... говорить онъ какъ-то таинственно.

— Что тебѣ надо?

— Тише-съ, тише-съ....

— Что ты останавливаешь, любезный? Чего ты хочешь?

— Не хотите-ли купить? послушаю достались....

— Что купить-то?

— Тише-съ, услышать могутъ, глубокомысленно замѣчаетъ коцавейка. — Вотъ часики-съ.

Показываетъ изъ-подъ полы часы съ отломаннымъ колечкомъ.

— Часы?

— Тише пожалуста-съ. Ужъ дешево отдамъ-съ.

Многіе любятъ покупать случайныя вещи, да и вещь, показанная изъ-подъ полы, кажется всегда лучше, нежели она есть на дѣлѣ, и господинъ начинаетъ торговать часы.

— Эти-то личности и принадлежать къ классу пролетаріевъ; сегодня они продаютъ башмаки, завтра часы, доставшіеся *по случаю*, послѣ завтра мѣдные кольца, которыя выдаютъ за золотыя, перстни съ хрустальными брилліантами и прочія, говоря языкомъ апраксинцевъ, *атуристыя вещи*. Постояннаго

жительства эти люди, большею частию, не имѣютъ; день они занимаются торговлею и присутствуютъ въ кабакахъ, впрочемъ подчасъ не прочь заняться и *карманною вырубкою* на гуляньяхъ, а ночью упокоиваютъ свою брѣнную плоть на трехъ-копѣечномъ ночлегѣ въ притонѣ всѣхъ праздношатающихся темныхъ личностей, на сѣнной, въ домѣ Вяземскаго; въ томъ домѣ, гдѣ полиція каждый мѣсяцъ арестовываетъ десятки личностей, не только что неимѣющихъ законнаго вида для прожитія, но даже непомнящихъ родства.

VIII.

Первыя двѣ недѣли великаго поста кажутся удивительно долгими, ежели-бы было можно, такъ-бы и понукалъ время; но за то какъ наступила третья, то недѣли такъ и бѣгутъ, четвертая, пятая, шестая, смотришь и седьмая. И на Апраксиномѣ живо промелькнулъ великій постъ. Попостились апраксинцы, поговѣли, подмѣрили товары, и наступила страстная недѣля. „Шесть дней до праздника, считаютъ они, пять дней“, и уже начинаютъ покупать яйца для окраски.

Канунъ великаго праздника. Десять часовъ вечера. Семейство и молодцы Таратайкина собираются къ заутрени. Двѣ его дочери, пухленькія дѣвушки, одѣваются въ своей комнатѣ; онѣ селятся осмо-

трѣть себя въ небольшомъ зеркалѣ и не могутъ рѣшиться, какіе платочки надѣть имъ на шею, голубые или розовые. Самъ Таратайкинъ сидитъ въ залѣ на диванѣ и читаетъ святцы. Изъ кухни пахнетъ жаренымъ; тамъ мать семейства съ кухаркой вынимаетъ изъ печи окорокъ.

— Ахъ, я окаянная! вскрикиваетъ вдругъ хозяйка и начинаетъ плевать. — Забывшись, взяла, да и лизнула палецъ, а онъ у меня въ жиру былъ.

Ахъ, грѣхъ какой, матушка Анна Никитишна! замѣчаетъ кухарка, — пополощите скорѣе ротъ-то водой, а то право не хорошо.

— Мама, дай мнѣ кусочикъ! говоритъ стоящій около хозяйки маленькій сынишка.

— Грѣшно, душенька, отвѣчаетъ мать; пощипушко отрѣжетъ!

Устрашенный такимъ наказаніемъ, ребенокъ не проситъ болѣе скоромнаго, а только облизывается, глядя на жирный окорокъ.

Куличи и пасха давно уже приготовлены и лежатъ на столѣ; уже назначенъ и мальчикъ, который понесетъ ихъ въ церковь для освященія. Запахъ скоромнаго кушанья проникъ и въ молодцовую, и пріятно щекочетъ ноздри молодцовъ. Одинъ изъ нихъ, чтобы какъ-нибудь сократить время и не думать о скоромной ѣдѣ, сидитъ въ углу и тихонько напѣваетъ „пріидите, пиво шѣмъ новое“, другой выдвинулъ изъ-подъ кровати свою сокровищницу — сундукъ и вынимаетъ изъ него празд-

ничную одежду. Сундукъ молодца вещь замѣчательная; на видъ онъ не великъ, но чего, чего тамъ нѣтъ. Первое, что бросается въ глаза, это картинки на внутренней сторонѣ крышки. Все это, по мѣрѣ пріобрѣтенія, наклеивалось въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь и картинка съ конфетъ, дама въ розовомъ платьѣ и желтой шали танцуетъ польку съ кавалеромъ въ малиновомъ фракѣ и зеленыхъ брюкахъ, и товарные ярлыки съ стрѣляющими изъ луковъ купидонами, и тисненныя изъ золотой бумаги изображенія звѣрей—украшеніе товара, и посреди всего этого изображеніе какого-то полководца, скачущаго по головамъ своихъ солдатъ. Въ самомъ сундукѣ лежатъ: бѣлье, новая пара платья, галстукъ, пѣсенникъ, балалайка, порт-сигаръ (отчасти какъ вещь запрещенная), колода картъ, флаконъ духовъ, отзывающійся лавендулой, банка какой-то лекарственной мази и помада. Въ углу отдѣльный ящичекъ, тутъ помѣщаются: куски съэкономленнаго сахару, мятныя лепешки, деньги (вещь запрещенная, письма родныхъ, и между ними, обернутая розовой ленточкой, любовная цидулка отъ дульцинеи, съ надписью: „лети письмо отсерца прямо другу маему вруки.“

Часу въ двѣнадцатомъ весь домъ, не исключая и Анны Никитишны, былъ уже одѣтъ и еще до звона отправился въ церковь. Таратайкинъ, какъ лицо, уважаемое въ приходѣ, былъ проведенъ съ семействомъ за рѣшетку, всталъ на клиросѣ и

легонькимъ баскомъ пѣлъ съ дьячками пасхальный канонъ. Кончилась заутреня, всѣ пришли домой; хозяинъ перехристосовался съ молодцами, обмѣнялся съ ними яйцами и сѣлъ разговляться. Молодцы все еще стоятъ въ комнатѣ: они ожидаютъ выхода хозяйки и хозяйскихъ дочерей, чтобы съ ними похристосоваться. Въ смежной комнатѣ слышно шушуканье. Анна Никитишна уговариваетъ дочерей выходить въ зало христосоваться съ молодцами; тѣ не хотятъ.

— Катюша! Наташенька! ступайте, видите они дожидаются. Ужъ это день такой, всѣ христосоваются.

— Да мы, маменька, пойдемъ, только съ Гаврилой цѣловаться не будемъ, онъ такой пересмѣшникъ.

— Да ужъ нельзя, и съ нимъ надо...

— Ну, развѣ только одинъ разъ, заключили онѣ условіе и вышли.

— Христосъ воскресе! Наталья Васильевна, сказалъ старшій молодецъ, подошелъ къ ней и какъ-то казенно помазалъ ея щеки своей бородой; потомъ вынулъ изъ задняго кармана сюртука сахарное яйцо, обтеръ его рукавомъ и подалъ ей.

За нимъ слѣдовали другіе молодцы; они также приложились по три раза къ щекамъ дѣвушекъ и, давъ имъ по яйцу, отошли въ сторону. Очередь дошла до Гаврилы. Онъ приблизился и старался казаться серьезнымъ, а глаза его такъ и смѣялись; это было

малой въ родѣ гоголевскаго мичмана Пѣтухова, смѣявшагося отъ того, что ему показывали палець. Онъ приблизился и поцѣловаль Катеньку, хотѣль поцѣловать другой разъ, но дѣвушка уже отвернулася и онъ только чмокнулъ воздухъ. Кто-то изъ молодцовъ фыркнулъ въ рукавъ. Гаврило держаль въ рукѣ яйцо; онъ хотѣль было подать его ей, но уронилъ на полъ. Натура не выдержала, онъ засмѣялся и вышелъ изъ комнаты не похристосовавшись и съ Настенькой. Утрату эту онъ тотчасъ же замѣнилъ, выбѣжавъ на лѣстницу и разъ двадцать поцѣловался съ сосѣдной горничной.

Уже разсвѣло, когда разговѣлись молодцы; чтобы подкрѣпить себя немного къ завтрашней гулянкѣ, они легли соснуть часочикъ, другой, да и проспали до девяти часовъ—для плебеевъ роскошь не позволительная.

Насталъ первый день пасхи, и начали молодцы жуировать жизнью; въ этотъ день они бываютъ настоящими эпикурейцами, все имъ *трынз-трава*, лишь бы попить и поѣсть, прокутить тѣ деньги, которыя далъ на гулянку хозяинъ, да контрибуцію съ конторщиковъ. Куда ни подите въ этотъ день, вездѣ встрѣтите молодцовъ. Въ пассажѣ, на улицахъ, въ трактирахъ, вездѣ, вездѣ.... то и дѣло, видите вы ихъ христосовающихся съ собратьями. Да и не одни молодцы гуляютъ въ этотъ день, а и хозяева, и даже торговки съ толкучки. Подите въ этотъ день на адмиралтейскую площадь къ ба-

лаганамъ, и вы увидите ихъ гуляющихъ по бульвару. Впереди обыкновенно идетъ мать съ дочерями, а сзади въ почтительномъ отдаленіи шествуетъ сожитель съ огромнымъ синимъ, или краснымъ коленкоровымъ зонтикомъ на мѣдной палкѣ. Даже и здѣсь вы видите, что у торговыхъ мужская половина играетъ незавидную роль и стоитъ на второмъ планѣ. Сожитель и зонтикъ несетъ не для себя, но для того, чтобы въ случаѣ дождя прикрыть парадные наряды своихъ женъ и дочерей, а тѣ какъ павы, такъ и выступаютъ, въ тяжелыхъ шелковыхъ платкахъ, въ богатыхъ платьяхъ и канусовыхъ коцавейкахъ. Наряды эти надѣваются только во время самыхъ большихъ гулянокъ, а именно: къ балаганамъ, перваго мая на екатерингофское гулянье и на гулянье въ волковомъ кладбищѣ.

Сильно нагрузились разною хмѣльною дрянью въ первый день пасхи молодцы Таратайкина и уже поздно, еле держась на ногахъ, воротились домой; только старшій молодецъ сохранилъ приличіе и пришелъ къ ужину; онъ имѣетъ виды на Наташеньку, не даромъ же онъ поднесъ ей сахарное яйцо. У Таратайкина у самого есть мысль отдать за него свою дочь, онъ уже присматриваетъ для него на Апраксиномъ лавченку и потому пригласилъ его ужинать вмѣстѣ съ собою.

На второй день праздника большая половина торговцевъ начинаютъ считать свои лавки. Счетъ

этотъ продолжается дня три, а иногда четыре; въ это время нѣтъ продажи, лавки или на половину забраны, или у входа заставлены метлой и скамейкой. Съ пятницы начинается торговля на новый счетъ, а хозяинъ подводитъ итоги и составляетъ *баланецъ*. Наступаетъ воскресенье; воскресенье—это великій день въ жизни молодцовъ. Въ этотъ день рѣшается ихъ участь на цѣлый годъ: мальчики, выслужившіе свой срокъ, дѣлаются приказчиками, одни приказчики остаются на старомъ положеніи, другимъ дѣлается прибавка жалованья, а третьимъ—вовсе отказываютъ отъ мѣста.

Первый часъ. Ооміно воскресенье. Молодцы Таратайкина торговали только до двѣнадцати часовъ, *до обѣда*, какъ они выражаются, не смотря на то, что обѣдаютъ въ два часа. Они сейчасъ только возвратились изъ лавки; у нихъ сегодня расчетъ съ хозяиномъ. Въ какомъ-то томительно-трепетномъ ожиданіи сидятъ они въ молодцовой и лишь изрѣдка перебрасываются между собою словечкомъ. „Что-то прибавить хозяинъ?“ думаютъ они.

Одинъ изъ нихъ всталъ со стула, полѣзъ въ сундукъ и досталъ папиросу.

— Брось, Гаврило, не кури! Ты прежде меня пойдешь къ хозяину, услышитъ, что отъ тебя табакомъ пахнетъ, осердится, да на насъ и нападетъ.

Гаврила только улыбнулся, но этой своей всегдашней улыбкой и положилъ обратно папиросу.

Въ молодцовую вошелъ Ванюшка, мальчикъ, который съ сегодня будетъ считаться приказчикомъ. Онъ уже одѣтъ не въ отрепьяхъ, какъ-то было недѣлю тому назадъ, а въ порядочныхъ брюкахъ и въ сюртукъ изъ хозяйскаго,—подарокъ къ пасхѣ.

— Вишь, собачій сынъ, ужъ теперь не Ванюшка, а Иванъ Ивановичъ, говоритъ Гаврила.— Сегодня въ компанію примемъ, такъ угости!

— Хорошо, говоритъ Ванюшка и улыбается той улыбкой, которую можно замѣтить на губахъ статскаго совѣтника, когда его назовутъ вашимъ превосходительствомъ.

— Смотри, мнѣ одному полдюжины пива! пристаётъ Гаврила.

— Да оставь, братецъ, право не до того! замѣчаетъ другой молодецъ, и въ молодцовой снова водворяется тишина; только старшій приказчикъ Афанасій Ивановичъ, подарившій Пашенькѣ сахарное яйцо, ходитъ изъ угла въ уголъ, да обдумываетъ свой предстоящій великій шагъ жениться на ней.

Приготовлялись молодцы идти къ хозяину; приготавлился и хозяинъ принять ихъ. Съ какою-то серьезно-таинственною миной раскрылъ онъ въ залѣ ломберный столъ, поставилъ его къ окну и разложилъ на немъ книги и старинные съ обломанными косточками счеты. Для большей важности и торжественности Таратайкинъ расчесалъ и при-

помадилъ бороду, надѣлъ новый сюртукъ и осѣдлалъ свой носъ круглыми очками въ толстой серебряной оправѣ.

Все готово. Дверь въ спальную заперта на ключъ; любопытство домашнихъ удовлетворено не будетъ. Таратайкинь вошелъ въ молодцовую. При входѣ его молодцы повскакали съ мѣсто и встали въ почтительную позу, то есть спрятали руки за спину.

— Афанасій Ивановичъ, пойдѣмъ-ка со мной! сказалъ онъ и вышелъ.

Старшій приказчикъ послѣдовалъ за нимъ; молодцы переглянулись: они въ первый разъ слышали, что онъ назвалъ его по отчеству.

Пришедши въ залу, Таратайкинь сѣлъ за столъ и подвинулъ къ себѣ сѣты.

— Садись! проговорилъ онъ приказчику.

— Покорнѣйше благодаримъ, Василій Ѳеодоровичъ!—постоимъ.

— Садись же, братецъ.

Афанасій присѣлъ на кончикъ стула.

— Слава Богу, торговля еще не такъ худа, какъ я полагалъ, началъ Таратайкинь.

Фраза эта повторялась въ каждое Ѳомино воскресенье, въ продолженіе двадцати-лѣтняго хозяйствованія.

— Точно такъ-съ! отвѣчалъ Афанасій, крякнулъ и погладилъ бороду.

— Въ прошломъ году у тебя за мной осталось вотъ сколько.

Таратайкинь приблизилъ указательный палецъ къ счетамъ и отдѣлилъ нѣсколько косточекъ, но цифры не сказалъ; приказчикъ взглянулъ на счеты и проговорилъ:

— Точно такъ-сь...

— За этотъ годъ я тебѣ кладу вотъ столько. Опять отдѣлилось нѣсколько косточекъ.

— Покорнѣйше благодарю-сь! отвѣчалъ приказчикъ, всталъ съ мѣста и поклонился.

— Садись! По книгѣ ты забралъ у меня вотъ сколько. Видишь, осталось вотъ сколько.... Да ты, братъ, Афанасій Ивановичъ, теперь пожалуй богаче меня. Хе, хе, хе! засмѣялся онъ и посмотрѣлъ въ глаза приказчику.

Афанасій улыбнулся.

— Теперь - бы тебѣ только жениться! Что, я думаю, подумываешь?

— Конечно, Василій Ѳеодорычъ, что же весь вѣкъ бобылемъ маяться: должно и о судьбѣ подумать. Ужъ это такъ самимъ Богомъ устроено.

— Что говорить! ну, а невѣста есть на примѣтъ?

— То есть и есть, Василій Ѳеодорычъ, и нѣтъ-сь.

— Какъ же такъ, а я тебѣ посватать хотѣлъ.

Что же-сь, посватайте! и Афанасій улыбнулся; ему было пріятно, какъ коту, которому пощeko-

тали за ухомъ. Онъ понялъ къ чему клонится дѣло.

Хозяинъ не замѣтилъ этой улыбки.

— А за ней, братъ, вотъ сколько приданаго!

Таратайкины отдѣлили нѣсколько косточекъ съ тысячной линейки и прибавилъ къ жалованью Афанасья.

— Я больше ничего не желаю: мы люди маленькіе!

— Пять тысячъ кромѣ тряпокъ. Ты братъ ее знаешь: не знаю только нравится-ли она тебѣ?

Молчаніе.

Я, Василій Ѳедорычъ, имѣю виды на одну дѣвушку и очень онѣ мнѣ нравятся; только не знаю, отдадутъ-ли ее мнѣ, повелѣ дѣло приказчикъ. Онъ уже понялъ, какъ нужно дѣйствовать и приближался къ цѣли.

— А можетъ и отдадутъ, почему-знаешь; попробуй? „Попытка не пытка, спросъ не бѣда!“

— Вы меня, Василій Ѳедорычъ, можно сказать, съ-измалѣтства знаете. Крохотнымъ парнишкомъ изъ деревни къ вамъ привезенъ, и вотъ теперь, почитай, безъ трехъ годовъ двадцать лѣтъ выжилъ; оно, конечно... я не говорю... но все-таки... во всякомъ случаѣ...

И Афанасій запутался.

— Это точно, что и говорить!

— Теперича, можно сказать, я всегда о вашемъ здравіи Бога молю, и уваженіе, значитъ, и почте-

ніе всегда душевно... И Анна Никитишна, можно сказать, была мнѣ второю матерью... Теперича, значить, Наталья Васильевна и Катерина Васильевна, всѣ, значить, на моихъ глазахъ выросли... именно хотѣ - бы и объ Натальѣ Васильевнѣ сказать... я бы душевно...

И снова запутался Афанасій. Онъ все еще не могъ рѣшиться просить себѣ въ жены Наташеньку, хотя уже давно рѣшился на это и планъ совершенно созрѣлъ въ головѣ его, недаромъ же онъ большими шагами расхаживалъ по молодцовой. Минуту длилось молчаніе, Таратайкинъ побарабанилъ пальцами по стулу и началъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Афанасій Иванычъ! я тебѣ сосватаю невѣсту. Хочешь жениться на моей Натальѣ, а я тебя не обижу, все что сказалъ, будетъ твое?

Онъ указалъ на счеты. Афанасій тяжело вздохнулъ, какъ-будто только сейчасъ внесъ въ пятый этажъ кулъ овса. „Слава Богу, самъ предложилъ!“ — подумалъ онъ и началъ:

— Я, Василій Ѳеодорычъ, отъ всей души радъ, и самъ имѣлъ намѣреніе, но смѣлости не имѣлъ. Я, Василій Ѳеодорычъ, для нихъ, для Натальи Васильевны, готовъ богъ-знаетъ что сдѣлать, только я не знаю, пойдутъ-ли онѣ за меня, — вотъ у меня борода-съ и все эдакое... конечно, можно подстричь...

Голосъ его сдѣлался печальнымъ.

— И не балуй! Я потому и отдаю ее за тебя, что ты не *лодырь* какой-нибудь, не *щелкоперъ*, а человекъ какъ есть. Что, съ бритымъ-то рыломъ нешто лучше? А на счетъ Натальи не сумлѣвайся: сказано выдамъ, и выдамъ. Ну, теперь, будущій зятюшка, поцѣлуемся.

Они обнялись, приказчикъ отеръ съ глаза что-то въ родѣ слезы.

Только смотри, пока никому ни гу-гу; знай и молчи! А вотъ тебѣ мое слово, что выдамъ за тебя. Не будь я Василій Таратайкинъ, ежели не выдамъ.

Помилуйте, *тятенька*! ужъ будьте покойны, соблюду все, какъ слѣдуетъ.

— Денегъ не нужно теперь?

— Четвертную позвольте! искупить кой-что нужно.

— Ну, ступай съ Богомъ, позови Николая; вотъ тебѣ двадцать пять рублевъ.

Чуть не приплясывая, вышелъ Афанасій отъ хозяина, за дверью радостно потеръ руки, отправился въ кухню и выпилъ ковшъ воды.

Первая аудіенція кончилась, началась вторая. Въ залу вошелъ Николай. Онъ помолился образамъ, поклонился хозяину, всталъ въ довольно почтительномъ отдаленіи, заложивъ за спину руки и наклоняясь корпусомъ немного впередъ.

— За прошлый годъ я тебѣ кладу двѣсти пятьдесятъ рублевъ, обратился къ нему хозяинъ.

Молодецъ поклонился.

— Забралъ ты двѣсти тридцать. Транжиришь много! смотри, все на сапоги, да на сапоги; неужто ты на пятьдесятъ рублевъ сапоговъ износишь? Онъ ткнулъ пальцемъ въ книгу.—Пускай самъ сапожникъ ко мнѣ за деньгами ходить, али парнишку присылаетъ, а то вмѣсто сапожника-то къ любовницамъ таскаешь.

— Помилуйте, Василій Ѳеодорычъ! какъ можно-съ... Оно точно-съ, я три пары въ деревню послалъ...

— Балуешься тоже много; кухарка жалуется; покою не даешь ей, говорить... Ежели я что увижу, такъ и въ волосное... Тоже вотъ франтишь,—не къ рылу! Палишь деньги, все папироски въ зубахъ... Вотъ тебѣ двадцать пять рублевъ на праздникъ кладу... Сто двадцать за мной останется.

— Благодарю покорно-съ!.. А вы, Василій Ѳеодорычъ, Акулинъ не вѣрьте, мрась баба, она сама ко мнѣ пристааетъ.

— Молчи! ужъ я знаю тебя... Тоже вотъ съ покупателемъ обращенія не имѣешь, сноровки нѣтъ; голова не тѣмъ занята; все дурачества, да пакость на умѣ. Ну, съ Богомъ! Посылай Гаврилу.

— Василій Ѳеодорычъ, я, можно сказать, къ вамъ съ почтительною просьбою-съ. Позвольте послѣ Троицы въ деревню съѣздить.

— Давно-ли былъ?

— Два года не былъ.

Ну, такъ чтожь? не жену оставилъ?

— Это точно-съ, только всячески съ родными повидаться...

Таратайкинь помолчалъ.

— Ладно, поѣзжай только не на долго. И жалованья за это время класть не буду, а вотъ тебѣ десять рублей накину.

— Много вамъ благодарень-съ! проговорилъ Николай и поклонился хозяину въ поясъ, а между тѣмъ въ душѣ обругалъ его.

Кончилась вторая аудіенція. Вошелъ Гаврило. Какъ ни старался онъ придать лицу своему серьезное выраженіе, — никакъ не могъ; его все смѣшило: и очки на носу хозяина, и его таинственность. Съ нимъ повторилась таже сцена, что и съ Николаемъ, ему также читались наставленія, но когда дѣло дошло до кухарки, онъ не выдержалъ и фыркнулъ.

— Ты чего смѣешься?..

— Ничего-съ, у меня насморкъ, Василій Федорычъ. И снова фыркнулъ.

— Ну, ступай дура-голова, ступай забубенный!..
Покорнѣйше благодарю-съ!

И онъ вышелъ изъ комнаты, закрывая носъ платкомъ для того, чтобы снова не засмѣяться.

За нимъ слѣдовали еще три молодца; одному было замѣчено, что онъ часто въ баню ходитъ, а другому, что изъ лавки часто отлучается въ рети-

радное мѣсто и когда возвращается оттуда, то приноситъ съ собою водочный запахъ, а третьему, — вовсе отказано отъ мѣста.

— ... Ты своимъ пьянствомъ только другихъ портишь! вонъ и Ѳеодоръ отъ тебя перенялъ; недаромъ же тебя Телятниковъ году не держалъ. Ступай, и приходи завтра за расчетомъ, закончилъ Таратайкинъ.

— Нѣтъ ужъ, Василій Ѳеодорычъ, вы меня сегодня рассчитайте, заговорилъ приказчикъ и всталъ въ ухарскую позу.

— Не дамъ сегодня денегъ, завтра приходи; у меня цѣлѣе будетъ, — не то ты ихъ пропьешь сегодня.

— Такъ чтожъ, на свои буду пить, не на ваши; вѣдь вы мнѣ не поднесете?

— Ты еще грубіянить! Ахъ, ты сукинъ котъ, выжига эдакая! да я молодцамъ скажу, такъ они тебя взаhei съ лѣстницы спровадятъ.

— Вы не ругайтесь, а рассчитайте меня путемъ, и я уйду, стоялъ на своемъ молодецъ.

— За мной твоего только и есть двадцать пять рублевъ; бери и убирайся на всѣ четыре стороны.

— Что же вы жилите? вовсе не двадцать пять, а сорокъ пять!

— Что, я живу? вотъ твои деньги и убирайся вонъ...

— Да вы меня путемъ рассчитайте.

— Пошелъ вонъ!

— Молодецъ вырвалъ у него бумажку и направился къ двери.

— Самъ выжига, жила московская.

— Что? заораль Таратайкинъ.

— Ничего, проѣхало! и молодецъ вышелъ изъ комнаты.

Страшно ругаясь, вошелъ онъ въ молодцовую. Лицо его было красно; со злобы онъ мять въ рукахъ двадцати-пяти-рублевую бумажку.

— Что Павелъ? спросили его молодцы.

Онъ не отвѣчалъ и все еще продолжалъ ругаться, далъ подзатыльникъ проходившему мальчику и наконецъ, когда выругался въ волю, облегчилъ свою душу, рассказалъ въ чемъ дѣло.

— Пусть ему, чорту, мои двадцать рублей на гробъ приходятся; меня не убудеть отъ этого, а они ему солоно придутся.

— Зачѣмъ же ты ругался съ нимъ? началъ было Николай: теперь вотъ и мѣста не достанешь, онъ тебя по всѣмъ хозяевамъ ославить.

— А чортъ его дери, я въ свое мѣсто уѣду!

Онъ вытащилъ изъ-подъ кровати свой сундукъ, сдернулъ висѣвшій на гвоздѣ старый сюртукъ и полотенцо, схватилъ съ кровати одѣяло и все это запихалъ туда; хотѣлъ сунуть туда и подушку, да не влѣзла.

— Пусть ему ничего не останется! сказалъ онъ, и сорвалъ прилѣпленную надъ кроватью лу-

бочную картинку „разговоръ большого носа съ морозомъ“, скомкалъ ее, бросилъ и, надѣвъ фуражку, ушелъ изъ дому.

— Экой ретивый! замѣтили ему вслѣдъ молодцы.

Послѣднимъ вошелъ къ хозяину Ванюшка. Сегодня онъ получилъ приказчичій чинъ.

— Ну, Иванъ, ты теперича выжилъ свои года; старайся, служи, не смотри на другихъ молодцовъ, не будь лодыремъ, а я тебя не оставлю. Посмотрю этотъ годъ, что стоитъ будешь, то и положу. Я тебѣ тулупъ крытый къ зимѣ справлю, а то что понадобится, можешь у меня спросить, на сапоги, али на что тамъ ни на есть. Попусту денегъ не трать, вина не пей, имѣй почтеніе къ старшимъ, слушайся Афанасія Иваныча, онъ тебя худому не научить. Я, братъ, самъ парнишкой сюда привезенъ и въ науку отданъ, да прежде не то было, что теперича: бывало меня покойникъ хозяинъ (царство ему небесное!), какъ схватить за волосы, да учнетъ таскать по горницѣ, такъ искры изъ глазъ сыпятся. И теперича я ему благодаренъ, человѣкомъ меня сдѣлалъ, вотъ что. Смотри, Афонасій Ивановичъ семнадцать лѣтъ живетъ, худаго слова отъ меня не слыхалъ (Таратайкины враль). Не водись съ Цаплевскими молодцами, — народъ шельмовый. Вотъ тебѣ пять рублей на гулянку. Завтра ступай въ маленькую лавку; ты тамъ будешь стоять. Ну, иди; старайся же смотри!

Ванюшка такъ расчувствовался, что даже отъ полноты чувствъ заплакалъ. Слезы такъ и струились по его лицу.

— Благодарю покорно, Василій Ѳеодорычъ! проговорилъ онъ и пошелъ въ молодцовую. Тамъ его начали поздравлять.

Разсчетъ конченъ. Всѣ молодцы Таратайкина, кромѣ Павла, остались на своихъ мѣстахъ, имъ по немногу прибавили жалованья, одного отпустили въ деревню, но никто изъ нихъ кромѣ Афанасья, не остался доволенъ своимъ положеніемъ, не исключая даже и Ванюшки, который прослезился отъ полноты чувствъ. Всѣ они потихоньку ругали другъ другу хозяина. Войдите въ это время въ любую молодцовую, прислушайтесь къ разговору молодцовъ, и вы навѣрно услышите одно и тоже, — вездѣ ругаютъ хозяина. Уже такъ устроены апраксинцы, что ни хозяинъ никогда не бываетъ доволенъ молодцомъ, ни молодецъ хозяиномъ.

Черезъ четверть часа къ молодцамъ пришелъ Таратайкинъ и пригласилъ ихъ съ собою обѣдать. Въ этотъ торжественный день плебеи возлежатъ за столомъ вмѣстѣ съ патриціями.

Кромѣ разчета, Ѳомино воскресенье имѣетъ еще ту особенность, что въ этотъ день хозяева отдѣляютъ овецъ отъ козлищъ, не даромъ же день этотъ прозванъ апраксинцами великимъ судомъ. Въ это же самое время, когда плебеи-овцы обѣдаютъ съ хозяевами, козлища пьянствуютъ по трактирамъ.

Войдемте напимѣрь въ Палермо, — это притонъ отказанныхъ молодцовъ. Прислушайтесь къ разговору любой группы, и вы ничего больше не услышите, какъ ругательствъ на хозяевъ. Молодецъ никогда не сознается, что ему отказали, онъ всегда будетъ стоять на томъ, что онъ самъ отсталъ отъ мѣста.

Вотъ группа. Сидятъ нарядно одѣтые молодцы; между ними ораторствуетъ козлище, отдѣленное Таратайкинымъ, Павелъ.

— Да отчего же ты отсталъ-то? спрашиваютъ они его.

— Извѣстно отчего, отвѣчаетъ Павелъ: — хозяинъ мнѣ не потрафилъ, а я его не уважилъ, — вотъ и все...

— А не *волчий видъ* дали?

Дали-бы кому, да не мнѣ! Ужъ ежели хочешь, братъ, знать, такъ знай; у меня тутъ шуры-муры съ его дочкой вышли, вотъ и все... заканчиваетъ и подкрѣпляетъ себя рюмкой водки.

Много рюмокъ водки вольетъ въ себя сегодня Павелъ; онъ пьетъ съ горя, онъ знаетъ, что послѣ ссоры съ хозяиномъ ему уже трудно найти себѣ здѣсь мѣсто, всѣ узнаютъ о его грубости и ему ничего не останется дѣлать, какъ ѣхать въ свое мѣсто.

Но не одни козлища пьютъ въ этотъ день, пьютъ и овцы, съ тою только разницею, что пьютъ съ радости. Молодцы вполне олицетворяютъ собою русскаго человѣка, который пьетъ и съ радости,

и съ горя. Въ этотъ день молодцы заговѣются надолго, вплоть до рождества и потому гулянка эта прощается и отъ самихъ хозяевъ. Они и слова не скажутъ, ежели на другой день увидятъ фizioномію съ приличными украшеніями; вѣдь этимъ днемъ заканчивается торговый годъ, какъ же не отпраздновать его; хоть и плебей молодецъ, все-таки и на него надо смотрѣть, какъ на человѣка, вѣдь и онъ современемъ можетъ сдѣлаться такимъ же и даже заткнуть за поясъ своего благодѣтеля, учителя-хозяина.

IX.

Наступилъ май мѣсяцъ. Фельетонисты тонкихъ и толстыхъ журналовъ прокричали уже кажедогодную, всѣмъ извѣстную, новость, что Петербургъ пустѣетъ, а окрестности его съ каждымъ днемъ наполняются все болѣе и болѣе. И точно, Петербургъ значительно опустѣлъ, а съ этимъ вмѣстѣ и торговля на Апраксиномъ стала хуже. Нѣкоторые изъ хозяевъ лицевой линіи также не отстали отъ людей, и потянулись на дачу. Одинъ изъ нихъ отправился на Петровскій, другой на Безбородкино, а Брындицынъ даже перевезъ свое семейство въ Павловскъ, въ тотъ Павловскъ, любезные читатели, гдѣ дирижируетъ оркестромъ баловень судьбы, любимецъ женщинъ, Штраусъ; въ тотъ Павловскъ изъ-за ко-

тораго бѣдные мужья претерпѣли столько гоненій отъ своихъ женъ за то, что объявили себя несостоятельными нанять тамъ дачу. И Брындицынъ было упирался, да жена настояла; она, видите-ли, у него дама модная, даже эмансипированная, то-есть курить папиросы и пьеть шампанское; какъ всѣ современные дамы лѣтъ сорока, имѣетъ воспитанницу и окружена множествомъ поклонниковъ изъ музыкантовъ, актеровъ и поэтовъ, нигдѣ въпрочемъ не печатающихъ своихъ сочиненій. Люди эти бывають у ней, ѣдятъ, пьютъ и за все за это посвящаютъ ей свои стихи и музыкальныя произведенія. Говорятъ, одно такое музыкальное произведеніе, кажется полька, было по просьбѣ Брындицыной разыграно въ Павловскѣ оркестромъ Штрауса. Дорого это ей стоило, да за то удовлетворило ея тщеславіе. Весь тотъ вечеръ, въ программѣ пьесъ, исполненныхъ оркестромъ, стояло названіе посвященной польки и внизу подпись, *à madame, madame Brinditsin*. Какъ эта дама попала замужъ за апраксинца, незанимающагося ничѣмъ, кромѣ торговли и не находящаго эстетическаго наслажденія ни въ музыкѣ, ни въ поэзіи, мнѣ неизвѣстно; я знаю только одно, что онъ теперь махнулъ на нее рукой, повозможности исполняетъ ея прихоти, только дескать не тронь меня, и молить провидѣніе, чтобы оно не вложило ей въ голову мысли ѣхать за границу.

Въ то самое время, когда описываемыя мною

семейства потянулись на дачу, остальные хозяева перенесли свое гулевое мѣстопробываніе въ лѣтній садъ, а холостые хозяева аристократы и хозяйскіе сынки начали ѣздить къ Излеру на минеральные воды и на другія загородныя гулянья; гуляли тамъ, затѣвали легонькіе скандальчики, кутили съ различными Амалиями, Бертами, Розами, и, что называется, въ сласть проводили время.

„А что же дѣлають теперь молодцы, спросите вы, читатель. Гуляютъ-ли они?“

Нѣтъ! ихъ гулевое время кончилось, они осуждены на затворническую жизнь вплоть до рождества; развѣ какой-нибудь хозяинъ съ лицевой линіи, пропитанный немного современнымъ духомъ, отпуститъ своихъ молодцовъ раза два или три въ лѣто въ лѣтній садъ, а тѣ, пользуясь временемъ, и удерутъ на крестовскій, вотъ и все... Задумали было двое Берендѣевскихъ молодцовъ, согласившись съ двумя другими, отправиться по обѣщанію къ Сергію Богу помолиться, да не такъ повели дѣло, и остались дома. Вотъ какъ это было.

Пришли они однажды изъ лавки и отправились къ хозяину.

— Мы къ вамъ, Ардальонъ Ивановичъ, можно сказать, съ чувствительною просьбою, позвольте мнѣ и Никитѣ въ субботу къ Сергію идти, началъ одинъ изъ нихъ: пойдѣмъ съ вечера, а въ воскресенье часамъ къ пяти вечера безпремѣнно домой явимся. Время теперь, сами знаете, небойкое, тор-

говли мало, прогуляемъ воскресенье! такъ ужъ позвольте сходить; пѣшкомъ думаемъ отправиться.

Подумалъ, подумалъ Берендѣевъ, потеръ свой животъ и бороду, и согласился. „Видно подь веселый часть попали“, подумали молодцы, и, сами себѣ не вѣря, что желаніе ихъ исполнится, въ поясъ поклонились ему.

— Что-же, по обѣщанію что-ли? спросилъ ихъ хозяинъ.

— Точно такъ-съ, по обѣщанію, отвѣтили они, и снова поклонились.

Товарищамъ ихъ тоже, хоть и не такъ легко, а все-таки удалось отпроситься. Сборнымъ пунктомъ назначена была квартира Берендѣева. Въ десятомъ часу, заперевъ лавки, молодцы собрались. Чтобы не скучно было идти дорогою, они приготовили себѣ для развлечения, а частію для подкрѣпленія силъ четверть ведра водки и колбасу на закуску, которыя и уговорились нести попеременно. Все было-бы хорошо, да дернуло ихъ купить всѣ эти жизненные припасы до отправления въ дорогу и внести въ молодцовую. Молодцы начали одѣваться и поставили весь провіантъ на столъ, въ полной увѣренности, что сюда не войдетъ хозяинъ; одѣвшись, ловко привязали къ плечамъ одного богомольца корзину съ четвертной бутылю, другому вручили колбасу и направились было къ выходу, какъ вдругъ, надо же было случиться такому несчастію, въ дверяхъ съ ними

столкнулся хозяинъ: онъ входилъ въ молодцовую. У молодцовъ и руки опустились; богомолецъ, держащій колбасу, чуть-чуть не уронилъ ее на полъ, а виночерпій открылъ ротъ и изобразилъ собою живую картину „испугъ“, хоть сейчасъ въ александринскій театръ на велико-постное представлѣніе.

— Идете? спросилъ ихъ хозяинъ.

— Идемъ-съ...

— Ну, вотъ, снесите и отъ меня на свѣчку.

И онъ подаль молодцу, держащему колбасу, рубль.

— Такъ мы пойдемъ, Ардальонъ Ивановичъ?

Хозяинъ промолчалъ.

— А что это съ собою несете? проговорилъ онъ, указывая на бутылъ.

Въ это время несчастные молодцы готовы были провалиться сквозь землю; они боялись даже взглянуть другъ на друга. Другіе молодцы, не желавшіе быть зрителями столь раздирающей душу сцены, отправились за перегородку и разлеглись по кроватямъ. Произошло нѣсколько-секундное молчаніе, наконецъ голову Никиты осѣнила гениальная мысль и онъ не запинаясь отвѣтилъ:

— Масло-съ... угоднику несемъ-съ...

— Г-мъ, такъ, а покажи-ка его!

— Простое деревянное масло-съ, для лампы несемъ.

И молодецъ попятился. Хозяинъ почти понялъ въ чемъ дѣло.

— А это что же такое? и онъ указаль на колбасу.

— Свѣча-съ! брякнулъ Никита и замолчалъ.

— Фарфоровая, али такъ росписная; покажите-ка, что за свѣчу такую несете? и онъ протянулъ къ ней руку.

Молодецъ непрекословно отдалъ ему колбасу. Берендѣевъ вынулъ ее изъ бумаги и понюхаль. Сцена была комическая, и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическая: съ одной стороны улыбающееся лицо Берендѣева, съ другой убитыя ужасомъ лица молодцовъ.

— Теперь дайте мнѣ и масло понюхать... Хорошее масло!

Онъ подбоченился и пристально глядѣль на молодцовъ, которые стояли передъ нимъ какъ мальчишки, которыхъ собираются съчь.

— Такъ, такъ-то вы, мерзавцы эдакіе, по богомольямъ ходите, закричалъ онъ.—Пьянствовать? Кутить? Я вамъ покажу! Подите, отнесите это ко мнѣ въ комнаты, а вы останетесь дома, теперь я васъ не пущу, не буду такимъ дуракомъ. Это все ваши затѣи, анафемы вы эдакіе! обратился онъ къ чужимъ молодцамъ. Все завтра будетъ извѣстно вашему хозяину. Задасть онъ вамъ гонку! Вонъ собачьи дѣти изъ моей фатеры... А съ вами я раздѣляюсь, въ особенности съ тобой Никита...

Гости безъ оглядки выбѣжали изъ молодцовой, а хозяинъ снова началъ ругаться, и тогда только

умолкъ когда перебралъ весь звѣринецъ ругательныхъ животныхъ.

— Вы у меня, мерзавцы, будете помнить этотъ день! закончилъ онъ и вышелъ изъ молодцовоѣ.

Молодцы молчали; наконецъ Никита сѣлъ на стулъ, покачалъ головой, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Ужъ не жалко мнѣ того, что мы дома остались, а водку-то я жалѣю; такъ прахомъ и пошла вся четверть. Два рубля кровныхъ денегъ загубилъ, вѣдь самъ бестія всю бутылъ вылопаетъ. Ахъ ты, чортъ тебя побери, Ардальонъ Ивановичъ, не вовремя ты лѣпшій подвернулся! И онъ замолчалъ.

Что-же дѣлають молодцы дома въ лѣтніе вечера, когда придуть изъ лавки? спросить, можетъ быть, читатель.

Да ничего, посидятъ, поужинають, начнутъ зѣвать, да и залягутъ на боковую. Впрочемъ не угодно-ли вамъ самимъ посмотрѣть, что они дѣлають въ свободное отъ занятій время и прослѣдить два, три часа ихъ жизни. Заглянемте хоть въ молодцовую Черешнева.

Молодцовая—небольшая комната о двухъ окнахъ. На одномъ изъ нихъ стоятъ два горшка герани и банка съ мыльной водой, покрытая кускомъ чернаго хлѣба съ сдѣланной посреди дырочкой—ловушка для мухъ; а подъ другимъ окномъ привѣшена клѣтка съ чижомъ. По стѣнамъ кровати съ подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ и съ таковыми же одѣяла-

ми, изъ которыхъ мѣстами видны лохмотья ваты. Надъ одной кроватью висить гитара и картинки, изображающія полногрудую барышню съ голубкомъ въ рукахъ, и пьянаго мужика въ красной рубахѣ, валяющагося на желтой землѣ передъ розовымъ питейнымъ домомъ съ зеленою крышею, котораго подымаетъ городской. На покоробившемся отъ времени шкапу, съ притономъ клоповъ всѣхъ калибровъ, стоятъ шляпы и помадная банка съ кисточкой, служащая вмѣсто бритвеннаго прибора. Недалеко отъ шкафа на комодѣ, надъ которымъ помѣщается маленькое загаженное мухами зеркальце, лежатъ платяная и головная щетки, послѣдняя пріобрѣтшая мохнатость отъ волосъ, вырванныхъ изъ тѣхъ головъ, къ которымъ она имѣла счастье прикасаться, да двѣ книги: „Черный гробъ и кровавая звѣзда“ и „полный пѣсенникъ.“ У окна столъ и нѣсколько стульевъ сомнительной прочности. Въ углу висятъ образа съ заткнутой за ними запыленной вербой; передъ ними горитъ лампада, съ привѣщенной подъ нею цѣлой ниткой фарфоровыхъ и сахарныхъ яиць.

Десятый часъ вечера. Молодцы только-что сейчасъ возвратились изъ лавки. Всѣ они одѣты въ халаты, которыми обыкновенно снабжаютъ ихъ татары или на промѣнъ стараго платья, или за два съ полтиной, и въ туфли съ совершенно оторванными задками. Быть въ халатѣ и туфляхъ по вечерамъ у нихъ обыкновеніе: и платье не носится, да и хо-

зяинъ спокоенъ,—въ этомъ нарядѣ молодецъ никуда уже не отлучится изъ квартиры.

Трое молодцовъ сидятъ у окна и собираются играть въ три листа. Они подбираютъ подѣ масть карты.

— Винновой крали нѣтъ, говоритъ одинъ изъ нихъ:—да это ничего, крестовая двойка кралею будетъ, значить за фальку пойдетъ.

Иванъ, молодой человѣкъ съ закрученными усами, обладатель книгъ лежащихъ на комодѣ, сидитъ съ гитарою въ рукахъ и ораторствуетъ.

— Знаете братцы, сегодня Степанъ Соницынскій чуть не влопался. Стоитъ, знаете, на порогѣ у лавки, а я напротивъ его, вдругъ бѣжитъ какая-то *штучка*, а Степанъ посмотрѣлъ на нее, мигаетъ мнѣ, да и говоритъ: Иванъ, *вершай!* Смотрю я, а она поровнялась съ нимъ, да и шепчетъ: „здравствуйте, Степанъ Ѳедорычъ!“ Какъ, я говорю, развѣ ужъ у васъ того? „Какъ же, говоритъ, *на мази дѣло*“; да знаете, не заprimѣтился, а *евонный*-то хозяинъ сзади стоитъ. Запужался Степка, просто въ лицѣ измѣнился малый. А самъ-то какъ на него посмотрѣлъ, что у меня вчужѣ мурашки по тѣлу забѣгали.

— Что за важное дѣло, что только посмотрѣлъ? Нѣтъ, братъ, у нихъ житье важное, не въ примѣръ лучше нашинскаго, возразилъ Тихонъ, мужчина лѣтъ тридцати съ рѣдкой, клинистой, какъ-будто выѣденной молью бородкой.—О святой всѣмъ молодцамъ праздничныхъ дали, Чихова въ деревню отпустилъ, а у насъ что? Онъ началъ говорить тише.—Хоть-

бы теперича меня призывалъ самъ при расчетѣ. „Вотъ, говоритъ, Тихонъ, я тобой доволенъ, вотъ ты, говоритъ, забралъ у меня столько-то, а за мной имѣешь сто пятьдесятъ рублей; служи, говоритъ, я тебя не оставляю!“ Я ему въ ноги. Иванъ Васильичъ, говорю, не оставьте! позвольте въ деревню съѣздить, такъ ужъ нельзя-ли моихъ-то деньжонокъ рублей пятьдесятъ мнѣ выдать? Какъ напустился на меня: „Это что? говоритъ, прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ, нонече опять?“ Нѣтъ, говорю, три года не былъ. „Куда тебѣ пятьдесятъ, пятнадцати довольно?“ Женѣ, говорю, *да своимъ* гостинца свезть нужно. Вѣдь, не далъ: „избалуешься, говоритъ, у меня цѣлѣе будетъ, не бойся не пропадетъ, а вотъ тебѣ двадцать рублей бери!“ Ну, посудите, братцы, какъ мнѣ съ этими деньгами въ деревню ѣхать, да тутъ и понюхать не хватить! Я просить: затопаль на меня, залааялся и выпихаль изъ горницы.

— Да ужъ что говоритъ! аспидъ, а не человѣкъ! хладнокровно замѣтилъ Иванъ, началъ потихоньку брянчать на гитарѣ и запѣлъ дребезжащимъ теноркомъ:

«Сердце поетъ, духъ томится.»

Пропѣвъ этотъ стихъ два раза, онъ сейчасъ же измѣнилъ свой голосъ въ басъ, предварительно стянувъ ротъ въ одну точку, какъ-будто хотѣлъ свистнуть и продолжалъ:

«Гдѣ любезная моя?

«Ай нѣтъ ея, ай нѣтъ ея!

«Ай нѣтъ ея!»

— Не могу! проговорилъ онъ, сорвавшись.

— Шалишь, братъ, гдѣ тебѣ? съ Мочаловымъ сравняться хочешь?—у того, значить, сила....

У окна сидѣли двое и играли въ шашки.

— Дамка, проговорилъ одинъ.

— И у насъ.

— А я ее съѣмъ! Съѣлъ, да и *фука!*—не зѣвай!

— Мы, братецъ, безъ фуку играли. Поставь!

— Для чего?

— Такъ поставь!

— Нѣтъ, братъ, отдумать. Шалишь!

— Ну, ну, ходи!

— Разъ.

— Два. А вотъ и заперъ въ двухъ мѣстахъ; ребята, въ двухъ мѣстахъ заперъ! припасай три копѣйки!

— За что? да ты рукавомъ двигаешь!

— Нѣтъ, братъ, Тихонъ, давай три копѣйки!

— Ну, бери; подавись ими! Чортъ съ тобой! Не хочу больше играть!

— А коли ты ругаешься, возьми твои три копѣйки, къ гробу на свѣчку пригодятся!

— Ну, ребята! вотъ сегодня смѣялись на линіи, такъ смѣялись, началъ Никифоръ, парень лѣтъ двадцати двухъ:—Гришуха Порховской, вотъ что съ пасхи къ нему *присталъ* *), стоитъ на порогѣ, да

*) То-есть опредѣлился.

пьетъ чай, а Боберъ-квасникъ мимо идетъ: „кваску, говоритъ, не хочешь-ли?“ А Гришуха его и ну дразнить: „на билліардѣ продулъ пять цѣлковыхъ, да сукно продралъ—три,—восемь. „Боберъ смерть этого не любитъ, ругаться сталъ, ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ; а Гришуха знай его дразнить, да аршиномъ будто шара дѣлаетъ. Разозлился Боберъ, поставилъ кувшинъ къ сторонкѣ, да какъ бросится на Гришку, вцѣпился, да и ну таскать,—насилу отняли, какъ звѣрь дикій разсвирѣпѣлъ!

Иванъ напѣвалъ другую пѣсню:

«Было дѣло подѣ Полтавой,
«Дѣло славное, друзья!
«Мы дрались тогда со Шведомъ
«Подѣ знаменами Петра.»

Послѣдній стихъ онъ кончалъ по-солдатски: то-есть скороговоркой, какъ-бы отрубя.

Но здѣсь случилось маленькое обстоятельство, которое на время прервало всѣ занятія. Въ сосѣдней комнатѣ закричѣли чьи-то сапоги, и вскорѣ на порогѣ появился хозяинъ, толстый мужчина съ бородой и въ длиннополомъ сюртукѣ, застегнутомъ на пуговицы. Увидя его, молодцы повскакали съ мѣстъ. Иванъ спряталъ за собой гитару и прижался къ шкафу, только такъ неловко, что на ней съ трескомъ лопнула струна; Тихонъ началъ ковырять у себя въ носу, а Никифоръ дышалъ на стекло окна и выводилъ по немъ пальцемъ какіе-то вави-

лоны. Обозрѣвъ своимъ грознымъ окомъ плебеевъ, хозяинъ проговорилъ:

— Все глупостями занимаетесь! нѣтъ, чтобы дѣломъ заняться.

Онъ сказалъ это такъ, чтобы показать всю безнравственность ихъ поступка, въ сущности же онъ и самъ не зналъ, чѣмъ они должны были заняться.

— На воскресенье это музыку играть, да пѣсни бѣсовскіе пѣть! что вы басурманы что-ли? Нѣмцы вы? Чего развозились? Это все твои затѣи! обратился онъ къ Ивану, который прижался къ шкафу еще крѣпче прежняго, отчего началъ трещать даже и самый остовъ гитары.

— Книгъ накупили! продолжалъ хозяинъ, подходя къ комоду, на которомъ лежали „Черный гробъ и кровавая звѣзда“ и „пѣсенникъ:—и безъ того головы пусты, а то еще вздоромъ ихъ набивать! Чтобъ не было ихъ! а то всѣ въ печь побросаю. Слышите! добавилъ онъ и съ сознаніемъ собственного достоинства и власти вышелъ изъ комнаты.

Всѣ начали приходить въ себя.

— Откуда его дьявола принесло, началъ Тихонъ:—какъ кошка подкрался.

— Струментъ-то только черезъ него окаяннаго испортилъ, говорилъ Иванъ.

— Это все Ѳедька, бестія виноватъ; сидитъ въ кухнѣ, видитъ, что хозяинъ пришелъ,—нѣтъ чтобы сказать.

Өедька въ затрапезномъ халатѣ вошелъ въ молодцовую.

— Что ты пострѣленокъ не сказалъ, что хозяинъ пришелъ? говоритъ Никифоръ, завертывая ему курочку.

— Да меня тутъ не было, я въ аптеку бѣгалъ, Аграфена Ивановна посылали за миндальнымъ масломъ; у нихъ поганая муха губу укусила, говорилъ мальчикъ чуть не плача.

— Хозяйскіе сапоги чистилъ?

— Нѣтъ еще! сейчасъ только изъ аптеки прибѣжалъ.

— А Ванюшка гдѣ?

— Съ Семеномъ бѣлье катаетъ.

— Обери наши сапоги, да вычисти скорѣй; а послѣ Сенька съ Ванюшкой придутъ, такъ подсобятъ. Да смотри-же чище, а то я тебя пострѣленка! Пошелъ живѣй!

— И ловко данный подзатыльникъ послалъ уставшаго мальчика, въ кухню.

Читатель! послѣ тринадцатичасоваго стоянія въ лавкѣ вычистить шесть, семь паръ хозяйскихъ и молодцовскихъ сапоговъ—работа не легкая!

Отъ нечего дѣлать Иванъ и Никифоръ начали глядѣть въ окно на дворъ. Видъ былъ великолѣпный: помойная и навозная ямы и двери сарая и конюшни. Молодцы созерцали играющихъ въ бабки мастеровыхъ мальчишекъ и плевали на нихъ; тѣ ругались.

— Жохъ!

— Врешь, ничка! слышались голоса.

— Жохъ, ей-ей жохъ, погляди! Видишь?...

Мальчишки разодрались.

— Хорошенько его, рыжій, хорошенько! кричалъ Иванъ.—Подъ ногу его, подъ ногу!

Никифоръ сбѣгалъ въ конюшню, принесъ ковшъ воды и окатилъ мальчишекъ. Минуть пять была слышна брань и маленькіе камушки влетали въ комнату.

Въ молодцовой начали накрывать на столъ ужинать.

— Не худо-бы, знаете, господа, того... *калдыкнуть* *), предложилъ Василій, у котораго по носу и глазамъ можно было догадаться объ его слабости.— Иванъ, стань-ка у дверей!

Онъ вынулъ изъ шкафа бутылку, которая была тщательно заложена брюками и другимъ платьемъ.

— Душа—мѣра, изъ горлышка! и самъ подалъ примѣръ.

Всѣ пили кромѣ Петра, молодого парня, съ пасхи только вышедшаго въ приказчики и Тихона.

Сѣли за столъ. Кухарка, молодая деревенская баба, подавала щи и кашу. Никифоръ безцеремонно обнялъ ее за талію.

— Незамай! что балуешь-то! Вотъ какъ оболью

*) Выпить водки.

шамъ-то, такъ будешь знать. Говорю, оставь! а то ей-ей, бѣльмы выпарапаю!

«Вспомни, вспомни ты, любезна

«Нашу прежнюю любовь!»

Продекламировалъ Иванъ и щипнулъ кухарку.

— Ты туда же, о чтобъ васъ!... Нѣтъ на васъ угомону, ну вотъ-те Христось, хозяину буду жаловаться! отбивалась та.

— Чтожъ ты брыкаешься-то, убудеть что-ли тебя? сказалъ Никифоръ и принялся ѣсть кашу.

Ужинъ кончился. Молодцы начали ложиться спать; они спали по двое на одной кровати.

Ночь... Первый часъ. Всѣ спятъ и храпятъ кромѣ Ивана; онъ ворочается съ боку на бокъ.

— Захарычъ, Василій Захарычъ! подвинься, братецъ, что развалился!

Но Захарычъ ничего на это не отвѣтилъ, а только какъ-то свистѣлъ носомъ и выдѣлывалъ горломъ звуки чуть-ли не всего оркестра.

— Вишь, какъ нализался,—керъ-керешенекъ!

И дѣйствительно, Василій страшно нализался, онъ по поговоркѣ „остатки сладки“, окончилъ всю бутылку.

Никифоръ тоже проснулся.

— Иванъ, ты спишь? спрашивалъ онъ его.

Нѣтъ, а что?

— Да дай, братецъ, мнѣ завтра твою манишку надѣть.

— У меня только двѣ и есть.

— Ну дай, братецъ!

— Возьми! Да ты бы лучше у Петрушки спросишь.

Дай ужъ ты; Петрушка мнѣ галстучка дастъ. Петрушка! а Петрушка! дашь мнѣ завтра галстучка?

Тотъ не просыпался. Никифоръ повторилъ вопросъ.

— Дамъ, отвѣтилъ соннымъ голосомъ Петрушка.

Ну, спасибо! А можетъ въ Троицу вечеркомъ хозяинъ со двора отпустить, такъ можешь мою шляпу одѣть. Щеголай!

— Да великонька, Никифоръ Ѳеодорычъ!

— Ничего, бумажки подвернешь! все въ шляпѣ-то оно не впримѣръ казистѣе.

— Извѣстное дѣло.

Петрушка снова захрапѣлъ.

— Жарко, братъ, просто лежать не могу. Петрушка лягается, клопы кусаютъ, говорилъ Никифоръ. Онъ накиннулъ халатъ, всталъ съ постели и подошелъ къ отворенному окну. Майская ночь, ежели ее только можно назвать ночью, уже переходила въ утро. Заря показалась на востокъ и начала золотить предметы. Съ улицы доносился стукъ колесъ о мостовую и пѣсня какого-то пьяненькаго. Воробьи ужъ проснулись и начали чирикать. Въ конюшнѣ застучала лошадь; „балуй“, крикнулъ проснувшійся кучеръ и замолчалъ.

— Иванъ, Аннушка глядитъ! шепнулъ Никифоръ и послалъ ей летучій подѣлуй.

Ему отвѣчали. Онъ какъ-то искобенился и началъ кланяться.

— Какая Аннушка? спросилъ Иванъ.

— Аннушка, Губаревская горничная, вотъ что насупротивъ насъ во флигелѣ живетъ.

Иванъ тоже всталъ и подошелъ къ окну.

— Что, старовѣръ спитъ? тихо спросилъ Никифоръ.

— Дрыхнетъ, утвердительно отвѣтилъ Иванъ.

— Значить можно курнуть?

— А спички есть?

— Нѣтъ.

— Постой-же, я въ кухню схожу.

Иванъ ушелъ. Тихонъ былъ старовѣръ и до того не любилъ, когда при немъ курили, что даже подчасъ наушничалъ хозяину, который былъ тоже *по стару* и, какъ говорится, „до смерти не любилъ этого зелья.“

— Степанида! дай спичку, слышалось изъ кухни.

— Чего?

— Спичку.

— Какую спичку?

— Да вотъ, папиросочки покурить.

— Нешто по ночамъ курять, полуношники?

— Степанидушка!

— Оставь! ей-ей по зубамъ смажу, а нето, за-

кричу! Небось на передникъ обѣщаль принести, такъ съ пасхи и жилишь.

Принесу, Степанидушка, принесу! завтра же принесу.

— Оставь, а не то, вотъ-те право, бѣльмы выцарапаю!

Иванъ принесъ спичку, зажегъ папиросу, и они начали курить въ окошко подъ храпъ другихъ молодцовъ, похожій на тотъ гулъ, который издаетъ немазанная телѣга, когда она ѣдетъ черезъ старый деревянный мостъ, доски котораго прыгаютъ какъ фортепіанныя клавиши.

Х.

Въ маѣ 1862 года, Петербургъ сильно пострадалъ отъ пожаровъ. Многіе апраксинцы, жившіе въ Ямской и на Разъѣзжей улицѣ, тоже погорѣли. Пожары эти уже явно выходили изъ ряда обыкновенныхъ пожаровъ; ихъ приписывали непременно поджогамъ. На всѣхъ нападалъ какой-то паническій страхъ и на апраксинцевъ тоже. До сихъ поръ они считали свое мѣсто торжища какой-то несгораемой и ни отъ чего неутрачивающей твердыней, не смотря на то, что твердыня эта большею частію была построена изъ дюймовыхъ досокъ. „Но громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“, а потому и апраксинцы познали вдругъ, что твердыня ихъ передъ огнемъ ничто иное, какъ утлая

ладья въ бурномъ морѣ, и призадумались. „А что, ежели подожгутъ Апраксинъ, думали они: — вѣдь загорись одна лавка, такъ ничему не устоятъ, весь рынокъ сгоритъ“, и болѣе осторожные торговцы сдѣлали холщевые мѣшки на случай пожара, чтобы удобнѣе было вытаскивать мелкій товаръ, и даже перестали пополнять свои лавки покупкою новыхъ товаровъ. Между прочимъ на Апраксиномъ прошла молва, что поджигатели непременно рѣшились поджечь Апраксинъ; но молва — какъ снѣжный шаръ, чѣмъ онъ дальше катится по снѣгу, тѣмъ становится больше; такъ и эта молва, переходя изъ устъ въ уста, дѣлалась все страшнѣе и страшнѣе. Многіе утверждали, что были подкинуты письма, въ которыхъ обѣщались сжечь весь Апраксинъ и Щукинъ и назначали день: а именно Троицу. Одни говорили, что видѣли какого-то мужчину, мазавшаго какимъ-то снадобьемъ заборъ въ Чернышевомъ переулкѣ, другіе, — что какая-то женщина приходила ко многимъ торговцамъ въ лавки и незамѣтнымъ образомъ брызгала изъ спринцовки на стѣны лавокъ воду, и что то мѣсто, куда попадала капля, чернѣло и обугливалось. Книжники утверждали, что три дня кряду, къ нимъ приходилъ какой-то господинъ въ бѣломъ пальто и фуражкѣ и спрашивалъ такое названіе книги, о которой они не имѣли и понятія; его сочли за поджигателя, хотѣли схватить, обыскать и представить въ кварталъ, да не могли, потому что гос-

подинъ неизвѣстно куда скрылся. Знакомая уже намъ Наумовна, жена департаментскаго сторожа, торговавшая въ толкучкѣ башмаками, утверждала, что въ воскресенье ночью, когда она вела домой изъ гостей своего безобразника, то своими глазами видѣла, какъ надъ толкучкой леталъ огненный змѣй, зѣвалъ и изо-рта его сыпались искры. При этомъ она показывала какую-то тряпку съ выжженными дырами, которая будто-бы затлѣлась въ ту ночь отъ змѣиныхъ искръ.

Наступилъ Троицынъ день; многіе Апраксинцы не отворяютъ въ этотъ день лавокъ, а тутъ нарочно вышли: „ну, какъ загорится!“ даже и въ Екатерингофъ на гулянье не отправились. День кончился благополучно, никакого несчастія не случилось; молодцы заперли лавки и, ругая хозяевъ, что оттянули тѣ у нихъ гулевой день, отправились домой.

„Видно только такъ зря болтали, что подожгутъ Апраксинъ,“ подумали хозяева и спокойно же спали ночь на Духовъ день. Но „гласъ народа, гласъ Божій!“

Въ Духовъ день хозяева по обыкновенію вышли въ лавки, посидѣли тамъ часовъ до трехъ, да также по обыкновенію и отправились домой, чтобы захватить своихъ сожительницъ и отправиться съ ними на гулянье или въ лѣтній садъ, или на Охтенское кладбище; молодцамъ-же наказа-

ли не сидѣть долго въ лавкахъ, а запираются часовъ въ восемь....

Въ квартирѣ купца Крыжовникова, торгующаго фруктовымъ товаромъ, часовъ съ десяти утра было замѣтно какое-то необыкновенное движеніе. Евстигней Егорычъ — глава семейства — возился съ переливаніемъ настоекъ изъ бутылки въ бутылку, смотрѣлъ ихъ на свѣтъ и нюхалъ; Пелагея Степановна, его сожительница, съ кухаркой и мальчикомъ Гаврюшкой, который нарочно въ этотъ день не былъ посланъ въ лавку, укладывала въ корзину огромный пирогъ съ капустой и сигомъ, банку изъ-подъ килекъ съ нарѣзанными на куски селедками, кусокъ икры, ветчину и все, что потребно для закуски. На все на это приготовленіе безсмысленно смотрѣлъ двухлѣтній сынишка Пелагеи Степановны, Петенька.

Въ кухню, гдѣ происходили эти приготовленія, вбѣжала на всѣхъ рысяхъ сосѣдка Крыжовниковыхъ и облобызала Пелагею Степановну.

— Куда собрался, батюшка? умильнымъ голосомъ спросила она ребенка.

— На Охту, молъ, тетенька, родственничковъ поминать, отвѣтила за него мать.

Ребенокъ ничего не сказалъ, а заревѣлъ и уткнулся въ юбку матери.

— Ахъ я дура! вскрикнула сосѣдка, — и забыла, что нонече гулянье на Охтенскомъ кладбищѣ-то. Пойду, пойду, безпремѣнно пойду.

— Заходите къ намъ на могилку-то. Вотъ мы собираемся.

Въ спальнѣ передъ стариннымъ зеркаломъ съ бронзовыми столбиками стояла Манечка — дочка Крыжовниковыхъ, и съ помощію подруги своей, Матрешеньки, зашнуровывалась въ праздничное платье. По-одаль стоялъ братъ ея Гарася, и кускомъ бархата натиралъ свою шляпу. Онъ былъ завитъ барашкомъ, — обстоятельство, которое дозволялось ему въ большіе праздники.

— Покрѣпче Матрешенька стягивай, покрѣпче; я тебя также зашнурую.

— Тише, Матрена Николаевна, а то неравно лопнетъ, да и убьетъ васъ костью-то, остерить Гарася.

— Смотрите, чтобъ у васъ чего не лопнуло, да насъ не убило, отвѣтила Матрешенька.

Часамъ къ одиннадцати все было готово къ отъѣзду. У подъѣзда стояла четверомѣстная карета; семейство Крыжовникова въ нее усаживалось. На эту церемонію смотрѣли изъ оконъ жильцы, лаяла дворовая собака на ноги лошадей, да водовозъ осматривалъ колесо кареты съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто онъ первый разъ въ жизни видѣлъ колеса.

Первый влѣзъ въ карету Евстигней Егорычъ и поставилъ себѣ въ ноги корзину съ бутылками настоекъ, за нимъ Пелагея Степановна, держа въ рукахъ Петеньку и полоскательную чашку съ кутьей,

завязанную въ носовой платокъ, за ней Манечка и Матрешенька съ поднятыми кверху платьями, изъ осторожности, чтобъ ихъ не измять.

— Мнѣ, тятенька, нѣтъ мѣста, я извозчика возьму, проговорилъ стоянцій у дверецъ кареты Гарася.

— Врешь, будетъ мѣсто. Зачѣмъ деньги понапрасну тратить. Заклинивай вонъ ихъ, и Евстигней Егорычъ указалъ на Манечку и ея подругу.

— Что вы, папенька, онъ насъ изомнетъ со-всѣмъ, и безъ него тѣсно.

— Не сахарная, не растаешь! Заклинивай Гарася!

И Гарася заклинилъ ихъ, то есть сѣлъ въ середину.

— Всѣ-ли сѣли?

— Я сѣлъ-съ, откликнулся съ козель Гаврюшка, держащій въ объятіяхъ самоваръ; поставить его было некуда, на козлахъ стояли двѣ корзины съ съѣстными припасами и съ посудой.

— Ну, трогай!

Извозчикъ хлестнулъ по лошадамъ.

— Стойте! закричала, выбѣжавъ на крыльцо, кухарка.—Кофейникъ и коверъ забыли!

— Клади на козлы!

— Да здѣсь мѣста нѣтъ, проговорилъ извозчикъ.

— Ну, давай въ карету.

Въ исходѣ перваго часа Охтенское кладбище было запружено народомъ. Сторожъ и городовые

отгоняли отъ воротъ экипажи, нищѣ пѣли стихи, изъ которыхъ рѣшительно нельзя было понять ни одного слова.

Какой-то отставной солдатъ, въ родѣ сторожа, въ присутственномъ мѣстѣ, съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ и съ огромнымъ краснымъ демикатоновымъ зонтикомъ въ правой, стоялъ у лавки, гдѣ продавались кресты, вензеля и гирлянды изъ цвѣтовъ. Его жена покупала вѣнокъ изъ моху съ бумажными розанами.

Да что въ немъ? смотри, весь плѣшивый, говорила она, вертя въ рукахъ вѣнокъ, — и травки-то пожалѣль... За что полтину-то хочешь?

— Помилуйте, чѣмъ же плѣшивый? Вы взгляните хорошенько, вѣнокъ, какъ вѣнокъ, хоть на генеральскую могилу, такъ не стыдно повѣсить — увѣрялъ торговецъ.

— Ну, бери четвертакъ...

— Что вы, какъ возможно!

— Ну пойдемъ, что-ли, — говорилъ супругъ; тамъ дальше еще будутъ вѣнки, купишь.

— Послушайте! пожалуйста! позвольте! желаете за тридцать копѣекъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Хорошо извольте!

Въ первомъ разрядѣ, въ одномъ палисадѣ даже были замѣтны два офиціанта въ бѣлыхъ галстукахъ и хлопали бутылки шампанскаго. Немного подалѣе какая-то купчиха, повязанная шелковой косынькой

и въ брилліантовыхъ серьгахъ, подавала чрезъ рѣшетку старухѣ нищей копѣйку и говорила:

— Помяни за упокой: Афанасія, Петра, Анну, Пелагею, Григорія, двухъ Ивановъ и... Иванъ Меркулычъ, какъ Надежды-то Ивановны мужа звали?—обратилась она къ супругу.

— Прокломъ...

— И Прокла... добавила она старухѣ.

— Никифоровъ далъ тридцать копѣекъ, Горшковъ сорокъ, я четвертакъ и ты полтину, значитъ, рубль сорокъ пять, — разговариваютъ проходящіе два писаря, — теперь разочти, мы купимъ три полштофа водки, а на остальное тамъ чего-нибудь.

— А для дамъ?

— Анна Ѳеодоровна, ничего—пьеть, а для Пашеньки бутылку меду купимъ. Ты пойми, что чрезъ это они насъ пирогомъ угостятъ.

— Пойдемъ туда, въ шестой разрядъ; тамъ, братъ, иногда бываетъ очень много хорошенькихъ, — сольемся съ народомъ, говоритъ на ходу какой-то бородатый господинъ въ пенсъ — не своему товарищу офицеру.

— Ваше превосходительство, сіятельство, благородіе, господинъ офицеръ, генераль, полковникъ, подайте сироткѣ на хлѣбъ! кричитъ имъ въ слѣдъ подпрыгивая, босоногая дѣвчонка.

Офицеръ улыбается, услыша себѣ такой громкій титуль, останавливается и подаетъ ей серебряную монету.

У Крыжовниковыхъ, также какъ и у прочихъ, шло поминаеніе родственниковъ. Въ полисадѣ на могилахъ былъ разостланъ коверъ, половина котораго была покрыта скатертью; на ней помѣщалась чашка съ кутьей, закуска, графинъ водки и бутылка хересу.

Пелагея Степановна суежилась, разставляя чашки. Въ углу мальчишка раздувалъ самоваръ сапогомъ. Евстигней Егорычъ сидѣлъ съ какимъ-то знакомымъ на скамейкѣ и жарко о чемъ-то разговаривалъ; предъ ними стояли двѣ рюмки водки. Манечка и Матрешенька смотрѣли на проходящихъ.

— Матрешенька, смотри, идетъ офицерикъ; какой миленькій!—шепчетъ Манечка своей подругѣ;— онъ со мной танцевалъ на сватьбѣ у Бабкиныхъ; и послѣ все меня преслѣдовалъ, даже въ церковь къ Иоанну Предтечѣ ходилъ. Бывало, такъ умильно смотреть на меня, что страсти! Ахъ, Боже мой, онъ кланяется! не хорошо,—я не буду ему кланяться.

Что ты говоришь, Маня?—развѣ это офицеръ, это писарь.

— Неправда, онъ мнѣ самъ сказалъ, что онъ офицеръ.

— Да онъ тогда былъ въ офицерскомъ платьѣ; а потомъ подъ конецъ бала напился и въ пьяномъ видѣ самъ проговорился дядинькѣ, что онъ не офицеръ, а писарь, и офицерское платье такъ надѣлъ, чтобъ пріятное обращеніе съ дѣвицами имѣть.

— Здравствуйте родные! закивала головою изъ

проходящей мимо толпы женщина въ канаусовомъ платьѣ и терновомъ платкѣ, и тотчасъ же приблизилась къ полисаду Крыжовниковыхъ. — Впустите, отворите калитку-то, кажется не чужая!

— Ахъ, здравствуй, Ивановна! проговорила Пелагея Степановна, впуская ее.

— Все-ли вы здоровы, моя родная? спросила Ивановна и, отеревъ платкомъ губы, троекратно со щеки на щеку поцѣловалась съ нею.

— По немножку.

— По немножку лучше всего... Здравствуйте дѣвицы красныя! И она также поцѣловалась съ Матрешенькой и Манечкой. — Жди и дождешься, женихъ сегодня мимо полисаду пройдетъ... таинственно шепнула она Манечкѣ. — Ну, а ты что купецъ?.. охъ, какой грозный стоитъ и не ухмыльнется; ужъ нынѣшнюю зимку оженю, оженю, непременно оженю; полно тебѣ холостымъ - то бѣгать.

Слава эти относились къ Гарасѣ.

И безъ тебя женюсь; ты вотъ лучше сама-то замужъ выходи...

— Шутникъ! Шутникъ онъ у васъ! Съ самимъ-то я и не поздоровкалась: здравствуйте, батюшка, Евстигней Егорычъ! и Ивановна въ поясъ поклонилась ему.

— А здравствуй, откуда Богъ принесъ?

— Откуда? знамо откуда, — гуляю, жениховъ да невѣсть высматриваю; что я за песь шелудивый

такой, что и на гуляньи показаться не могу. Слава Богу, и одеженка есть, да и рыло не лыкомъ шито.

— Чтожъ, Ивановна, чѣмъ подчивать-то? вотъ, ужъ по закону, кутейки сначала; да хересу, али водочки?—спросила ее Пелагея Степановна.

— Да ужъ лучше водочки, родная,—поваднѣе будетъ.

— Пожалуйте!

Пелагея Степановна подала ей чашку съ кутей; Ивановна зацѣпила ее ложкой.

— Какъ покойниковъ-то звали?

— Иоаннъ, Варвара и Петръ...

— Упокой Господи души рабовъ твоихъ: Иоанна, Варвары и Петра.... и, перекрестившись большимъ крестомъ, Ивановна проглотила ложку кутьи.

— Ну, а послѣ водочки-то, кофейку.

— Развѣ одну только чашечку, и то на-скору руку; вѣдь я, родная, по дѣлу пришла.

— Сейчасъ, сейчасъ... Гаврюшка, чтожъ самоваръ-то готовъ, что-ли?

— Готовъ.

— Ахъ какой мерзавецъ мальчишка! чтожъ ты за Петенькой-то не смотришь; смотри, видишь, онъ къ самовару подошелъ, обвариться можетъ. Погоди! я уже скажу Евстигнею Егорычу: онъ-те задастъ!

— Дѣло въ два слова расскажу, начала Ивановна:—есть у меня одинъ человѣкъ, Антиповъ

прозывается, такъ павой-то твоей плѣнился, что ночей не спить. Онъ здѣсь, уже я его проведу мимо полисада, а вы, какъ-будто не нарочно, и зазовите насъ.

— Да чѣхъ онъ?

— Антиповъ, говорю, отецъ евонный рыбой торгуешь. Славный женихъ; а ужъ какой скромный, какъ дѣвушка. Богатые купцы! Даже я къ вамъ забѣгала, хотѣла васъ увѣдомить, да прибѣгаю въ куфню; а куфарка говорить, ужъ уѣхали; я такъ и руками всплеснула.

— Да это не тѣхъ-ли Антиповыхъ, что садки-то свои на Фонтанкѣ имѣютъ?

— Ихній, ихній!

— Еще домина у нихъ огромный недалеко отъ насъ?

— Они, они!

— А, батюшка, да вѣдь это богачи!

— Ужъ я, родная, какую-нибудь голь не по-сватаю.

— Да гдѣ же онъ ее видѣлъ?

— На сватѣбѣ говорить, вмѣстѣ пировали.

— Ахъ, батюшки! и Пелагея Степановна бросилась обдергивать на Манечкѣ платье, хотя платье и безъ того хорошо сидѣло.—Такъ ты ужъ приведи его къ намъ, Ивановна...

— Безпремѣнно приведу, ужъ что сказала, то сдѣлаю.

Часа въ три поминовленіе родственниковъ было въ самомъ разгарѣ. Во многихъ мѣстахъ уже валялись разбитые полуштофы и бутылки и родственники покойниковъ громко возглашали имъ „вѣчную память“; совершенно упившіеся валялись между могилъ.

— Что есть душа?—говорила одна сибирка другой,—душа есть духъ... тепереча, примѣромъ, у собаки не душа, а паръ, и у анафемы, который, значить, анафемъ преданъ, тоже паръ... а французъ, у него не паръ.

— Позвольте; конечно, мы теперь вышмши, но все-таки свое разсужденіе можемъ имѣть: у турка или, выходить значить, у арапа тоже паръ... а у французъ, у того не паръ.

— Извѣстно, потому французъ христіанинъ; а нѣмецъ, шведъ и лютеранинъ, и католикъ тоже... ну, англичанинъ—тотъ опять не то, тотъ мытарства проходить.

— Это точно...

— Ну, выпьемъ...

— Если вы, тепереча, Авдотья Андреевна, не примите въ соображеніе то, что я есть,—говорить писарь, возсѣдающей съ нимъ рядомъ дѣвушкѣ,—и будете прямо тиранствовать надо мною единственно изъ своего плезира и гордости, то, можетъ быть, я несчастный, безвременно сойду въ могилу, и вы будете приходить сюда и оплакивать меня при пѣсняхъ соловья... скажите одно слово, да или нѣтъ...

— Не знаю... шепчетъ дѣвушка.

— Это ваше рѣшительное слово?

Дѣвушка молчитъ.

— Скажите одно слово: да или нѣтъ... снова пристаётъ писарь.

— Да, едва слышно отвѣчаетъ она.

Въ полисадѣ Евстигнея Егорыча поминовеніе родственниковъ было тоже въ разгарѣ. Онъ поминутно зазывалъ проходящихъ мимо знакомыхъ, пилъ съ ними и закусывалъ. Набралось человѣкъ пять; бесѣда шла очень интимная,—они обнимались.

— Что смотрите, какъ мы обнимаемся?—обратился Евстигней Егорычъ къ Манечкѣ и Матрешенькѣ.

— Братцы, вотъ моя дочь и ея подруга, рекомендую; братцы посватайте женишковъ-то, ужъ больно имъ замужъ-то хочется.

„Изволь, изволь“, слышались голоса, и компанія захохотала.

— Что ты дѣвицъ-то страмишь, Евстигней Егорычъ, замѣтила Пелагея Степановна.

— Ну, ужъ ты молчи, я знаю, что я дѣлаю. Гаврюшка, вотъ тебѣ цѣлковый-рубль, бѣги до погребѣ, возьми бутылку рому ямайскаго лучшаго; да смотри, живымъ манеромъ. Пуншниковъ выпьемъ, обратился онъ къ гостямъ.

— Не много-ли будетъ?

— Пейте! вѣдь влѣзетъ...

— Извѣстно, влѣзетъ, да все-таки...

— Ну, ужъ не разговаривай. А теперь водки выпьемъ.

Чрезъ нѣсколько времени принесенъ былъ ромъ и сдѣланъ пуншъ.

— Вѣдь я брата поминаю, поймите вы это, говорилъ уже коснѣющимъ языкомъ Евстигней Егорычъ; на глазахъ его были слезы.—Брата роднаго, можно сказать, отца втораго... конечно, Богъ ему судья, все-таки онъ мнѣ добро сдѣлалъ...

— Это точно... отвѣтилъ гость, отеръ слезу и покачнулся.

— Примѣромъ онъ бывало скажетъ... Евстигней... ты, говорить, скотина, такъ примѣромъ, къ слову ежели, и я молчу... потому, пикни чуть слово, сейчасъ за волосья.

Евстигней Егорычъ размахнулъ руками, какъ-будто дѣйствительно кого-нибудь хотѣлъ схватить за волосья.

Въ это время къ ихъ полисадѣ подошла Ивановна съ Антиповымъ.

Антиповъ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, одѣтый по-нѣмецки и въ лиловыхъ брюкахъ. Волосы его до того были намажены, что казалось, съ нихъ капало. На шеѣ у него висѣла массивная золотая цѣпь, а на указательномъ пальцѣ правой руки сверхъ зеленой перчатки блестѣлъ брилліантовый перстень.

— Хлѣбъ да соль, проговорила Ивановна.

— Милости просимъ, отвѣтила хозяйка.

Сваха съ женихомъ прошли мимо.

— Евстигней Егорычъ, сейчасъ пройдетъ Ива-

новна съ женихомъ, такъ проси его къ намъ, шепнула Пелагея Степановна мужу—это Антиповъ, онъ къ Манечкѣ сватается.

Но Евстигней Егорычъ уже ничего не слыхалъ, онъ еще съ большимъ жаромъ рассказывалъ гостямъ о благодѣяніяхъ своего брата. Пелагея Степановна рѣшилась пригласить ихъ сама.

Минуть чрезъ пять женихъ и сваха снова прошли мимо.

— Что все гуляешь, Ивановна, да ноги топчешь, поди, ужъ умаялась? Зашла-бы отдохнуть,—проговорила Пелагея Степановна.

— Да я не одна, родная, а съ кавалеромъ, вотъ все могилку знакомаго отыскиваетъ.

— Вмѣстѣ милости прошу къ нашему шалашу!

Они вошли въ полисадъ. При входѣ ихъ Манечка такъ и зардѣлась, вынула изъ кармана платокъ и изо всей силы начала сморкаться въ него.

— Чѣмъ подчивать-то: чайку, кофейку, мадерки, али пунштику желаете?

— Хмѣльнаго не употребляю-сь, а чашку чаю выпью.

— Не пьеть, не пьеть, ничего не пьеть! шепнула Ивановна Пелагеѣ Степановнѣ.

— Что у васъ здѣсь тоже могилки сродственникововъ есть? спросила его Пелагея Степановна.

— Есть-сь, у насъ во второмъ разрядѣ-сь, только нашихъ тамъ никого нѣтъ-сь, тятинька

въ отсутствіи, а родительница третій годъ померла-сь.

— Вотъ что въ сѣренькомъ-то платѣ съ малиновой оборкой дочь ихъ и есть, а та ейная подруга,—шепнула ему Ивановна.

— Сколько здѣсь сегодня народу!—начала снова Пелагея Степановна!—Халдѣевы здѣсь. Вы ихъ знаете?

— Знаю-сь; мы съ ними дѣла дѣлаемъ-сь.

— А вы чѣмъ торгуете?

— Рыбой-сь, у насъ садки... Сколько народу-сь, въ прошломъ году и половины не было-сь.

Евстигней Егорычъ и не замѣчалъ новопришедшаго гостя; онъ еще больше размахивалъ руками. Они уже пили по третьему стакану пуншу.

— Что, солнышко, воюешь, что воюешь, хоть-бы угостилъ чѣмъ, говорила ему Ивановна,—вишь, какъ толкаешься.

— А ты не вертись!

— Чего не вертись, ты-бы вотъ взять рюмку настоечки да и поднесъ-бы мнѣ...

— Жирно будетъ...

— Чтожъ, я такая же гостья...

— Какая ты гостья, шмоль! Уйди! нѣтъ—пришибу! Нечего по чужимъ могиламъ таскаться!...

— Охъ какой грозный, право, словно Иванъ Грозный!

Евстигней Егорычъ счелъ это наименованіе за обиду.

— А коли я Иванъ Грозный, такъ пошла вонъ! Только-бы брюхо чужимъ добромъ набивать! Да еще народу съ собой разнаго водишь. Пошла вонъ, и ты, молодецъ проваливай. Не проѣдайся, не проѣдайся!

— Матушка, Пелагея Степановна, на что же похоже? сперва пригласили, а послѣ вонъ гоните!

— Не задержали-ли?

Пелагея Степановна всплеснула руками. Антиповъ поставилъ чашку на могилку и опрометью бросился вонъ изъ полисада.

— Ахъ батюшки, срамъ какой! Евстигней Егорычъ, Христосъ съ тобой, что ты... что ты... вѣдь это женихъ Манечкинъ.

— Все равно, вонъ ихъ! вонъ ихъ! Пошла вонъ!

— Вонъ, вонъ! заорали, слѣдую его примѣру, и двое гостей.

Другіе гости, менѣе пьяные, начали ихъ оставливать.

— Ахъ, папенька, что съ вами, сквозь слезы говорила Манечка.

— Такъ, такъ-то вы принимаете, — завопила Ивановна, — такъ-то вы гостей угощаете: сначала и такъ и сякъ, Ивановна и такъ и сякая, посва-тай, а послѣ вонъ гнать; спереди лижите, сзади царапаете! Нога моя у васъ не будетъ; на весь Питеръ разславлю; кой-что и о тебѣ, голубчикъ, знаю... по всѣмъ закоулкамъ раззвоню!..

— Уйди, нѣтъ — пришибу! заораль Евстигней Егорычъ и размахивая руками, бросился за нею, но сваха была уже за полисадомъ. Онъ задѣлъ за самоваръ и опрокинулъ его. Сдѣлалась всеобщая суматоха: Евстигней Егорычъ ругался, гости и жена останавливали его. Петенька ревѣлъ, а Гаврюшка, чтобы унять его, трубилъ передъ нимъ въ самоварную трубу. Проходящіе по мосткамъ останавливались, смотрѣли на это происшествіе и дѣлали догадки по поводу шума; одни говорили, что украдены серебряныя ложки, а другіе, что у *самаго* бумажникъ съ деньгами вытащили.

— Тотчасъ же послѣ этого происшествія семейство Крыжовникова начало собираться ѣхать домой, но большихъ трудовъ стоило на это сговорить Евстигнея Егорыча. Часамъ къ пяти только успѣли отыскать карету, положить въ нее посуду, впихнуть туда главу семейства и сѣсть самими.

— Вотъ тебѣ и женишокъ! Вотъ тебѣ и выгодный женишокъ! Вотъ тебѣ и рыбныя садки! А какой человѣкъ-то славный, — богачъ вѣдь!.. говорила ѣдучи домой, Пелагея Степановна. На глазахъ ея были слезы.

— Ахъ, маменька, ужъ не говорите лучше!.. просила дочь.

Остальные всѣ молчали.

Евстигней Егорычъ не слыхаль этого разговора; онъ храпѣлъ на всю карету.

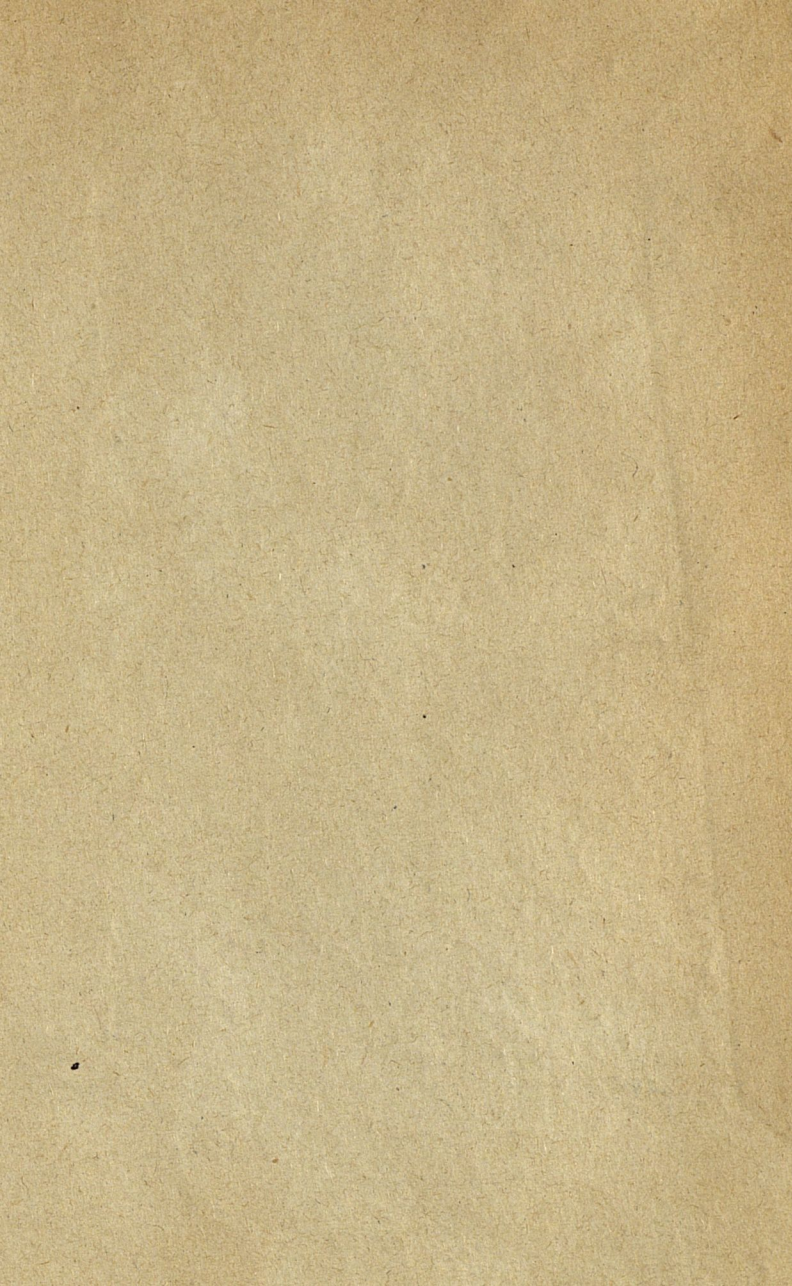
Въ лѣтнемъ саду весь Апраксинъ былъ въ сборѣ. Не быть на этомъ гуляньѣ апраксинецъ считаетъ противъ совѣсти. Въ новыхъ блестящихъ цимерманахъ, подъ руку съ своими дражайшими половинами и дщерями въ богатыхъ шляпкахъ и платьяхъ прогуливались они по аллеямъ сада, то и дѣло раскланивались съ знакомыми. Вотъ идетъ подъ руку съ своей супругой Черноносовъ (лицо его и на гуляньи сохранило пасмурный видъ), далѣе Блюдечкинъ съ сыномъ и дочерью, Харламовъ, Козявинъ съ женами, Затравкинъ съ нафабренными усами и въ красномъ галстукѣ, фертики въ пестрыхъ брюкахъ, молодые Бирюковы—ну, словомъ всѣ наши знакомые, даже старовѣры-братья Опаленины и тѣ искусились, потѣшили бѣса, пришли на гулянье. Все шло хорошо, играла музыка, плавно выступали гуляющіе, при встрѣчѣ съ знакомыми мужчины кланялись, женщины обозрѣвали другъ на другѣ наряды и силились найти въ нихъ какой-нибудь недостатокъ, чтобъ назавтра былъ матеріалъ для сплетенъ; сынки сговаривались махнуть на минерашки и выискивали удобнаго случая, какъ-бы отстать отъ родителей. Случай этотъ вскорѣ-же представился, но они сами уже не хотѣли имъ воспользоваться.

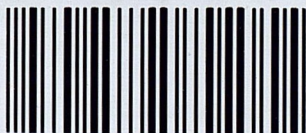
Въ концѣ пятаго часа кто-то проговорилъ слово: „пожаръ.“ У апраксинцевъ кровь прилила къ головѣ. „Гдѣ горитъ, гдѣ горитъ?“ съ испугомъ спрашивали они. „Апраксинъ дворъ горитъ!“ слышалось гдѣ-то. „Апраксинъ горитъ! Рынокъ горитъ!

Горимъ!“ пронеслась съ быстротою электрическаго тока ужасная вѣсть по лѣтнему саду, сдѣлалось страшное смятеніе. Мужчины побросали своихъ женъ и бросились къ выходу; все бѣжало и вѣхало на пожаръ. Сначала Апраксинцы все еще не вѣрили, но какъ достигли невскаго проспекта, и картина ужасной дѣйствительности представилась ихъ глазамъ: изъ самой середины Апраксина вылеталъ страшнымъ столбомъ черный дымъ. Въ ужасѣ несли и везли изъ пламени торговцы свои товары... но я бросаю перо... сердце сжимается при описаніи такого несчастія. Нѣкоторые торговцы бросались прямо въ огонь и съ опаленными волосами были выносимы оттуда. Уже всѣ рѣшили, что Апраксину спасенія нѣтъ, какъ вдругъ узнали нѣкоторые, что загорѣлись ихъ жилища.

Наступила ночь, а Апраксинъ все еще горѣлъ; бѣдные торговцы въ безмолвномъ ужасѣ стояли и глядѣли, какъ горѣло и тлѣлось ихъ имущество, скопленное нѣсколько-лѣтнимъ трудомъ и можетъ быть рядомъ лишеній. Наступило утро. Взошло солнце и освѣтило ужасную картину; тамъ, гдѣ кипѣла дѣятельность, гдѣ стояли сотни лавокъ, набитыя товаромъ, гдѣ тысячи торговцевъ зарабатывали себѣ хлѣбъ, было гладкое поле; только кой-гдѣ на землѣ тлѣлись уголья, да стояли почернѣлые остовы каменныхъ строеній и придавали еще болѣе ужаса этой страшной картинѣ разрушенія.

2007084385